

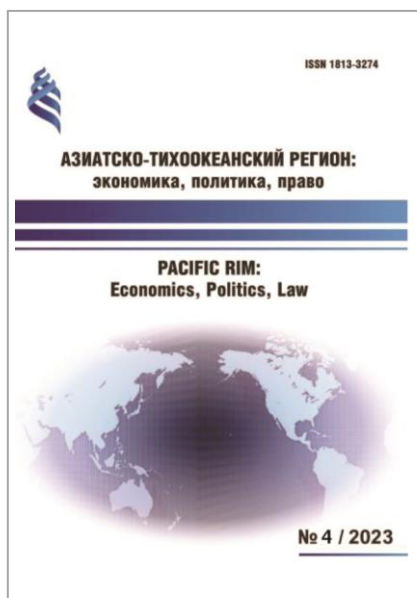
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А, к. А920–923

Подписано в печать 20.12.2023.
Тираж 500 экз. Заказ 344.
Дата выхода в свет 27.12.2023.
Цена свободная.

Редактор *В. А. Воронова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г. П. Писаревой*

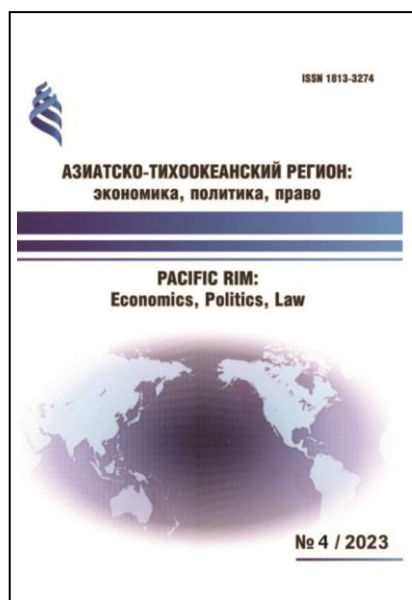
ISSN 1813-3274 (print) ISSN 2499-9474 (online)
DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>

Vol. 25
No. 4
2023

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 20.12.2023.
The circulation is 500 copies. Order 344.
Release date 27.12.2023.
The price is free.

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *V. A. Voronova*
Translation into English by *N. V. Betancourt*
References editor *T. V. Polikarpova*
Computer layout *G. P. Pisareva*

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич**   судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович**   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович**   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна**   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич**   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович**   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК**
Андрей
Борисович ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕБАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала.....	10
ЭКОНОМИКА	15
Монгуш С. П., Марьясова Е. П. Актуализация индивидуальных программ социально-экономического развития регионов Сибири.....	15
Прокофьев В. А. Современные тенденции развития трансфера технологий (на примере энергетики)	34
Ван Цунюэ. Китайско-российское научно-техническое сотрудничество: история, текущие положение и проблемы.....	49
ПОЛИТИКА	65
Горбушина О. П. Междисциплинарная модель имиджа стран	65
Сторожук М. В. Дальний Восток как объект региональной политики в современной России	74
Нгуен Шон Нам. Понятие государственно-конфессиональных отношений: сравнительное исследование Вьетнама и России.	88
ПРАВО	98
Благов Е. В. Наказание без назначения и скрытые формы наказания в уголовном праве России	98
Лаптев А. С. Классификация видов криминологического планирования в субъекте Российской Федерации: исторический и практический аспекты	114
Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Японии.....	128
Нгуен Куанг Хюи. Понятие источника повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама и России: сравнительно-правовое исследование	155
Князева Н. А., Князева Е. А. Правовые особенности искусственного интеллекта для обеспечения кибербезопасности в Малайзии и Индонезии.....	167
Бурганова Г. В. Понятие земель, предназначенных для захоронения	178

Contents

To the Readers	13
ECONOMICS	15
Mongush S. P., Maryasova E. P. Update of individual programs of socio-economic development of the regions of Siberia	15
Prokofev V. A. Modern trends in the development of technology transfer (the energy case)	34
Wang Congyue. Sino-Russia science and technology cooperation: history, current situation and problems	49
POLITICS	65
Gorbushina O. P. Interdisciplinary model of country image	65
Storozhuk M. V. The Far East as an object of regional policy in modern Russia	74
Nguyen Son Nam. The concept of state-confessional relations: a comparative study of Vietnam and Russia	88
LAW	98
Blagov E. V. Punishment without appointment and hidden forms of punishment in criminal law	98
Laptev A. S. Classification of types of criminological planning in the subject of the Russian Federation: historical and practical aspects	114
Berezina E. A. Autonomous automobile vehicles: legal experience of Japan	128
Nguyen Quang Huy. The concept of increased danger in the civil science of Vietnam and Russia: a comparative legal study	155
Knyazeva N. A., Knyazeva E. A. Legal features of the use of artificial intelligence for ensuring cyber security in Malaysia and Indonesia	167
Burganova G. V. The concept of land intended for burial	178

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате [https://orcid.org/...](https://orcid.org/)) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 15–33.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 15–33.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.14(571.1/.5-772)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/15-33>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ

Снежана Петровна Монгуш¹, Елена Петровна Марьясова²

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия;

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
г. Кызыл, Россия, fqkey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-0944>

² Иркутский научный центр СО РАН, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Одним из драйверных путей социально-экономического развития для регионов с низким уровнем развития стали Индивидуальные программы социально-экономического развития (ИПСЭР) до 2024 г. с пролонгацией до 2027 г., при финансовой поддержке центра в соотношении 90 к 1 (федеральные субвенции 90%, региональные 1%). Сибирские регионы с низким уровнем развития были отобраны Минэкономразвития России на основе «Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития»: Республики Алтай, Тыва и Алтайский край. Индивидуальные программы социально-экономического развития помогут регионам Сибири с низким уровнем развития реализовать поставленные национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г. Цель исследования заключается в актуализации промежуточных реализационных мероприятий региональных властей с ИПСЭР в Сибири. Объектом исследования выступила ИПСЭР регионов Сибири с низким уровнем развития. Произведена сравнительная характеристика основных социально-экономических показателей развития проблемных регионов Сибири. Также авторами просчитан интерпретационный прогнозный вариант 4 показателей: среднедушевые денежные доходы населения; доля населения с денежными доходами ниже

величины прожиточного минимума; уровень безработицы; инвестиции в основной капитал на душу населения, на основе которых были отобраны 10 регионов Российской Федерации для разработки и реализации ИПСЭР до 2024 г. При этом был использован комплекс методов: индукция, дедукция и статистические методы анализа, такие как сравнение, динамика, прогноз (метод наименьших квадратов). С учетом поставленной цели оценка некоторых позиций индивидуальных программ социально-экономического развития регионов Сибири проводится авторами на основе качественной составляющей (отличительные региональные компоненты) и ее реального влияния на экономику регионов с низким уровнем развития. Результат исследования носит промежуточно-рекомендательный характер, программы ИПСЭР реализуются на территориях с низким уровнем развития Сибири до 2024 г. (пролонгация до 2027 г.).

Ключевые слова: регион, низкий уровень развития, мероприятия, оценка, результативность, программа

Для цитирования: Монгуш С. П., Марьясова Е. П. Актуализация индивидуальных программ социально-экономического развития регионов Сибири // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 15–33.

ECONOMICS

Original article

UPDATE OF INDIVIDUAL PROGRAMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF SIBERIA

Snezhana P. Mongush¹, Elena P. Maryasova²

¹V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia;

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS, Kyzyl, Russia,

fqkey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-0944>

²Irkutsk Scientific Center SB RAS, Irkutsk, Russia

Abstract. One of the driving ways of socio-economic development for regions with a low level of development was the Individual Programs for Socio-Economic Development (hereinafter – IPSED) until 2024 with prolongation until 2027, with financial support from the center in a ratio of 90 to 1 (federal subventions in the amount of 90%, regional 1%). Siberian regions with a low level of development were selected by the Ministry of Economic Development of Russia on the basis of the "Methodological recommendations for organizing work on the development of individual programs for the socio-economic

development of subjects of the Russian Federation with a low level of socio-economic development": the Republic of Altai, Tuva and the Altai Territory. Individual programs for socio-economic development will help Siberian regions with a low level of development to achieve the national development goals of the Russian Federation until 2030. The purpose of the study is to update the intermediate implementation measures of the regional authorities with the IPSED in Siberia. The object of the study was the IPSED of Siberian regions with a low level of development. A comparative description of the main socio-economic indicators of the development of problem regions of Siberia has been made. The authors also calculated the interpretive forecast version of 4 indicators: average per capita cash income of the population; the proportion of the population with monetary incomes below the subsistence level; unemployment rate; investment in fixed assets per capita, on the basis of which 10 regions of the Russian Federation were selected for the development and implementation of the IPSED until 2024. In this case, a set of methods was used: induction, deduction and statistical methods of analysis, such as comparison, dynamics, forecast (least squares method). Taking into account the set goal, the assessment of some positions of individual programs for the socio-economic development of the regions of Siberia is carried out by the authors on the basis of a qualitative component (distinctive regional components) and its real impact on the economy of regions with a low level of development. The result of the study is of an intermediate-recommendatory nature, IPSED programs are being implemented in territories with a low level of development of Siberia until 2024 (prolongation until 2027).

Keywords: region, low level of development, activities, evaluation, performance, program

For citation: Mongush S. P., Maryasova E. P. Update of Individual programs of socio-economic development of the regions of Siberia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 15–33. (In Russ.).

Введение

В рамках реализации цели «Региональное развитие» Минэкономразвития России занимается выработкой государственной политики и нормативно-правового регулирования в области социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также в сфере территориального планирования. Для достижения данной цели министерством решается определенный круг задач, одна из которых заключается в разработке индивидуальных программ по обеспечению устойчивого развития отдельных территорий. Проблемная экономика отличается от развитой тем, что не может выдержать интенсивный темп экономических преобразований, а в комплексе с инновационной составляющей сразу сдает позиции. При этом образуются отличительные «проблемные оттенки» социально-экономической градации в виде «экономики с низким уровнем разви-

тия» [1]. Данный феномен как экономического, так и социального положения территорий разделяет экономическое пространство страны на различные типы регионов: доноры и реципиенты [2]. Развитые территории в своём экономическом развитии оставляют проблемные территории далеко позади, стремительно «инновационно модифицируясь» на современные реалии рыночных позиций с трансформационными механизмами, при этом адаптируя рыночные условия под свою экономику или экономику под них [3, 4].

Характеристика регионов Сибири с ИПСЭР

Социально-экономическое развитие любой территории направлено на создание условий, позволяющих повысить экономическую конкурентоспособность субъекта (высокий уровень и качество жизни на основе устойчивого экономического роста). В таблице приведены социально-экономические показатели регионов Сибири с ИПСЭР, характеризующие отличительные параметры развития экономики субъекта (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономические показатели регионов Сибири с ИПСЭР Socio-economic indicators of the regions of Siberia with IPSED

Показатели	Республика Алтай	Республика Тыва	Алтайский край
Приграничный потенциал	Приграничный субъект: граничит на юге с Монголией и КНР, на юго-западе – с Республикой Казахстан	Приграничный субъект Российской Федерации, который входит в состав Сибирского федерального округа и граничит на юге с Монголией	Приграничный субъект: на юго-западе регион граничит с Республикой Казахстан
Территориальное расположение	Горный рельеф: республика полностью расположена в пределах Российской части горной системы Алтай (Горный Алтай), соответственно рельеф республики характеризуется высокими хребтами, разделенными узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами	Горный рельеф занимает более 80% всей территории, 20% территории приходится на межгорные котловины, в пределах которых проживает основная часть населения	Равнинный рельеф: территория края относится к двум физическим странам: Западно-Сибирской равнины и Алтай – Саяны. Горная часть охватывает равнину с восточной и южной сторон – Салаирский кряж и предгорья Алтая. Западная и центральная части преимущественно равнинного харак-

		ми. Самая высокая гора Белуха (4506 м) является высочайшей точкой Сибири		тера: Приобское плато, Бийско-Чумышская возвышенность, Кулундинская равнина
Район Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера		Приравненные к районам Крайнего Севера муниципальные районы: Кош-Агачский, Улаганский	Крайний Север (Монгун-Тайгинский, Тоджинский, Шанаанский сумон Терехольского кожууна), а остальная территория региона приравнена к Крайнему Северу	Не относится
Территориальная удаленность от г. Москва и г. Санкт-Петербург		Москва: 3834 км, по прямой 3134 км, время в пути 38:40 ч; Санкт-Петербург: 4341 км, по прямой 3465 км, время в пути 47:48 ч	Москва: 4682 км, по прямой 3659 км, время в пути 48:21 ч; Санкт-Петербург: 1358 км, по прямой 1015 км, время в пути 19:21 ч	Москва: 3617 км, по прямой 2934 км, время в пути 54 ч; Санкт-Петербург: 4329 км, по прямой 3431 км, время в пути 48:14 ч
Общая земельная площадь на 1 января 2021 г., тыс. га		9290,3	16860,4	16799,6
Численность населения	Общая численность, чел.	221559	332609	2268179
	городское	64558	182587	1302594
	сельское	157001	150022	965585
	Плотность населения, чел/км ²	2	2	13
Коэффициенты естественного прироста населения на 1000 человек населения		2	10,8	-7,9
Соотношение браков и разводов, на 1000 браков приходится разводов		807	373	866
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет		69,15	66,25	70,19
Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		15	-18	-11
Уровень занятости населения, %		52,9	49,2	54,1

ЭКОНОМИКА

Уровень безработицы, %	14	18	5,9
Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб.	15154	10668	17672
Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя	21,8	14,3	25,3
Численность населения на одну больничную койку, чел.	137,2	93,7	110,0
Прерывание беременности (аборты) на 100 родов	49	36	43
Число муниципальных образований на 1 января 2021 г.	102	143	717
Соотношение безвозмездных поступлений к собственным доходам консолидированного бюджета субъектов РФ, млн руб.	70,4 к 29,6	83,7 к 16,3	48,2 к 51,8
Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, млн руб.	1206,5	2041,0	11128,6
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	268657,4	243052,4	271319,7
Объем жилищных кредитов (ипотечных жилищных кредитов), предоставленных кредитными организациями физическим лицам в млн руб.	2434	6382	53478
Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам, млн руб.	16730	27087	137728
Средства (вклады) физических лиц на рублевых счетах в Сбербанке России, млн руб.	7609	7739	127301

Средства (вклады) физических лиц на валютных счетах в Сбербанке России, млн руб.	231	331	8794
Стоимость минимального (условного) набора потребительских товаров и услуг, руб.	4523,9	4535,1	4119,7
Место, занимаемое субъектом в Российской Федерации в 2020 г. по основным социально-экономическим показателям	68	70	51
Индекс качества жизни «РИА Рейтинг»	30,55	19,11	40,84

Источник: Составлено на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 1112 с. [13].

Социально-экономическое положение регионов с низким уровнем развития характеризуется следующим соотношением доходной части консолидированного бюджета 2020 г.:

Республика Алтай: 70,4% – безвозмездные поступления (субвенции, дотации и т.п.) и собственные поступления (налоги) – 29,6% (2019 г. 71,4/28,6);

Республика Тыва: 83,7% – безвозмездные поступления (субвенции, дотации и т.п.) и собственные поступления (налоги) – 16,3% (2019 г. 75,7/24,3);

Алтайский край: 48,2% – безвозмездные поступления (субвенции, дотации и т.п.) и собственные поступления (налоги) – 51,8% (2019 г. 39,6/60,4).

Данные соотношения показывают, какие территории попали в группу «регионы с низким уровнем развития», но не вполне объяснимо, по каким критериальным позициям вошел в указанную группу *Алтайский край*, у которого собственные поступления консолидированного бюджета выше 50–60%. Есть другие регионы с меньшими показателями, например, регионы Северо-Кавказского федерального округа: Республика Дагестан (74,2/25,8), Республика Ингушетия (85,2/14,8), Кабардино-Балкарская Республика (69,5/30,5), Карачаево-Черкесская Республика (73,8/26,2), Республика Северная Осетия – Алания (64/36), Чеченская Республика (84,1/15,9).

ИПСЭР регионов Сибири:

Республики Алтай, Тыва и Алтайский край

Министерством экономического развития Российской Федерации на основании анализа социально-экономических показателей, отражающих уровень развития субъектов, был определен круг регионов, для которых разработаны ИПСЭР до 2024 г.: 7 национальных республик (Алтай, Карелия, Тыва, Чувашская, Калмыкия, Марий

Эл, Адыгея), 2 области (Псковская и Курганская), а также Алтайский край. У каждого региона есть свой куратор (член Правительства РФ), который будет обеспечивать единую точку выхода на региональный уровень [14–17].

Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов РФ изучался авторами с позиции новации стратегического планирования, которая позволит выявить направления их будущего развития с учетом внутреннего потенциала региона [5]. Уникальным инструментом государственного управления является стратегическое планирование в виде специальной формы реальной деятельности органов управления (начиная с планирования, разработки стратегических решений и заканчивая фактическими результатами внедрения в регионах страны) [6–7]. По мнению некоторых ученых, стратегическое планирование – это процесс разработки плана развития региона с помощью формулирования целей, задач и механизмов управления регионом¹. Стратегическое планирование есть необходимый компонент эффективного управления социально-хозяйственными процессами для устойчивого развития в долгосрочной перспективе в условиях определенных социально-экономических процессов [8–9]. Но при этом влияние отрицательных факторов, которые усиливаются структурной отсталостью проблемного региона, усложняли планирование (предвидение, прогнозирование) социально-экономических процессов. Таким образом, это выступает обязательным допущением при практическом воплощении стратегического планирования [10–11].

Актуализация промежуточных аспектов программ ИПСЭР проблемных регионов Сибири явилась предметом нашего исследования. Объектами исследования выступают проблемные регионы Сибири с ИПСЭР до 2024 г.: Республика Алтай, Республика Тыва и Алтайский край (табл. 2).

Прогноз показателя среднедушевых денежных доходов населения выявляет потенциальные возможности населения анализируемой территории. По среднедушевым денежным доходам населения согласно ИПСЭР на 2024 г. в регионах Сибири предусмотрен рост показателя. В прогнозных расчетах авторов полученные результаты на 2024 г. превышают плановые ИПСЭР (Алтай и Тыва), но в Алтайском крае при расчете получен показатель меньше планового 29462,7 руб. в месяц (–3641,2 руб.). Показатели «доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе», рассматривались как характеризующие уровень бедности, а его прогноз выявляет уменьшение (увеличение) денежных поступлений населения конкретной территории, доступных для сбережения. Расчетные данные по показателю «доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума» в регионах Сибири не оправдали сниженных плановых показателей ИПСЭР на 2024 г. Показатели уровня

¹ Львов, Д. С. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Д. С. Львов, А. П. Егоршин, А. Г. Гранберг. Москва: Экономика, 2005. 603 с.

безработицы рассматривались как определяющие и характеризующие уровень и темпы экономического развития территории. Расчетные данные по показателю «уровень безработицы» оправдываются только в Алтайском крае (меньше планового ИПСЭР на 0,8%). Показатели инвестиций в основной капитал на душу населения изучались как характеризующие отобранные территории со стороны инвестиционной площадки для будущего развития предпринимательской деятельности. Инвестиции в основной капитал на душу населения в расчетах получились меньше планового показателя ИПСЭР.

Таблица 2

**Субъекты с низким уровнем развития,
отобранные по рейтингу Минэкономразвития России
для утверждения ИПСЭР в Сибирском федеральном округе**
**Subjects with a low level of development, selected according
to the rating of the Russian Ministry of Economic Development
for approval of IPSED in the Siberian Federal District**

Нормативно-правовое основание	Республика Алтай	Республика Тыва	Алтайский край
	Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2020 г. № 937-р [18]	Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 г. № 972-р [19]	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 г. № 928-р [20]
Федеральные органы исполнительной власти (методологическая поддержка, координация, мониторинг)	Минэкономразвития России		Минтруд России
Направления развития	Обеспечение опережающих темпов экономического развития, повышение качества и безопасности среды жизни населения региона и развитие социального сектора	Повышение качества среды для жизни, создание условий для развития предпринимательства, дальнейшая реализация действующих и перспективных инвестиционных проектов с их выходом на полную мощность, сокращение бедности населения за счёт введения выплат на 3-го ребенка	Обеспечение темпов опережающего экономического развития, создание условий для развития бизнеса (малого и среднего), развитие транспортной и социальной инфраструктур

<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">Возможности развития</p>	<p>Географическое положение и природно-климатические условия, благоприятствующие развитию солнечной энергетики. Высокий туристический потенциал. Развитие сельского хозяйства (мясомолочное животноводство, овцеводство, козоводство и мараловодство). Формирование современного конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса. Комплексное развитие всех типов инфраструктуры путём активного вовлечения субъектов малого и среднего бизнеса. Повышение качества жизни (стимулирование ИЖС, развитие городской среды, обеспечение экологической безопасности). Снижение бедности за счёт создания новых рабочих мест. Повышение уровня обеспечения услугами образования, здравоохранения, культуры и спорта населения региона. Территория региона расположена в сейсмоопасной зоне с вероятностью возникновения 8-балльного землетрясения. Высокая доля населения моложе трудоспособного населения.</p>	<p>Значительные запасы полезных ископаемых. Высокий уровень естественного прироста населения. Снятие инфраструктурных ограничений. Опережающие темпы экономического развития. Создание условий для развития малого и среднего предпринимательства. Рост производства продукции внутри региона как результат диверсификации экономики</p>	<p>Наличие значительного потенциала в развитии сельского хозяйства. Уникальные месторождения яшмы, малахита, порфиров, мраморов, гранитов и других природных ресурсов. Богатые лесные и водные ресурсы. Создание условий для развития инвестиционных проектов. Обеспечение необходимыми условиями малого и среднего бизнеса (развитие экспортного потенциала). Совершенствование транспортной и социальной инфраструктур. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест, что будет способствовать повышению уровня жизни населения</p>
---	--	--	---

<p style="text-align: center;">Риски развития</p>	<p>Низкий уровень развития сети автомобильных дорог, характеризующийся низким качеством автодорожного полотна. Недостаточная мощность аэропорта, высокая стоимость билетов, ограниченная география совершаемых рейсов. Удорожание себестоимости продукции внутри региона из-за высоких транспортных издержек. Низкая транспортная подвижность населения региона. Уровень энергетических тарифов – самый высокий в Сибири, значительные коммерческие потери при транспортировке электроэнергии. Низкий уровень инвестиционной активности. Низкая активность малого и среднего предпринимательства. Высокий уровень неформальной занятости. Низкая продолжительность жизни. Высокий уровень смертности от внешних причин и младенческая смертность. Высокий уровень заболеваемости. Дефицит квалифицированных медицинских кадров. Несоответствие современным требованиям качества предоставляемых услуг организациями культуры. Высокий уровень преступности</p>	<p>Территория региона расположена в сейсмически опасной зоне (8–10 баллов по шкале Рихтера). Существенный миграционный отток населения. Высокая доля населения моложе трудоспособного возраста. Инвестиционные возможности осложнены инфраструктурными ограничениями. Энергодефицит и высокие ценовые пороги на электроэнергию. Недостаток квалифицированных кадров. Снижение инвестиций в основной капитал. Высокая степень износа (физического и морального) основных средств. Низкая финансово-экономическая устойчивость экономики в силу слабой диверсификации производства, инфраструктурных ограничений, неквалифицированных кадров. Низкая транспортная освоенность территории региона. Высокий уровень неформальной занятости</p>	<p>Естественная убыль населения, превышение населения старше трудоспособного возраста над населением моложе трудоспособного возраста. Низкая конкурентоспособность бизнеса и уменьшение инвестиционной привлекательности края из-за высоких тарифов на электроэнергию, что влечёт рост нагрузки на доходы населения. Низкий экспортный потенциал из-за удаленности от морских терминалов и пунктов пропуска через государственную границу РФ, а также от значимых рынков сбыта. Рост транспортных издержек, снижение скорости грузо- и пассажирооборота, низкая доступность туристических объектов, низкий международный транзитный потенциал из-за состояния дорожной сети. Высокая моральная и физическая изношенность машин и механизмов, задействованных в различных работах по поддержанию дорожной инфраструктуры. Высокая степень износа основных фондов промышленного комплекса</p>
---	--	--	---

Источник: Составлено на основе данных ИПСЭР проблемных регионов, взятых из Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов.

URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 11.05.2022).

Прогнозный расчет рейтинговых показателей регионов Сибири
Forecast calculation of rating indicators of Siberian regions

Показатели	Сравнительное обоснование	Период	Республика Алтай	Республика Тыва	Алтайский край
			Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	Рейтинговый показатель	2019
Доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума, %		2020	21677	18972	23864
	План ИПСЭР	2024	23126,9	19912	33103,9
	Прогнозный расчет	2024	26060,8	22552,1	29462,7
		2023	24964,9	21657,1	28063,0
		2022	23868,9	20762,1	26663,4
		2021	22773,0	19867,0	25263,7
	Уровень безработицы, %	Рейтинговый показатель	2019	24	34,8
		2020	23,8	31,7	17,5
План ИПСЭР		2024	10,8	17,0	8,8
Прогнозный расчет.		2024	21,1	31,1	15,7
		2023	21,7	31,3	16,2
		2022	22,4	31,4	16,6
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.		2021	23,1	31,6	17,1
	Рейтинговый показатель	2019	11	14,4	6,7
		2020	14	18	5,9
	План ИПСЭР	2024	8,1	11,4	5,9
	Прогнозный расчет	2024	14,3	16,6	5,1
		2023	14,2	16,9	5,3
2022		14,1	17,3	5,5	
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.		2021	14,0	17,6	5,7
	Рейтинговый показатель	2019	63,29	11,8	46,7
		2020	60,4	54,4	52,8
	План ИПСЭР	2024	86,09	24,6	76,5
	Прогнозный расчет	2024	75,3	67,7	63,2
		2023	71,5	64,3	60,7
2022		67,8	61,0	58,0	
		2021	64,1	57,7	55,4

Стратегические наработки Правительства РФ на опережение позволили дифференцировать проблемные регионы, давая им исключительные инвестиционные возможности социально-экономического развития. Наибольшее число проблемных регионов оказалось в Сибирском федеральном округе: Алтайский край, Республики Алтай и Тыва [12]. Произведен расчет рейтинговых показателей для сравнения с плановыми показателями ИПСЭР на 2024 г. (табл. 3).

Прогноз показателя среднедушевых денежных доходов населения выявляет потенциальные возможности населения анализируемой территории. По среднедушевым денежным доходам населения согласно ИПСЭР на 2024 г. в регионах Сиби-

ри предусмотрен рост показателя. В прогнозных расчетах авторов полученные результаты на 2024 г. превышают плановые ИПСЭР (Алтай и Тыва), но в Алтайском крае при расчете получен показатель меньше планового 29462,7 руб. в месяц (-3641,2 руб.). Показатели «доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе», рассматривались как характеризующие уровень бедности, а его прогноз выявляет уменьшение (увеличение) денежных поступлений населения конкретной территории, доступных для сбережения. Расчетные данные по показателю «доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума» в регионах Сибири не оправдали сниженных плановых показателей ИПСЭР на 2024 г. Показатели уровня безработицы рассматривались как определяющие и характеризующие уровень и темпы экономического развития территории. Расчетные данные по показателю «уровень безработицы» оправдываются только в Алтайском крае (меньше планового ИПСЭР на 0,8%). Показатели инвестиций в основной капитал на душу населения изучались как характеризующие отобранные территории со стороны инвестиционной площадки для будущего развития предпринимательской деятельности. Инвестиции в основной капитал на душу населения в расчетах получились меньше планового показателя ИПСЭР.

Актуализация промежуточной апробации ИПСЭР регионов Сибири

Промежуточные оценочные результаты выявили ряд недочетов в ИПСЭР регионов с низким уровнем развития, что повлекло за собой принятие определенных решений по качественному содержанию запланированных мероприятий.

Республика Алтай: ИПСЭР содержит три направления развития: «Обеспечение опережающих темпов экономического развития», «Повышение качества и безопасности среды для жизни», «Развитие социальной сферы». 43% мероприятий имеют прямое влияние на экономику, при этом налоговые поступления – 565 млн руб., создание рабочих мест – 2518 ед., внебюджетные инвестиции в основной капитал – 3847,7 млрд руб., предусмотрены и другие эффекты; 57% мероприятий имеют косвенное влияние на экономику, такие как обеспечение комплексной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, повышение уровня газификации домовладений, снижение уровня износа коммунальных сетей, повышение уровня обеспеченности граждан водопроводом, соблюдение запланированных темпов введения дополнительных мест в организациях дошкольного и общего образования, и другие мероприятия, повышающие уровень жизни населения региона с низким уровнем развития.

Республика Тыва: ИПСЭР региона с низким уровнем развития содержит 34 позиции. «Экономика: создание условий для реализации инвестиционных проектов; малый и средний бизнес; развитие туризма; снятие инфраструктурных ограниче-

ний», «Среда для жизни», «Социальная сфера». Постановлением Правительства Республики Тыва № 867 от 29 декабря 2022 г. «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Тыва от 4 июня 2020 г. № 268» утверждены главные распорядители бюджетных средств и ответственные исполнители в 18 мероприятиях, также определены дополнительные целевые показатели по 10 мероприятиям по фактическому выполнению. Изменения затронули мероприятия: «4» организация производства кирпича; «5» организация производства железобетонных изделий; «6» организация производства строительных материалов; «10» создание логистического центра «Хандагайты»; «11» создание и развитие проектов в сфере туризма (туристического комплекса Тайга); «14» улучшение материально-технической базы агропромышленного комплекса; «15» проектирование и строительство инженерной инфраструктуры для жилищного строительства, социальной сферы в Республике Тыва; «18» проектирование детского лагеря на 120 мест для повторного применения на территории Республики Тыва.

Алтайский край: в ИПСЭР региона с низким уровнем развития предусмотрено 6 мероприятий: докапитализация институтов развития (эффекты: образование 1300 новых рабочих мест, налоговые поступления в бюджет около 1 млрд руб.); субсидирование части затрат с приобретением оборудования субъектов малого и среднего предпринимательства (эффекты: образование 1100 новых рабочих мест, налоговые поступления в бюджет в сумме 854 млн руб., рост объема инвестиционных вложений на 3,4 млрд руб.); приобретение дорожно-строительной техники в целях сохранения транспортно-эксплуатационного состояния автомобильных дорог (эффект: образование высокопроизводительных рабочих мест в количестве 44 единиц; увеличение средней заработной платы на 5%); проектирование и строительство (реконструкция) инженерной и дорожной инфраструктуры для жилищного строительства (эффекты: ввод более 250 тыс. м² жилья, улучшение жилищных условий более 3,3 тыс. семей); строительство средней школы на 550 учащихся. При реализации мероприятий ИПСЭР предполагается создать свыше 2500 новых рабочих мест, увеличить налоговые поступления до 1,9 млрд руб.

Данные изменения являются необходимой мерой для того, чтобы по истечению срока реализации ИПСЭР проблемные регионы смогли дать результативные выходы. Сложность для региональных властей в разработке ИПСЭР заключалась в выборе наиболее эффективных, реалистичных проектов на своих территориях, поскольку «индивидуальные региональные факторы (внешние, внутренние) никто не исключал». Дифференцированный уровень развития регионов, отобранных для ИПСЭР, тоже присутствует: даже среди регионов одного федерального округа прослеживается разница в социально-экономическом развитии – Алтайский край по отношению к остальным двум республикам (Алтай, Тыва) выступает наиболее развитой территорией, обладающей бюджетной устойчивостью свыше 50–60%.

Заключение

С одной стороны, ИПСЭР нацелены на стимулирование экономики, а с другой – на социальные мероприятия. Ввиду дифференциальных различий бюджетов регионов страны, для проблемных регионов это дополнительная финансовая нагрузка и вместе с тем возможность реализовать различные проекты и программы. При этом существуют некоторые пробелы в мониторинге реализаций предусмотренных мероприятий по ИПСЭР, так как определен порядок предоставления этапов выполнения региональными властями (соответствующими подконтрольными министерствами) в Минэкономразвития РФ (ежеквартально), а Минэкономразвития РФ ежегодно предоставляет отчет в Правительство РФ, то есть иерархия осталась «снизу-вверх». Такой подход снижает своевременную оценку деятельности региональных властей, ибо в данном процессе участвуют и крупные частные инвесторы со стороны регионов. Таким образом, комплексная оценка всех регионов, участвующих в реализации ИПСЭР, невозможна, поскольку каждый из регионов по своему усмотрению предоставляет в открытый доступ на различные системы (платформы) информацию о ходе реализации ИПСЭР. Такие крупные пионерные программы, как ИПСЭР или другие региональные проекты (программы), обеспечивающие достижение национальных целей до 2030 г., должны быть «на поверхности». В виде единого портала регионального развития по достижению национальных целей до 2030 г. на базе определенной информационной системы, чтобы каждая заинтересованная сторона могла «напрямую» войти в соответствующий региональный орган (министерство), отвечающее за тот или иной аспект ИПСЭР определенной территории. Можно также совместить функцию «общественная приемная по оценке реализуемых региональных проектов территории», чтобы каждый «гражданин» знал сегодняшнее состояние развития своей территории, его будущие приоритеты, возможности и риски, а не только определенный заинтересованный круг агентов (Правительственные органы РФ, региональные органы власти, крупные инвесторы). Чем слабее экономика, тем ее потенциальные проекты, нацеленные в будущее, должны быть «без амбициозными», направлены на интеграцию экономического пространства проблемного региона и при этом обладать быстрой реализуемостью в условиях высоких рисков.

Список источников

1. Доменко Ю. Ю., Упоров И. С., Малькова Н. Н. Социально-экономическое развитие региона на основе эффективного стратегического планирования // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 2265–2269. EDN: JWQKBB
2. Егорова Н. Е. Особенности российской модели малого бизнеса и последствия пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 1. С. 71–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-1-71-85>

3. Ускова Т. В., Лукин Е. В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 60–81. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.3.45.3>
4. Гневко В. А., Рохчин В. Е. Вопросы теории и практики регионального стратегического управления // Пространственная экономика. 2006. № 4 (192). С. 101–114. EDN: KVNGQD
5. Soltangazinov A., Simonov S., Amirova M., Kaidarova S., Karimbergenova M. Strategic planning as an instrument of the state planning system in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Karaganda University. Economy series*, 2019, vol. 93, no. 1, pp. 199–207. EDN: DOQAWW
6. Копылова Ю. В. Анализ этапов стратегического планирования развития региона // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2 (66). С. 42–50. EDN: UIXPOG
7. Саркин А. В. Стратегическое планирование как базовая функция стратегического управления // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2009. № 1 (23). С. 62–67. EDN: KWWRVH
8. Жихаревич Б. С. Территориальное стратегическое планирование: теория и практика // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 (79). С. 303–306. EDN: QZRUBP
9. Меркулов А. В. Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципального образования: управленческий аспект // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 163–169. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10094>
10. Токарева П. В., Доменко Ю. Ю. Стратегическое планирование социально-экономического развития региона: проблемы и перспективы развития // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 12. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10850>
11. Акилджанова Ш. Ю., Юлдашева М. Ю. Алгоритм стратегического планирования инвестиционного развития экономики региона // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2019. № 4 (81). С. 77–86. EDN: OAJRMP
12. Монгуш С. П., Кылыгдай А. Ч. Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 45–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 1112 с.
14. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 13.05.2022).

15. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

16. Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/formirovanie_individualnyh_planov_razvitiya_territoriy/ (дата обращения: 13.05.2022).

17. Приказ Минэкономразвития России от 25.10.2019 № 698 (ред. от 01.02.2022) «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-25102019-n-698/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-raboty/ii/> (дата обращения: 11.05.2022).

18. Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2020 года № 937-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Алтай на 2020–2024 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652907> (дата обращения: 11.05.2022).

19. Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 года № 972-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912> (дата обращения: 11.05.2022).

20. Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 года № 928-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Алтайского края на 2020–2024 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564647739> (дата обращения: 11.05.2022).

References

1. Domenko Yu. Yu., Uporov I. S., Malkova N. N. Social'no-jekonomicheskoe razvitie regiona na osnove jeffektivnogo strategicheskogo planirovaniya [Socio-economic development of the region based on effective strategic planning]. *Innovation. Science. Education*, 2020, no. 23, pp. 2265–2269. (In Russ.).

2. Egorova N. E. Features of the Russian small business model and the consequences of the COVID-19 pandemic. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2021, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-1-71-85>

3. Uskova T. V., Lukin E. V. About the prospects for development of the region on the basis of interregional cooperation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 3 (45), pp. 60–81. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.3.45.3>

4. Gnevko V. A., Rokhchin V. E. Voprosy teorii i praktiki regional'nogo strategicheskogo upravlenija [Issues of Theory and Practice of Regional Strategic Management]. *Spatial Economy*, 2006, no. 4 (192), pp. 101–114. (In Russ.).

5. Soltangazinov A., Simonov S., Amirova M., Kaidarova S., Karimbergenova M. Strategic planning as an instrument of the state planning system in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Karaganda University. Economy series*, 2019, vol. 93, no. 1, pp. 199–207.
6. Kopylova Yu.V. Analysis of stages of strategic planning of regions development. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH)*, 2019, no. 2 (66), pp. 42–50. (In Russ.).
7. Sarkin A. V. Strategicheskoe planirovanie kak bazovaja funkcija strategicheskogo upravlenija [Strategic planning as a basic function of strategic management]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskoj akademii upravleniya i ekonomiki*, 2009, no. 1 (23), pp. 62–67. (In Russ.).
8. Zhiharevich B. S. Strategic spatial planning: theory and practice. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2013, no. 3 (79), pp. 303–306. (In Russ.).
9. Merkulov A. V. Strategic planning of social and economic development of the municipality: management aspect. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2020, no. 28 (2), pp. 163–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10094>
10. Tokareva P. V., Domenko Y. U. Strategic planning of socio-economic development of the region: problems and prospects of development. *Moscow Economic Journal*, 2020, no. 12, pp. 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10850>
11. Akildzhanova Sh. Yu., Yuldasheva M. Yu. Algorithm of strategic planning of investitive development referring to the economy of the region. *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Social Sciences*, 2019, no. 4 (81), pp. 77–86. (In Russ.).
12. Mongush S. P., Kylgyday A. Ch. Individual programs of socio-economic development of problem regions in the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 3, pp. 45–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>
13. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: Stat. coll. Rosstat. Moscow, 2021. 1112 p.
14. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated 21.07.2020 "On National development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed: 13.05.2022).
15. Unified plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planning period up to 2030. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (accessed: 13.05.2022).
16. Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/formirovanie_individualnyh_planov_razvitiya_territoriy/ (accessed: 13.05.2022).
17. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 698 dated 25.10.2019 (ed. dated 01.02.2022) "On Approval of Methodological Recom-

mendations on the Organization of Work on the Development of Individual programs for socio-economic development of Subjects of the Russian Federation with a low level of Socio-economic development". URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-25102019-n-698/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-raboty/ii/> (accessed: 11.05.2022).

18. Decree of the Government of the Russian Federation No. 937-r dated 09.04.2020 "On approval of the individual program of socio-economic development of the Altai Republic for 2020-2024". URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652907> (accessed: 11.05.2022).

19. Decree of the Government of the Russian Federation No. 972-r dated 10.04.2020 "On approval of the individual program of socio-economic development of the Republic of Tuva for 2020-2024". URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912> (accessed: 11.05.2022).

20. Decree of the Government of the Russian Federation No. 928-r dated 08.04.2020 "On approval of the individual program of socio-economic development of the Altai Territory for 2020-2024". URL: <https://docs.cntd.ru/document/564647739> (accessed: 11.05.2022).

Информация об авторах

С. П. Монгуш – аспирант Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Иркутская область, Россия; младший научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл, Республика Тыва, Россия.

Е. П. Марьясова – старший преподаватель, Иркутский научный центр СО РАН, г. Иркутск, Иркутская область, Россия.

Information about the authors

S. P. Mongush – Post-graduate student, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Irkutsk region, Russia; Junior Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Kyzyl, Tuva Republic, Russia.

E. P. Maryasova – Senior Lecturer, Department of Pedagogics and Expertise, Irkutsk Scientific Center SB RAS, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 34–48.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 34–48.

Научная статья

УДК 338.45:620.9(470+571):001.83(100)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/34-48>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ)

Виктор Анатольевич Прокофьев

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия,
prokofev09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4428-1233>

Аннотация. XX в. является веком открытий и новых технологий. XXI в. характеризуется развитием экономики благодаря росту инвестиций в технологии и ускорению международного технологического трансфера, то есть обмену технологиями. Новые открытия (прирост знания) ограничены объективно установленными лимитом на средства осуществления исследований и экспериментов, а также финансовым бюджетом. Пандемия COVID-19 способствовала улучшению бизнес-процессов и среды за счет инноваций, развития e-retail и высокотехнологичной продукции. В ходе исследования было определено, что лидером по расходам на НИОКР являются США, следом идут другие развитые страны (Германия, Южная Корея, Япония). Вместе с тем по количеству патентов и уровню инновационности первое место занимает Китай. России принадлежит 7-е место в мире по числу зарегистрированных и охраняемых изобретений, а расходы на НИОКР составляют менее 1% ВВП по итогам 2021 г. Исследование проектов атомной отрасли позволило сделать вывод о её малой подверженности санкциям. ГК «Росатом» сотрудничает как с азиатскими, так и европейскими странами. В то же время можно выделить тенденцию снижения продаж технологий в овеществленной форме по причине санкционной риторики для прочих отраслей добывающей промышленности России. Важным сдерживающим фактором является молодое законодательство в сфере инноваций. На фоне недостаточной господдержки научной сферы и санкционного давления рыночные механизмы не обеспечивают усиление сотрудничества России и других стран. Для России важен обмен разработками между участниками локального рынка с коллегами, по меньшей мере по отрасли. Ожидать обмена технологи-

ями с китайскими, индийскими и прочими партнерами, которые ориентируются на трансфер технологий с западными странами, нецелесообразно, необходимы активные меры по продвижению государственно-частного партнерства, созданию условий по «выращиванию» и коммерциализации отечественных разработок в технопарках и других кластерах.

Ключевые слова: трансфер технологий, инновации, импорт, экспорт, Россия, Китай, энергетика, атомная отрасль, технопарки, санкции

Для цитирования: Прокофьев В. А. Современные тенденции развития трансфера технологий (на примере энергетике) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 34–48.

Original article

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY TRANSFER (THE ENERGY CASE)

Viktor A. Prokofev

Plekhanov Russian University of Economics, World Economy Department, Moscow, Russia, prokofev09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4428-1233>

Abstract. The 20th century is the century of discoveries and new technologies. The following 21st century is characterized by the development of the economy due to the growth of investment in technology and the development of international technology transfer, i.e. technology exchange. The growth of knowledge is limited by the objective limitations of the existing means of research and experimentation, and is also limited by the financial budget. The COVID-19 pandemic has contributed to the improvement of business processes and the environment through innovation, the development of e-retail and high-tech products. The study determined that the United States is the leader in R&D spending, followed by other developed countries (Germany, South Korea, Japan), while China ranks first in terms of the number of patents and the level of innovation. Russia ranks 7th in the world in terms of the number of registered and protected inventions, and R&D spending is less than 1% of GDP in 2021. A study of nuclear industry projects led to the conclusion that it is not very susceptible to sanctions. Rosatom State Corporation cooperates with both Asian and European countries. At the same time, one can single out a trend towards a decrease in sales of technologies in embodied form due to sanctions rhetoric for other sectors of the extractive industry in Russia. An important constraint is the young legislation in the field of innovation. Against the backdrop of insufficient state support for the scientific sphere and sanctions pressure, market mechanisms do not ensure

the strengthening of cooperation between Russia and other countries. For Russia, it is important to exchange developments between participants in the local market, with colleagues, at least in the industry. It is not advisable to expect the exchange of technologies with Chinese, Indian and other partners who are guided by TT with Western countries; active measures are needed to promote public-private partnerships, create conditions for “cultivation” and commercialization of domestic developments in technology parks and other clusters.

Keywords: technology transfer, innovation, import, export, Russia, China, energy, nuclear energy, technology park, sanctions

For citation: Prokofev V. A. Modern trends in the development of technology transfer (the energy case). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 34–48. (In Russ.).

Введение

Международный технологический обмен позволяет повысить конкурентоспособность продукции принимающей страны и эффективность проводимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) путем получения промышленно освоенных технологий. Компании получают прибыль от производства и реализации созданной на базе имеющихся технологий продукции, а также прибыль от продажи лицензий на результаты НИОКР.

Технологический обмен, или трансфер технологий (ТТ) – это комплекс правоотношений, при котором происходит передача прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе секретов производства (ноу-хау), топологий интегральных микросхем, объектов авторских прав, программ для ЭВМ, баз данных и др. [2–5].

XXI в. ознаменовался развитием экономики благодаря росту инвестиций в технологии. Инновационный XX в. сменился веком международного технологического трансфера, то есть обмена технологиями. Пандемия COVID-19 внесла новые тренды: рост конкуренции за счет инновационного развития, улучшение среды для инноваций, вовлечение в трансфер технологий частного предпринимательства, совершенствование инновационной политики государства, рост доли в технологическом обмене малого и среднего бизнеса.

Исследование патентной активности позволяет оценить масштаб возможного технологического обмена. Таким образом можно оценить неовещественный канал передачи технологии. Передача технологии в мировой экономике осуществляется по трем каналам:

- в чистой форме, когда технологии считаются именно продуктом: лицензии, внешнее управление, контроль, предоставление разовой технической помощи по настройке;
- вывоз технологии для изобретения в овещественной форме, т.е. экспорт ее совместно с вещными товарами с материализацией в форме прямых зарубежных

Исследование патентной статистики позволило рассчитать показатели патентной активности, характеризующие: во-первых, привлекательность страны для нерезидентов с точки зрения получения патента – отношение количества заявок от нерезидентов к общему количеству заявок; во-вторых, «коэффициент экспансии» – отношение количества заявок в зарубежные патентные ведомства к количеству заявок в национальное патентное ведомство. Второй показатель со всей явностью демонстрирует масштаб технологической экспансии Японии – 1649%, Китая – 1026%, США – 591%, против 160% – у Великобритании, 254% – у Германии (табл. 1)

Таблица 1

Показатели ИД по странам в 2020 г.¹
Intellectual property measures per countries in 2020

Страна	Патенты	Полезные модели	Заявки РСТ	Мадридская система
США	597 172	Нд	59 230	10 014
Япония	288 472	6 018	50 520	3 063
Великобритания	20 649	Нд	5 912	3 693
Россия	34 984	9 195	1 073	1 566
Бразилия	24 338	2 662	697	146
Индия	56 771	Нд	1914	334
Китай	1 497 159	2 926 633	68 720	6 696
Китай, СА Гонконг	21 556	689		
Украина	3 183	5 281	133	420
Мексика	14 312	708	196	22
Малайзия	6 828	187	255	102
ЮАР	6 688	Нд	251	1
Турция	8 158	3 627	1 705	1 871
Таиланд	7 525	3 455	188	116
Сингапур	13 265	Нд	1 278	674
ЕПВ	180 346	Нд	–	–
Германия	62 105	12 318	18 643	7 326
Франция	14 313	1 019	7 904	3 716
Республика Корея	226 759	4 981	20 060	1 581
Общемировой объем	3 276 700	3 000 110	275 900	63 837

Обозначения в таблице: Заявка РСТ – патентная заявка, поданная по процедуре договора о патентной кооперации (РСТ) Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) в местный патентный орган, именуется также «международной заявкой»; Мадридская система – сокращенное название системы международной регистрации товарных

¹ WIPO.ORG. URL:<https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-943-2021-ru-wipo-ip-facts-and-figures-2021.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

знаков, изначально учрежденной Мадридским соглашением о международной регистрации знаков, а впоследствии регулируемой Протоколом к Мадридскому соглашению. В соответствии с решением Ассамблеи Мадридского союза, принятым в октябре 2016 г., сегодня Протокол является единственным договором, регламентирующим функционирование Мадридской системы. Мадридская система находится в ведении Международного бюро ВОИС.

Место России в технологическом обмене

Глава «Норникеля» Владимир Потанин уверен, что для российских компаний чрезвычайно важен «обмен разработками с другими участниками рынка, с коллегами, по меньшей мере по отрасли»¹.

Вместе с тем, по замечанию А. В. Латынцева, действующее российское законодательство не содержит определения понятия «технологический трансфер/коммерциализация интеллектуальной собственности», хотя оно достаточно активно используется в программных документах Правительства Российской Федерации². Сделать однозначную оценку осложняет тот факт, что Росстат выпускал сборник «Статистика в цифрах», содержащий сведения о количестве используемых технологий, патентов, количестве инновационной продукции (единиц номенклатуры и в стоимостном объеме), выпуск которого завершен в 2021 г. Вероятно, это произошло из-за санкций, поскольку до 80% применяемых в Российской Федерации технологий являются импортными.

Оборот технологий России с другими странами можно оценить по структуре поступлений от продаж инжиниринговых услуг, существенная часть которых связана с реализацией проектов в сфере военно-технического сотрудничества, атомной энергетики, объемы которых неравномерны по отдельным периодам. Платежи по импорту технологий в последнее десятилетие росли несколько меньшими темпами, поэтому отрицательное сальдо России в торговле технологиями в основном не росло (хотя сильно колебалось), а в 2015 г. достигло минимального значения – 550 млн долл.³

В экспорте технологий из России основной удельный вес – в сумме за истекший период текущего десятилетия – приходится на инжиниринговые услуги (почти 60%), что обусловлено значительным объемом инженерных и технических услуг, оказываемых нерезидентам при сооружении объектов за рубежом и в России; научные исследования и разработки (до 20%); патентные лицензии и ноу-хау (около 5%) [6]. Ведущими покупателями отечественных технологий выступают

---

¹ Потанин. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2019-formiruya-industriyu-budushchego-tsifrovye-tehnologii-v-promyshlennosti/discussion/> (дата обращения: 21.01.2023).

² Латынцев А. В. Предложения по определению термина «трансфер технологии» // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 62.

³ Россия в цифрах 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/iZs2jatp/rus_21.rar (дата обращения: 21.01.2023).

Китай и США (с большим отрывом от других стран), группа европейских государств (прежде всего Великобритания, Германия, Нидерланды), Индия, Бангладеш, Турция, Иран и страны Евразийского экономического союза (Белоруссия и Казахстан).

В импорте технологий также наибольшая доля принадлежит инжиниринговым услугам (около 50% в сумме за 2010–2016 гг.) [7]. Существенное отличие состоит в том, что большой удельный вес (20%) приходится на платежи за приобретение прав на использование торговых марок/товарных знаков, главным образом в рамках франчайзинговых соглашений; при этом экспортные поступления по данной статье практически отсутствуют. Значительно выше доля ноу-хау (5,7% в импорте и 1,3% в экспорте) по причине достаточно высокой активности иностранных сборочных производств на территории Российской Федерации, тогда как вес научных исследований и разработок в импорте вчетверо меньше из-за неразвитости в России механизмов коммерциализации результатов НИОКР.

За 2010–2021 гг. объём мирового экспорта высокотехнологичной продукции вырос в 1,5 раза и составил 4,9 трлн долл.¹ Среди развивающихся стран на мировом рынке лидируют Китай, Малайзия, Индия, Таиланд, Индонезия, Вьетнам (МІТІ и V) и Филиппины. Доля остальных развивающихся стран незначительна. Экспорт хайтек-продукции развивающихся стран растёт в 2 раза быстрее, чем соответствующий экспорт развитых стран. В результате доля развивающихся стран на мировом рынке высоких технологий за 2010–2021 гг. увеличилась с 29 до 39%. Значительно возросла доля китайского экспорта полупроводниковой продукции и телекоммуникационного оборудования (с 6 до 18%).

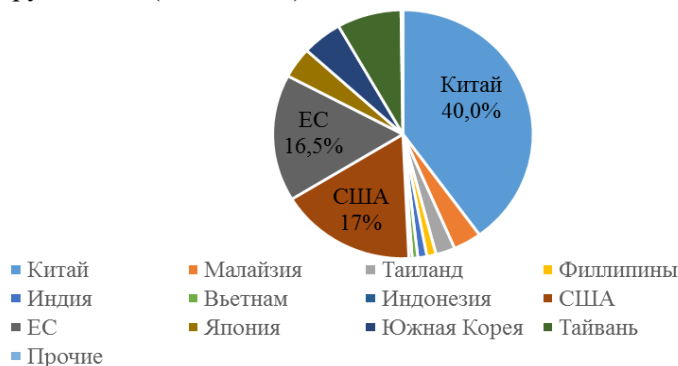

Рис. 1. Структура мирового экспорта хайтек-продукции по странам в 2021 г.²

Fig. 1. The world export structure of high-tech products per countries in 2021

¹ Automotive products, office equipment, pharmaceuticals. WTO STATS. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 21.12.22)

²Automotive products, office equipment, pharmaceuticals. WTO STATS. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения 21.12.22).

Среди развитых экономик крупнейшими экспортёрами высоких технологий являются США и страны ЕС. Далее идут Япония, Южная Корея и Тайвань, доля на мировом рынке каждой из них составляет 5–8%. Доля США на мировом рынке технологий снижается, но экспорт растёт более быстрыми темпами, чем в среднем экспорт развитых странах. Увеличение экспорта обусловлено главным образом ростом объёмов фармацевтической продукции и аэрокосмической отрасли. Доля стран ЕС в мировом экспорте высоких технологий снизилась с 19 до 16,5% (см. рисунок).

Что касается азиатских стран – Японии, Южной Кореи и Тайваня, то они показали разнонаправленные тенденции. Доля Японии в мировом экспорте наукоёмкой продукции снижается. Валовой объём поставок хайтек-продукции в 2021 г. составил 218 млрд долл. В результате финансовых трудностей многие японские компании перевели своё производство в Тайвань, Китай и другие азиатские страны с целью снижения издержек. Увеличение экспорта наблюдается только в экспорте информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Тайвань за 10 лет увеличил экспорт хайтек-продукции вдвое (до 232 млрд долл.) и превзошёл показатели Японии, став лидером среди развитых азиатских стран в экспорте высоких технологий¹.

Россия на рынке высокотехнологичной продукции в настоящее время играет незначительную роль. Её доля составляет 0,2%. Общий объём экспорта хайтек-продукции в 2021 г. составил всего 5 млрд долл. Наибольшую часть в экспорте высокотехнологичной продукции составляют научные инструменты и научное оборудование (44%), ИКТ (34%), продукция аэрокосмической отрасли (14%), прочее (продукция фармацевтической отрасли, полупроводниковые схемы и компьютерные комплектующие) – 14%².

Импорт высокотехнологичной продукции в Россию в 2021 г. составил 62 млрд долл., в том числе ИКТ – 29,7 млрд долл., продукции фармацевтической отрасли – 14,3 млрд долл., прочее (автопродукция) – 28,0 млрд долл.

Лидером по объёму экспорта высокотехнологичной продукции по итогам 2021 г. является Китай – 980 млрд долл. (импорт составляет 756 млрд долл.), высокие позиции занимают Германия – 448 млрд долл. (импорт 325 млрд долл.) и США – 366 млрд долл. (импорт – 852 млрд долл.)³.

Опыт таких стран, как Китай, Япония и Индия, показывает возможные способы получения доступа к зарубежным технологиям, имеющие практическую значимость для России в условиях санкций. Основными каналами трансфера технологий,

---

¹Automotive products, office equipment, pharmaceuticals. WTO STATS. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 21.12.22).

²Automotive products, office equipment, pharmaceuticals. WTO STATS. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 21.12.22).

³Automotive products, office equipment, pharmaceuticals. WTO STATS. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 21.12.22).

используемыми данными странами, являются покупка патентов и лицензий, создание совместных предприятий с зарубежными партнерами. Важную роль в развитии технологического производства играют государственная поддержка инновационного бизнеса и реализуемые государственные программы.

Тенденции на российском рынке высокотехнологичной продукции

Национальный технологический уровень определяется эффективностью институциональной инновационной системы, ресурсным обеспечением и расходами на НИОКР. В 2022 г. мировые расходы на НИОКР по паритету покупательной способности составили 2,5 трлн долл. Доля США в мировых расходах на НИОКР составила 31,1%, Китая – 17,5%, России – 2,5%¹. Таким образом, развитые страны сохраняют лидирующие позиции в некоторых отраслях, однако их доля на мировом рынке технологий сокращается. Всё большую роль на нём играют развивающиеся страны.

Согласно отчету, опубликованному Национальным бюро статистики Китая, в 2021 г. промышленное производство крупных высокотехнологичных производителей достигло 15,1% добавленной стоимости от общего объема промышленного производства, что на 5,7 пп. выше, чем в 2012 г. [10].

В России показатели инновационной активности ниже (по итогам 2021 г. уровень инновационности, то есть доля компаний, выпускающих продукцию, имеющих патент, составила 11,9%). Государственная поддержка в относительных и абсолютных масштабах отстает от стран ОЭСР и Китая, поэтому популярность приобрели рыночные каналы трансфера технологий. В России наиболее распространёнными являются инжиниринговые услуги (до событий 2014 г. это преимущественно услуги буровых организаций), создание совместных предприятий и организация научно-исследовательских проектов. В меньшей степени трансфер технологий осуществляется через торговлю лицензиями и патентами. Главными центрами по созданию российских инноваций выступают госкорпорации «Ростех», «Роснано», ГК «Росатом», а также инновационный центр «Сколково».

Так, ГК «Росатом» создала онлайн-платформу для термоядерных экспериментов. Платформа призвана обеспечить централизацию знаний и доступ к данным исследований в Европе и России для участников федерального проекта по термоядерному синтезу. Позже платформа будет синхронизирована с информационным пространством, разрабатываемым для проекта ИТЭР.

Помимо этого, ГК «Росатом» договорилась о сотрудничестве с бразильским холдингом ENBRag в сферах строительства АЭС большой и малой мощности, ядер-

¹ Global R&D Funding Forecast. URL: <https://forecast.rdworldonline.com/product/2022-global-rd-funding-forecast/> (дата обращения: 21.12.2022)

ного топливного цикла, а также в части эксплуатации, ремонта и модернизации гидроэлектростанций.

Компания «Рэнера» начала строительство завода в Москве по производству аккумуляторов. Проектная мощность – 4 ГВт*ч в год, окончание планируется в 2025 г., текущая мощность головного Московского завода полиметаллов (МЗП) – 40 МВт*ч. Срок эксплуатации одного батарейного блока – 10–15 лет, серийно в качестве резервных генераторов покупателями являются Росгеология, МСЗ и другие заказчики. Новый завод обеспечит загрузку и работу 50 тыс. электробусов в год.

Примером трансфера технологий служат технологические альянсы. Американская Westinghouse и итальянская инжиниринговая компания Ansaldo Nucleare займутся разработкой АЭС следующего поколения на базе технологии быстрых нейтронов со свинцовым теплоносителем (LFR). Стороны будут продвигать совместный проект, чтобы объединить опыт в области проектирования, тестирования и лицензирования, привлечь партнеров и создать цепочки поставок.

Правительство Южной Кореи будет выделять по 308 млн долл. в год на разработку малых реакторов. Общие расходы на атомную энергетику увеличены до 1,5 млрд долл. в год. «Ввод в строй «Син-Ханул-1» (блок с реактором APR-1400) – это не конец, а начало», – заявил президент страны Юн Сок Ёль и добавил, что строительство блоков № 3 и № 4 на станции начнется уже в январе 2023 г. «Син-Ханул-2» достраивается, ввод в эксплуатацию намечен на сентябрь 2023 г.

Новая тенденция – рост спроса на технологии децентрализованной генерации энергии, установки малой мощности. Атомные станции малой мощности (АСММ) пригодны для небольшой энергосистемы (200–400 МВт), например для обеспечения энергией Сибири, стран Африки. Общая стоимость до 1 млрд долл. Научно-производственное объединение Росатома «НИКИЭТ» на Международном форуме Атомэкспо 2022 представил макет модульного микрореактора «Шельф-М».

В рамках зеленой повестки также важно сотрудничество в области переработки отходов. АО «Русатом Гринвэй» создала в г. Дзержинск технопарк, который позволит перерабатывать батареи различного типа общей производительностью до 50 тыс. тонн в год. Технологии глубокой переработки позволяют извлечь до 15 позиций вторичных ресурсов.

Также интересным решением для морского транспорта является дозправщик Thor, который позволяет одновременно зарядить 4 круизных электролайнера. Проект пока на стадии концептуального проектирования, норвежская компания-разработчик Ulstein ищет технологических партнеров.

Санкционное давление не оказывает серьезного влияния на сотрудничество компаний и стран в атомной отрасли. Так, Венгрия добилась того, чтобы антироссийские санкции не распространились на строительство атомной станции в Пакше.

Также, по словам министра внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии Петера Сийярто, «ни одно учреждение, имеющее отношение к сотрудничеству в области ядерных исследований и разработок, не было включено в санкционный список».

На пути интернационального передвижения технологий стоит меньше препятствий и ограничений по сравнению с перемещением товаров и капиталов. Поэтому внешнее распространение проще реализовать, продав лицензию за рубеж, чем достичь освоения нового рынка через экспорт продукции, производимой благодаря новой технологии или иностранным инвестициям [8-9]. Вместе с тем нужно изучить и обеспечить соответствующую защиту прав на передаваемые объекты интеллектуальной собственности.

Защита интеллектуальной собственности.

Сдерживающие факторы обмена технологиями

Что касается защиты интеллектуальной собственности (ИС) на мировом рынке, эту роль играют ЮНКТАД, ВТО и ряд специализированных организаций. Вопрос о торговых аспектах защиты ИС, рассмотренный на Уругвайском раунде ГАТТ, привел к появлению специального Соглашения. Содержание Соглашения перекликается с другими конвенциями, предметом которых являются авторские права и промышленная собственность.

Так, в результате растущей напряженности в связи с утверждениями о демпинге Китаем солнечных панелей Министерство торговли США (DoC) 26 марта 2012 г. приняло решение применить компенсационные пошлины (CV) на импорт солнечных панелей, произведенных в Китае, в размере от 2,9 до 4,73%. Позднее (6 июня 2012 г.) Министерство энергетики решило ввести пошлины CV на башни ветряных турбин, импортированные из КНР. Китай оспаривает различные аспекты введенных компенсационных пошлин, включая их установление и уплату, а также предварительные и окончательные решения, которые привели к наложению пошлин CV в Органе ВТО по урегулированию споров (ОРС). Китай также оспаривает «опровержимую презумпцию», установленную и применяемую Министерством торговли США, согласно которой контрольный пакет акций государства достаточен для того, чтобы рассматривать предприятие как «государственный орган».

Следует отметить, что выход на каждый новый зарубежный рынок требует определенной доли локализации от компании (поддержка клиентов на местном языке, дополнительные денежные затраты, связанные с особенностями налоговой/экономической политики страны). В России компаний, осуществляющих трансферы технологий, немного, не говоря уже о малых инновационных компаниях [13]. Однако они предпринимают попытки выходить на зарубежные рынки путем поиска

локальных партнеров, берущих на себя часть издержек (и, соответственно, прибыли), связанных с выводом продукта на рынок.

Выход российских предприятий на зарубежный рынок также осложняет стремление местных зарубежных компаний поддерживать отечественного производителя. В настоящее время в мировой экономике значение приобретает сфера международного научно-технического обмена. Между различными странами ведётся конкурентная борьба, в которой участвуют их хозяйствующие субъекты, научно-исследовательские центры, соответствующие государственные учреждения и другие контрагенты. Обладание высокотехнологичной продукцией в условиях глобализации становится чрезвычайно весомым фактором получения преимуществ в конкурентной борьбе на мировых рынках.

Заключение

Трансфер технологий выступает как инструмент оптимизации динамического взаимодействия между рынком и инноватором по поводу целенаправленно осуществляемого изменения, оцениваемого инноватором как позитивное по коммерческим, научно-техническим, экологическим, социальным и/или другим критериям, состояния хозяйственной практики вследствие ранее неиспользованного к этой ситуации знания/технологии.

Присутствие России на международном рынке высокотехнологичной продукции и в международном трансфере технологий незначительно (доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции – 0,2% против более 45% у США, доля Китая – 23%). Законодательство России о регулировании взаимоотношений в области обмена технологиями достаточно молодое и представляет собой главу 77 Гражданского кодекса Российской Федерации. Глава дает ряд определений, подразумевает право использования итогов интеллектуальной деятельности, вводит бюджетный метод расчета стоимости технологии.

Примечателен здесь опыт зарубежных стран по созданию технополисов и технопарков, прежде всего это актуально для энергетических компаний. Повестка устойчивого развития и снижения выбросов оказала давление на привлечение финансирования для этих компаний, поэтому акцент в их деятельности постепенно сменяется в пользу разработки экологических технологий, а не экстенсивной добычи. Тенденцией международного трансфера является и рост продаж лицензий вместо продажи технологий в овеществленной форме путем создания совместных предприятий. Это обусловлено легкостью передачи, а также прекращением существенной части сделок в результате санкционной риторики западных стран в отношении России, Ирана и др.

Список источников

1. Гончаренко Л. П. Менеджмент инвестиций и инноваций: учебник / Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. Москва: Юрайт. 2014. 640 с.
2. Гаврилюк А. В. Сущность, формы реализации и функциональное назначение трансфера технологий // Экономические науки. 2018. № 4 (161). С. 15–20. EDN: XZTMGL
3. Гаврилюк А. В. Трансфер результатов научно-исследовательской деятельности: современный взгляд и научный подход // Экономическая трансформация и инновационные технологии: сборник материалов I Международной научно-практической конференции (22 марта 2018 г.). Москва: Научный центр «Наука Плюс»; Университетская книга, 2018. С. 69–73.
4. Main Science and Technology Indicators. OECD. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB (дата обращения: 21.01.2023).
5. Костин К. Б., Хомченко Е. А., Жэнь Ц. Место и роль России в международном технологическом трансфере // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 1. С. 99–120. <https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114104>
6. Лихачев В. А. Международный трансфер технологий: основные тенденции и позиции России // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 10. С. 29–43. EDN: ZRTLGB
7. WTO Annual report 2022. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2022_e.pdf (дата обращения: 21.12.2022).
8. Прокофьев В. А. Инвестиционное сотрудничество России и Китая в условиях ужесточения антироссийских санкций // Большое евразийское партнерство: стратегия и тактика: материалы Российской научно-практической конференции с международным участием и Ежегодного круглого стола студентов и аспирантов. Москва, 2022. С. 173–176.
9. Разумнова Л. Л. Краткие итоги экономического развития КНР в 2018 г // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. 2019. С. 135–141.
10. Monthly data. Government expenditure. Telecommunications. *National bureau of statistics of China*. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=A01> (дата обращения 21.01.2023).
11. Коваленко Г. Л., Масленникова О. А. Мировой рынок и трансфер технологий России и зарубежных стран // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 1 (51). С. 228–230. EDN: TKKYOH
12. OECD. Clean Energy. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/CleanEnergyInfrastructure.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

13. 6.38 Торговля технологиями с зарубежными странами по объектам сделок в 2021 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

14. Спартак А. Н., Французов В. В., Хохлов А. В. Мировой и российский экспорт: тенденции и перспективы развития, системы поддержки. Москва: ВАВТ, 2015. 205 с.

15. Спартак А. Н. Перспективные направления участия России в международной торговле услугами // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 9. С. 28–39. EDN: ULDXFH

References

1. Goncharenko L. P. Management of investments and innovations: textbook / Plekhanov Russian University of Economics. Moscow: Yurait. 2014. 640 p. (In Russ.).

2. Gavrilyuk A. V. Essence, forms of implementation and functional design of the transfer of technologies. *Economic Sciences*, 2018, no. 4 (161). P. 15–20. (In Russ.).

3. Gavrilyuk A. V. Transfer of the results of research activities: a modern view and scientific approach. *Economic transformation and innovative technologies: collection of materials of the I International scientific and practical conference (March 22, 2018)*. Moscow: Scientific Center Science Plus; University Book, 2018. P. 69–73. (In Russ.).

4. Main Science and Technology Indicators. OECD. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB (accessed: 21.01.2023).

5. Kostin K. B., Khomchenko E. A., Ren J. Russia in the international technological transfer. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 99–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114104>

6. Likhachev V. A. International technology transfer: main trends and Russia's position. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2017, no. 10, pp. 29–43. (In Russ.).

7. WTO Annual report 2022. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2022_e.pdf (accessed: 21.12.2022).

8. Prokofev V. A. Investment cooperation between Russia and China in the context of tougher anti-Russian sanctions. *Great Eurasian partnership: strategy and tactics: materials of the Russian scientific-practical conference with international participation and the Annual round table of students and graduate students*. Moscow, 2022. P. 173–176. (In Russ.).

9. Razumnova L. L. Brief results of the economic development of the PRC in 2018. *Scientific research in the modern world: experience, problems and development prospects. Collection of articles based on the materials of the international scientific-practical conference*. 2019. P. 135–141. (In Russ.).

10. Monthly data. Government expenditure. Telecommunications. *National bureau of statistics of China*. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=A01> (accessed: 21.01.2023).

11. Kovalenko G. L., Maslennikova O. A. World market and transfer of technologies in Russia and foreign countries. *Proceedings of the Orenburg State Agrarian University*, 2015, no. 1, pp. 228–230. (In Russ.).

12. OECD. Clean Energy. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/CleanEnergyInfrastructure.pdf> (accessed: 12.12.2021).

13. 6.38 Technology trade with foreign countries by objects of transactions in 2021 / Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2021.pdf (accessed: 21.12.2022). (In Russ.).

14. Spartak A. N., Frantsuzov V. V., Khokhlov A. V. World and Russian exports: trends and development prospects, support systems. Moscow: VAVT, 2015. 205 p. (In Russ.).

15. Spartak A. N. Promising areas of Russia's participation in trade in services. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2015, no. 9, pp. 28–39. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Прокофьев – аспирант кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Information about the author

V. A. Prokofev – Postgraduate Student of Plekhanov Russian University of Economics, World Economy Department, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 11.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 49–64.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 49–64.

Научная статья

УДК 339.97:001.83(510+470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/49-64>

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЯ, ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Ван Цунюэ

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
robertwcyacademic@gmail.com

Аннотация. В 2019 г. китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство вступило в новую эпоху. Научно-техническое сотрудничество рассматривается как ключевая опора этого партнерства и одно из наиболее перспективных его направлений. Однако и Китай, и Россия сталкиваются с беспрецедентным давлением в области науки и техники. С одной стороны, Россия подверглась жестким западным санкциям и контролю за экспортом технологий после проведения специальной военной операции на Украине. С другой стороны, с непрерывным повышением совокупной мощи КНР Соединенные Штаты усилили свое сдерживание Китая, особенно в области науки и техники, и начали технологическую конфронтацию против Китая. Китаю и России необходимо работать вместе, чтобы прорвать западную технологическую блокаду. Поэтому изучение китайско-российского научно-технического сотрудничества имеет большое практическое значение. В статье констатируется, что наиболее важным для китайско-российского научно-технического сотрудничества является укрепление стратегического взаимного доверия, использование преимуществ «взаимодополняемости» между Китаем и Россией, создание системы подготовки разносторонних кадров. Китаю и России также необходимо расширять сферы сотрудничества и повышать его уровень и масштабы, опираясь на такие платформы и механизмы, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС и «Пояс и путь», чтобы повысить научно-техническую мощь Китая и России в мире.

Ключевые слова: китайско-российское научно-техническое сотрудничество, китайско-российские отношения, научно-техническая мощь, передовая технология,

геополитика, четвертая промышленная революция, технология 5G, искусственный интеллект, техническое разделение, технологическая конфронтация

Благодарность. Эта статья выполнена по гранту Китайского совета по стипендиям (CSC).

Для цитирования: Ван Цунюэ. Китайско-российское научно-техническое сотрудничество: история, текущее положение и проблемы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 49–64.

Original article

SINO-RUSSIA SCIENCE AND TECHNOLOGY COOPERATION: HISTORY, CURRENT SITUATION AND PROBLEMS

Wang Congyue

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
robertwcyacademic@gamil.com

Abstract. In 2019, China-Russia comprehensive strategic partnership of coordination entered a new era. Science and technology cooperation is seen as a key pillar of the partnership and one of the most promising areas of cooperation. However, both China and Russia are facing unprecedented pressure in the field of science and technology. On the one hand, Russia has been subjected to harsh Western sanctions and technology export controls following its extraordinary military action in Ukraine. On the other hand, with the continuous improvement of China's comprehensive national strength, the United States has strengthened its containment of China, especially in the field of science and technology, and launched a technological confrontation against China. China and Russia need to work together to break the Western technological blockade. Therefore, it is of great practical significance to study Sino-Russia science and technology cooperation. For the high-quality development of Sino-Russian science and technology cooperation, this paper will use methods of analysis, information synthesis, historical method and system method to review the history of Sino-Russia science and technology cooperation, research the current situation of the cooperation, and analyze the problems faced by Sino-Russia science and technology cooperation. This article argues that the most important thing for Sino-Russian science and technology cooperation is to improve strategic mutual trust, and give play to the advantages of "complementarity" between China and Russia, while establishing a system for training versatile personnel. In addition, China and Russia also need to expand cooperation areas and upgrade the level and scale of cooperation by relying on such platforms and mechanisms as the Shanghai Cooperation Organization

(SCO), BRICS and the Belt and Road, so as to enhance the scientific and technological strength of China and Russia in the world.

Keywords: Sino-Russia science and technology cooperation, Sino-Russia relations, scientific and technological strength, emerging technology, geopolitics, the Fourth Industrial Revolution, 5G technology, artificial intelligence, technical decoupling, technological confrontation

Acknowledgement. This article was funded by China Scholarship Council (CSC).

For citation: Wang Congyue. Sino-Russia science and technology cooperation: history, current situation and problems. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 49–64. (In Russ.).

Введение

Наука и технология играют значительную роль в международных отношениях. На протяжении всей истории технологические инновации и их распространение бесчисленное количество раз производили революцию в одной или нескольких странах и таким образом позволяли изменять региональную и даже глобальную расстановку сил¹. Элвин Тоффлер в произведении «Третья волна» показывает социальные изменения и тенденции, вызванные развитием науки и техники. В книге «Человеческая паутина: обзор мировой истории с высоты птичьего полета» Уильям Макнилл и Джон Макнилл рисуют яркую картину того, как технологические революции сыграли решающую роль в войне, государственной организации, убеждениях людей и, в итоге, переходе власти между странами и изменениях в региональной расстановке сил. В настоящее время глобальная технологическая конкуренция становится все более жесткой, а конкуренция между странами вокруг технологической мощи выступает важным проявлением конкуренции совокупной мощи государства. Китай и Россия обладают большим научным и технологическим потенциалом. У них богатая история технологического сотрудничества и высокий уровень политического взаимного доверия. Поэтому научно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией имеет широкие перспективы.

История китайско-российского научно-технического сотрудничества

Китайско-российское сотрудничество в области технологических инноваций имеет долгую историю и богатое содержание. Оно внесло большой вклад в экономическое строительство и повышение технологического уровня двух стран. Китайско-российское научно-техническое сотрудничество можно разделить на следующие периоды:

1. *Период «медового месяца» (1949–1960).* Межправительственное научно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией можно проследить с начала основания Китайской Народной Республики. Советский Союз оказал существенную помощь на ранних стадиях развития китайской науки и техники, включая предоставление оборудования, технологий и опыта китайским предприятиям. В советских вузах обучались тысячи китайских студентов и аспирантов, а в Китае работали высококвалифицированные советские специалисты. В октябре 1954 г. было подписано «Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНР», которое предусматривало обмен опытом между обеими странами во всех отраслях народного хозяйства и безвозмездную передачу научно-технической документации [2]. На основании Соглашения была создана китайско-советская комиссия по научно-техническому сотрудничеству. В 1957 г. КНР и СССР официально подписали «Соглашение о новой оборонной технике», в котором СССР обязался помочь Китаю создать собственную атомную промышленность, а также содействовать в производстве атомной бомбы [3]. Таким образом, в 1950-х годах Советский Союз оказал КНР огромную помощь с точки зрения технологий, оборудования, материалов, подготовки кадров и средств.

2. *Период «раскола» (1960–1982).* В конце 1950-х годов между Китаем и Советским Союзом стали возникать разногласия в национальных интересах, принципах, политике и других аспектах, которые постепенно перешли в конфронтацию. В июле 1960 г. советское правительство в одностороннем порядке отозвало всех специалистов из Китая и прекратило поставки оборудования и материалов. Технологическое сотрудничество между двумя сторонами резко сократилось, а в последующие годы было полностью прервано. Китай вынужден был удвоить усилия по укреплению экономической, военной и технологической мощи государства путем принятия автаркической стратегии развития. Однако «культурная революция», с 1966 по 1976 гг., нанесла серьезный ущерб экономическому строительству и технологическому развитию Китая.

3. *Период «перестройки» (1982–1991).* В 1980-х годах, с потеплением китайско-советских отношений, технологические обмены между двумя странами восстановились. В декабре 1984 г. Китай и Советский Союз подписали «Соглашение об экономическом и технологическом сотрудничестве». В 1988 и 1989 гг. две страны провели «Дни науки и техники» в Пекине и Москве соответственно. Китайско-советское научно-техническое сотрудничество демонстрирует четкую восходящую тенденцию [4]. С 15 по 18 мая 1989 г. генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев посетил Китай и провел переговоры с Дэн Сяопином и другими китайскими лидерами. Две страны опубликовали «Совместное китайско-советское коммюнике», которое ознаменовало нормализацию китайско-советских отношений. Китай и Советский Союз решили

активно и планомерно развивать сотрудничество в области экономики, торговли, науки, техники и культуры.

4. *Период «быстрого развития» (1992–2018).* После распада Советского Союза китайско-советское научно-техническое сотрудничество было заменено китайско-российским. Китайско-российские отношения вступили на путь быстрого развития. В 1992 г. две страны подписали «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве». С установлением китайско-российского стратегического партнерства в 1996 г. китайско-российское научно-техническое сотрудничество быстро развивалось, В целях повышения роли научно-технического сотрудничества в продвижении китайско-российского стратегического партнерства в июне 1997 г. Китай и Россия официально учредили подкомитет по научно-техническому сотрудничеству в рамках Комитета регулярных встреч китайско-российских премьер-министров, который отвечал за единую координацию и управление научно-техническим сотрудничеством Китая и России [5]. В последующие годы Китай и Россия последовательно подписали ряд документов о сотрудничестве: «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области инновационной деятельности» в 2000 и 2016 гг., «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» в 2001 г., «Меморандум о взаимопонимании в области развития цифровых технологий» в 2019 г. и др., сформировав таким образом несколько ключевых направлений сотрудничества в области технологических инноваций. Во-первых, в китайско-российском научно-техническом сотрудничестве наиболее важную роль стали играть некоторые крупномасштабные проекты под руководством и участием правительства, такие как успешное сотрудничество в ядерной и аэрокосмической областях. Во-вторых, важными носителями научно-технического сотрудничества выступали технопарки; с 1998 г. Китай и Россия совместно создали около десяти технопарков. В-третьих, особую роль в развитие китайско-российского научно-технического сотрудничества стали играть университеты и научно-исследовательские институты. Можно сказать, что китайско-российское научно-техническое сотрудничество за этот период достигло больших результатов.

5. *Период «Инновации и развития» в новую эпоху (с 2019 г.).* В июне 2019 г. Президент РФ Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин в Москве подписали «Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», в соответствии с которым 2020–2021 гг. были объявлены Годом российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества [6]. Китай и Россия также приняли решение о совместном создании фонда технологических инноваций в размере 1 млрд долл.

для содействия трансформации совместных технологических решений и инновационных достижений. Высокая степень политического взаимного доверия между Китаем и Россией вывела научно-техническое сотрудничество двух стран на новый уровень. В этот период помимо традиционных направлений китайско-российского научно-технического сотрудничества появились его новые виды. С одной стороны, это отражается в акценте на передовые технологии, включая технологии 5G, искусственный интеллект, биотехнологии и цифровую экономику. С другой стороны, это проявляется в активном участии частных предприятий, таких как Alibaba и Huawei. Научно-техническое сотрудничество всегда было важной частью двусторонних обменов между Китаем и Россией. За данный период китайско-российское научно-техническое сотрудничество значительно расширилось, обе стороны рассматривают взаимодействие в указанной сфере как основное содержание текущего и будущего развития стратегического партнерства [7]. Более того, с ростом научно-технической мощи Китая стала проявляться взаимодополняемость китайско-российского сотрудничества, а сопоставимость научно-технической мощи двух стран служит важной предпосылкой для постоянного углубления сотрудничества.

Текущее положение китайско-российского научно-технического сотрудничества

В контексте четвертой промышленной революции и Китая, и Россия придают большое значение роли технологических инноваций; они сформулировали важные стратегические договоренности.

После XVIII съезда КПК научно-техническая индустрия Китая вступила в период быстрого развития, были внедрены некоторые важные научно-технические разработки и стратегии [8]. XVIII съезд КПК выдвинул «стратегию инновационного развития», положив научно-технические инновации в основу национальной стратегии развития. В Китае с 2015 г. реализуется стратегия «Сделано в Китае 2025». В 2016 г. правительство Китая опубликовало документы «Основные тезисы государственной стратегии развития с помощью инновационных драйверов» и «13-й пятилетний план научно-технических инноваций», чтобы определить идеи, цели, задачи и меры технологических инноваций в новую эпоху [4]. В 2017 г. Китай обнародовал «План развития искусственного интеллекта следующего поколения» – рубежный документ для концептуализации публичного подхода Пекина к развитию искусственного интеллекта (ИИ) [9]. XIX съезд КПК предложил ускорить строительство страны инновационного типа. XX съезд КПК поставил задачу добиться самостоятельности и самосовершенствования в науке и технике на высоком уровне и построить научно-техническую державу.

Аналогичным образом и Россия в последние годы назвала «технологические прорывы» в качестве главной цели и приоритета своего национального развития. В 2016 г. российское правительство опубликовало Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, в которой предусматривалось обеспечить превращение науки и технологий в ключевой фактор развития России. В июле 2017 г. российское правительство утвердило программу «Цифровая экономика РФ», целью которой является активное содействие использованию современных цифровых технологий. В апреле 2019 г. Правительство РФ утвердило госпрограмму по научно-технологическому развитию страны до 2030 г. Для поддержки реализации госпрограммы более чем 1 трлн рублей федерального бюджета будет инвестироваться ежегодно вплоть до 2030 г. [10]. В октябре 2019 г. Президент РФ Владимир Путин утвердил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.». В документе подчеркивается, что реализация стратегии – необходимое условие для того, чтобы Россия вошла в группу мировых лидеров в области развития и внедрения технологий ИИ [11]. В апреле 2022 г. Владимир Путин подписал указ, объявляющий 2022–2031 гг. «Десятилетием науки и технологий».

Успешное проведение Годов научно-технического сотрудничества РФ и КНР в 2020–2021 гг. придало новый импульс научно-техническому сотрудничеству двух стран. В феврале 2022 г. на встрече с Президентом РФ Владимиром Путиным Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость развития сотрудничества Китая и России в области технологических инноваций, а также содействия сотрудничеству в таких передовых областях, как искусственный интеллект, Интернет вещей и Международная научная лунная станция.

Компания “Huawei” сыграла очень важную роль в развитии китайско-российского технологического сотрудничества. С 2014 г. китайский телекоммуникационный гигант Huawei занимает лидирующие позиции на российском рынке телекоммуникационной инфраструктуры. Huawei извлекает выгоду из диапазона частот телекоммуникаций 5G, определенного правительством России, и становится единственным доступным поставщиком оборудования в этом диапазоне частот [12]. Российские операторы мобильной связи МТС и «Вымпелком» достигли соглашения с Huawei о строительстве сети 5G в России. Это самый важный технологический инновационный проект для Китая по выходу на российский рынок. В то же время Huawei активно расширяет сотрудничество с Россией, надеясь извлечь опыт из профессиональных преимуществ России в сфере STEM (science, technology, engineering, math) посредством контактов с российскими академическими кругами. В настоящее время Huawei имеет партнерские отношения с более чем 20 российскими университетами, предоставляя рабочие места и гранты для студентов, а также совместные исследовательские центры и образовательные программы [13].

С 2018 г. Huawei последовательно открывает исследовательские центры в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске и Нижнем Новгороде [14]. Кроме того, Huawei активно сотрудничает в области искусственного интеллекта и облачных сервисов с российскими предприятиями, такими как российский поставщик услуг кибербезопасности «Kaspersky», крупнейший российский государственный банк «Сбербанк» и российский поисковый гигант «Яндекс» [12]. Нет никаких сомнений в том, что Huawei является самым заметным и преданным иностранным инвестором в российских передовых технологических областях.

Еще одной компанией, которая играет важную роль, является Alibaba. В июле 2019 г. китайская Alibaba Group, Mail.Ru Group, «МегаФон» и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) подписали итоговое соглашение о создании совместного предприятия «AliExpress Россия». Это стратегическое сотрудничество ускорит развитие цифровой экономики России.

Китайско-российское научно-техническое сотрудничество распространяется на многие отрасли промышленности. Поскольку китайско-российские отношения вступают в «новую эпоху», секторы, которым придается первостепенное значение, включают (но не ограничиваются ими) телекоммуникации, робототехнику, искусственный интеллект, биотехнологии, новые МЕДИА, цифровую экономику и т.д.

С учетом складывающейся международной обстановки в настоящее время мы сталкиваемся с «серьезными изменениями, невиданными за столетие». Международные политические и экономические конфигурации претерпевают глубокую эволюцию. Наука и техника стали центром соперничества великих держав. В частности, США и их союзники использовали свои технологические преимущества для осуществления технической блокады и технического разделения Китая и России. Несмотря на это, КНР и РФ являются научными и технологическими державами мира, и углубление сотрудничества в сфере научно-технических инноваций отвечает интересам обеих стран.

После международного финансового кризиса 2008 г. разрыв между Китаем и США с точки зрения совокупной мощи государства сократился, а стратегическое соперничество усилилось. Чтобы сдержать постоянное развитие научной и технологической мощи Китая, США приняли ряд политических мер с момента прихода администрации Трампа к власти в 2017 г. Кроме того, США планируют сформировать технологический альянс с «демократическим лагерем», чтобы попытаться конкурировать или даже противостоять Китаю в области науки и техники. Одним из неизбежных последствий этого является то, что Китай стремится к технологической независимости, в том числе и за счет строительства другого технологического лагеря [15]. По мнению руководителя Школы востоковедения Высшей школы экономики Алексея Маслова, шансы активизации российско-китайского взаимодействия растут по мере того, как в Китае понимают: американское давление – это

надолго [16]. Другие эксперты полагают, что китайско-американская технологическая конфронтация ускорит взаимодействие между китайскими научно-техническими компаниями и российскими университетами, и все больше китайских компаний выйдут на российский рынок и начнут более активно вести разработки в России и покупать высокотехнологичные активы [17]. Таким образом, китайско-американская технологическая конфронтация открывает возможности для китайско-российского научно-технического сотрудничества.

После крымских событий в 2014 г. западные страны приняли ряд санкций против России. С начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. Россия сталкивается с совокупным воздействием санкций, разрывом международного партнерства и «утечкой мозгов» [12]. Кроме того, США и 37 других стран ввели против России новый и сложный режим экспортного контроля [18]. Согласно данным Cas-tellum. AI, Россия в настоящее время является страной с наибольшим количеством санкций в мире [19]. В некоторых статьях утверждается, что Китай может стать ключом к выживанию России после наложения на нее технических санкций [20].

Китайско-российское стратегическое партнерство углубилось благодаря совпадению интересов и соображений относительно безопасности двух стран. Научно-техническое сотрудничество рассматривается как ключевая опора этого партнерства [21]. И китайское, и российское правительства считают, что технологическая мощь имеет решающее значение для их конкурентоспособности, особенно в конкурентной борьбе с Соединенными Штатами, а их навыки и ресурсы дополняют друг друга [22]. Китайский рынок и ресурсы опередили Россию, в то время как Россия обладает определенным техническим опытом, которого Китаю все еще не хватает [21]. Можно прогнозировать, что в будущем количество технологий, которые Китай и Россия могут получить от Запада, значительно сократится, и углубление технологического сотрудничества между двумя странами станет неизбежным выбором.

Проблемы китайско-российского научно-технического сотрудничества

В контексте непрерывного развития китайско-российских отношений, всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, несмотря на плодотворные достижения в технологическом сотрудничестве, все еще существуют некоторые противоречия и проблемы, которые необходимо решить с учетом различий двух стран в технологическом уровне, рыночной среде, правовой защите и образе мышления.

Во-первых, китайско-российские отношения в историческом плане всегда были сложными и противоречивыми. Поскольку население двух стран не всегда имеет

полную и объективную информацию друг о друге, может проявляться и взаимное недоверие. В Китайской Народной Республике также существуют предубеждения в отношении Российской Федерации. В китайских средствах массовой информации по-прежнему появляются материалы, негативно освещающие историю отношений между двумя государствами [23]. В России непонимание Китая также дает почву для роста слухов о «теории китайской угрозы». Некоторые российские ученые считают, что России следует держаться на расстоянии от Китая, поскольку интересы двух стран не всегда совпадают. Технологические и инвестиционные контакты с Китаем не должны восприниматься политиками и бизнесменами как манна небесная [24]. Президент ИМЭМО РАН, академик РАН Александр Дынкин охарактеризовал китайско-российские отношения как «никогда против друг друга, не всегда вместе» [25].

Во-вторых, масштабы торгового и научно-технического сотрудничества двух стран сильно отстают от высокого уровня политических отношений. Сотрудничество Китая и России во многих областях менее глубокое, чем предполагают официальные источники. Из-за практических препятствий совместным исследованиям и соавторству Китая и России потребовалось время, чтобы сформироваться. Напротив, между Западом и Китаем наблюдается большая интеграция и более обширное сотрудничество в области науки и техники [21]. Поэтому правительства Китая и России стремятся расширить китайско-российский коммерческий и научно-технический обмен за пределы государственных проектов, тем самым изменив ситуацию с так называемой «горячей политикой, холодной экономикой и холодной наукой и технологиями» [12].

В-третьих, у Китая и России есть неточности в понимании друг друга. В последние годы с повышением научно-технического уровня в Китае раздался голос о том, что выгоды от научно-технического сотрудничества с Россией уменьшились. Некоторым китайским ведомствам не хватает достаточного понимания и объективной оценки технологического уровня России, наблюдается тенденция принижать технологическую мощь России и слепо восхвалять Запад. На самом деле, несмотря на разрушительное воздействие распада Советского Союза на научно-техническое развитие России, Российская Федерация по-прежнему обладает сильным научно-техническим потенциалом и добилась многих достижений в таких областях, как фундаментальные исследования, ядерные технологии, космическая наука, биотехнологии и др. [26]. В то же время и у России есть недопонимание относительно бизнес-среды, защиты интеллектуальной собственности в Китае и асимметричной выгоды сотрудничества с Китаем. В некоторой степени это препятствует более тесному сотрудничеству двух стран в области технологических инноваций.

В-четвертых, геополитические и другие традиционные угрозы безопасности влияют на китайско-российское научно-техническое сотрудничество. От санкций

против России до торговой войны и технологической войны с Китаем политика сдерживания США, а также технические барьеры, включая экспортный контроль, ограничивают расширение сотрудничества Китая и России. После начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. последствия были особенно очевидны. Китай может опасаться, что станет объектом вторичных санкций Запада, если поддержит Россию в сфере высоких технологий [22]. Сообщается, что компания Huawei прекратила принимать новые заказы из России в марте 2022 г. и приостановила поставки оборудования по существующим контрактам.

В-пятых, на выгоды Китая и России от технологического сотрудничества влияют нетрадиционные угрозы безопасности, такие как COVID-19. 2020 и 2021 гг. были объявлены Годом научно-технического и инновационного сотрудничества КНР и РФ. Две страны изначально планировали совместно провести масштабную церемонию открытия Года научно-технического и инновационного сотрудничества. Однако в связи со сложной эпидемической обстановкой церемония открытия в 2021 г. прошла онлайн. Эпидемия негативно сказалась на выполнении задуманного: из 1000 запланированных мероприятий-большинство проводилось онлайн, а 170 российских планов были отменены или перенесены на лучшие времена.

В-шестых, языковые барьеры влияют на углубленный технологический обмен между Китаем и Россией. В настоящее время в Китае наблюдается большой дефицит кадров, владеющих как русским языком, так и профессиональными знаниями, что не отвечает потребностям китайско-российского сотрудничества в области технологических инноваций. Данная проблема существует и в России. Между тем точный перевод технологических параметров очень важен для успешного развития научно-технического сотрудничества.

Заключение

Китайско-российское научно-техническое сотрудничество имеет долгую историю. Несмотря на неровности пути, оно достигло определенных успехов. Благодаря углублению двусторонних отношений масштабы и качество китайско-российского научно-технического сотрудничества расширяются. С одной стороны, с наступлением четвертой промышленной революции передовые технологии окажут значительное влияние на международную конфигурацию и распределение международной власти. Китай и Россия продолжают углублять сотрудничество и обмены в передовых технологических областях на основе независимости. С другой стороны, мы сталкиваемся с «серьезными изменениями, невиданными за столетие», а международная обстановка сложна и изменчива. Западные страны во главе с США «политизируют» науку и технологии и принимают ряд санкций и мер экспортного контроля против Китая и России, пытаясь подавить их технологический прогресс и экономическое развитие. Поэтому китайско-российское научно-техническое со-

трудничество имеет большую актуальность и отвечает национальным интересам обеих стран. Хотя сотрудничество Китая и России в области технологических инноваций имеет много преимуществ, в этой сфере немало проблем.

Чтобы способствовать качественному развитию китайско-российского научно-технического сотрудничества, эти проблемы должны быть изучены и решены обеими сторонами. Во-первых, укрепление стратегического взаимного доверия является основой для углубления научно-технического сотрудничества, а также приоритетом технологической дипломатии. Во-вторых, Китай и Россия должны в полной мере использовать свои «взаимодополняющие» преимущества. В 2014 г. премьер-министр Ли Кэцян на III Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» подчеркнул: «Если объединим преимущества российской стороны в природных ресурсах, научно-техническом и интеллектуальном потенциале и преимущества китайской стороны в производствах, финансовых средствах и обширном рынке, прибавим китайскому и российскому производству крылья инноваций, то мы получим двойной мощный эффект, далеко выходящий за рамки наших стран» [27]. В-третьих, китайские и российские университеты должны укреплять свои связи и вносить мудрый вклад в китайско-российское научно-техническое сотрудничество путем создания системы подготовки разносторонних технологических кадров (профессиональные знания + язык) и содействия обмену технологическими достижениями. Наконец Китаю и России в целом также необходимо расширять сферы сотрудничества и повышать его уровень и масштабы, опираясь на такие платформы и механизмы, как ШОС, БРИКС и «Пояс и путь».

Список источников

1. Ван Ц. Влияние четвертой промышленной революции на конфигурацию международной системы // Вопросы политологии. 2022. № 10. С. 3422–3430. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.86.10.021>
2. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия 2050: стратегия со-развития. Москва: Институт экономических стратегий, 2006. 654 с.
3. Ли Г., Фан Т. Помощь СССР Китаю в разработке ядерного оружия в 1950-х гг. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 132–136.
4. Ли З. Г., Ли Ю. Китайско-российская научно-технологическая дипломатия и практика // Академический журнал российских исследований. 2021. № 4. С. 53–74. На кит. яз.
5. Сунь У. Х. Китайско-российское научно-техническое сотрудничество перед новым веком и новой эрой // Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования. 2005. № 1. С. 85–87. На кит. яз.

6. Россия и Китай открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества (2020–2021) // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerst-va/21430/>
7. Christopher W. H. China's Technology Cooperation with Russia: Geopolitics, Economics, and Regime Security. *The Chinese Journal of International Politics*, 2021, no. 3, pp. 447–479. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab009>
8. Юань З. Б. Обзор и перспективы основных направлений политики в области науки и технологий после 18-го Национального конгресса КПК // *Science & Technology Review*. 2022. № 20. С. 13–19. На кит. яз.
9. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход // *Carnegie*. URL: <https://carnegie.ru/2020/07/07/ru-pub-82172>
10. Цзян Дж. Строительство и развитие российской научно-технологической инновационной системы // *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2021. № 5. С. 76–96. На кит. яз.
11. Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6988396>
12. China-Russia Cooperation in advanced technologies: The future global balance of power and the limits of "unlimited" partnership / University of Technology Sydney. URL: <https://www.uts.edu.au/acri/research-and-opinion/research-reports/china-russia-cooperation-advanced-technologies-future-global-balance-power-and-limits-unlimited-partnership>
13. How Chinese Tech Companies Are Conquering Russia // *Carnegie*. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/83589>
14. Китайская контрреволюция: Huawei активизирует связи с Россией // *Известия*. URL: <https://iz.ru/880890/anna-urmantceva/kitaiskaia-kontrevoliutciia-huawei-aktiviziruet-sviazi-s-rossiei>
15. Ван Ц. Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры // *Мировая политика*. 2023. № 1. С. 1–12. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2023.1.39781>
16. Комраков А. Призрак китайского коммунизма добрался до Америки // *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-07-20/4_7915_chi-na.html
17. Какие возможности открываются для России в условиях технологического противостояния США и Китая? // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kakie-vozmozhnosti-otkryvayutsya-dlya-rossii-v-usloviyakh-tekhnologicheskogo-protivostoyaniya-ssha-i/>
18. Technology Controls Can Strangle Russia – Just Like the Soviet Union. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/22/russia-ukraine-war-sanctions-export-controls-technology-transfer-semiconductors-defense-industry-military-espionage/>
19. The World's Most-Sanctioned Countries. URL: <https://www.statista.com/chart/27015/number-of-currently-active-sanctions-by-target-country/>

20. China could be Russia's key to surviving tech sanctions. *Politico*. URL: <https://www.politico.com/newsletters/morning-tech/2022/02/25/china-could-be-russias-key-to-surviving-tech-sanctions-00011702>

21. The Resilience of Sino-Russian High-Tech Cooperation. *War on the Rocks*. URL: <https://warontherocks.com/2020/08/the-resilience-of-sino-russian-high-tech-cooperation/>

22. The China factor in tech export controls against Russia. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/the-china-factor-in-tech-export-controls-against-russia/>

23. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. Москва: Аспект-Пресс, 2011. 480 с.

24. Горин А. Конфликт Китай – США: угроза «второй холодной войны»? // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26601>

25. Дынкин А. Противостояние США и Китая станет главным в постпандемическом мире // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/protivostoyanie-ssha-i-kitaya-stanet-glavnym-v-postpandemicheskom-mire/>

26. Чжэн С. М. Анализ рисков и проблем китайско-российского научно-технического инновационного сотрудничества // *Глобальный обзор науки, технологий и экономики*. 2021. № 10. С. 8–12. На кит. яз.

27. III Московский международный форум инновационного развития «Открытые инновации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/15217/>

References

1. Wang C. Vliyanie chetvertoy promyshlennoy revolyutsii na konfiguratsiyu mezhdunarodnoy sistemy [The influence of the Fourth Industrial Revolution on the configuration of the international system]. *Voprosy politologii*, 2022, no. 10, pp. 3422–3430. (In Russ.). <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.86.10.021>

2. Kuzyk B. N., Titarenko M. L. Kitay – Rossiya 2050: strategiya so-razvitiya [China – Russia 2050: Co-development strategy]. Moscow: Institute of Economic Strategies Publ., 2006. 654 p. (In Russ.).

3. Li G., Fan T. Pomoshh' SSSR Kitayu v razrabotke yadernogo oruzhiya v 1950-h gg. [Soviet assistance to China in the development of nuclear weapons in the 1950s]. *Voprosy istorii*, 2012, no. 11, pp. 132–136. (In Russ.)

4. Li Z. G., Li Y. China-Russia Science and Technology Diplomacy and Practice. *Academic Journal of Russian Studies*, 2021, no. 4, pp. 53–74. (In Chin.).

5. Sun W. H. China-Russian scientific and technological cooperation facing the new century and the new era. *Russian, East European & Central Asian Studies*, 2005, no. 1, pp. 85–87. (In Chin.).

6. Russia and China have opened the Years of Scientific, Technical and Innovative Cooperation (2020–2021). *Ministry of Science and Higher Education of the Russia*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerst-va/21430/> (In Russ.).

7. Christopher W. H. China's Technology Cooperation with Russia: Geopolitics, Economics, and Regime Security. *The Chinese Journal of International Politics*, 2021, no. 3, pp. 447–479. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab009>
8. Yuan Z. B. Review and outlook of major science and technology policies since the 18th CPC National Congress. *Science & Technology Review*, 2022, no. 20, pp. 13–19. (In Chin.).
9. Chinese experience in the development of the artificial intelligence industry: a strategic approach. *Carnegie*. URL: <https://carnegie.ru/2020/07/07/ru-pub-82172> (In Russ.).
10. Jiang J. Construction and Development of Russia's Scientific and Technological Innovation System. *Russian, East European & Central Asian Studies*, 2021, no. 5, pp. 76–96. (In Chin.).
11. Putin approved the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030. *Tass*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6988396> (In Russ.).
12. China-Russia Cooperation in advanced technologies: The future global balance of power and the limits of "unlimited" partnership, *University of Technology Sydney*. URL: <https://www.uts.edu.au/acri/research-and-opinion/research-reports/china-russia-co-operation-advanced-technologies-future-global-balance-power-and-limits-unlimited-part-nership>
13. How Chinese Tech Companies Are Conquering Russia. *Carnegie*. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/83589>
14. Chinese Counter-revolution: Huawei intensifies ties with Russia. *Izvestia*. URL: <https://iz.ru/880890/anna-urmantceva/kitaiskaia-kontrevoliutciia-huawei-aktiviziru-et-sviazis-rossiei> (In Russ.).
15. Wang C. Tehnologicheskoe protivoborstvo KNR i SShA: front i yadro kitaysko-amerikanskoj strategicheskoy igry [The technological confrontation between China and the United States: the front and core of the Sino-US strategic game]. *Mirovaya politika*, 2023, no. 1, pp. 1–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2023.1.39781>
16. Komrakov A. Prizrak kitayskogo kommunizma dobralsya do Ameriki [The specter of Chinese communism has reached America]. *Nezavisimaya gazeta*. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-07-20/4_7915_china.html (In Russ.).
17. What opportunities are opening for Russia in the context of the technological confrontation between the United States and China? *RIAC*. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/interview/kakie-vozmozhnosti-otkryvayutsya-dlya-rossii-v-usloviyakh-tekhnologicheskogo-protivostoyaniya-ssha-i/> (In Russ.).
18. Technology controls can strangle Russia – just like the Soviet Union. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/22/russia-ukraine-war-sanctions-export-controls-technology-transfer-semiconductors-defense-industry-military-es-pionage/>
19. The World's Most-Sanctioned Countries. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/chart/27015/number-of-currently-active-sanctions-by-target-country/>
20. China could be Russia's key to surviving tech sanctions. *POLITICO*. URL:

<https://www.politico.com/newsletters/morning-tech/2022/02/25/china-could-be-russias-key-to-surviving-tech-sanctions-00011702>

21. The Resilience of Sino-Russian High-Tech Cooperation. *War on the Rocks*. URL: <https://warontherocks.com/2020/08/the-resilience-of-sino-russian-high-tech-cooperation/>

22. The China Factor in Tech Export Controls Against Russia. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/the-china-factor-in-tech-export-controls-aga-inst-russia/>

23. Achkasov V. A., Lantsov S. A. *Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World politics and international relations]. Moscow: Aspect-Press Publ., 2011. 480 p. (In Russ.).

24. Torin A. Konflikt Kitay – SShA: ugroza «vtoroy holodnoy vojny»? [China – US conflict: the threat of a "second Cold War"?]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26601> (In Russ.).

25. Dynkin A. Protivostoyanie SShA i Kitaya stanet glavnym v postpandemi-cheskom mire [The confrontation between the United States and China will become the main one in the post-pandemic world]. *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/protivostoyanie-ssha-i-kitaya-stanet-glavnym-v-postpandemicheskom-mire/> (In Russ.).

26. Zheng S. M. Analysis on the risks and challenges of Sino-Russian science and technology innovation cooperation. *Global Science, Technology and Economy Outlook*, 2021, no. 10, pp. 8–12. (In Chin.).

27. The third Moscow International Forum of Innovative Development «Open Innovations». *Government of Russia*. URL: <http://government.ru/news/15217/> (In Russ.).

Информация об авторе

Ван Цунюэ – аспирант кафедры международных политических процессов факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Wang Congyue – Postgraduate Student of the Department of International Political Processes School of Political Science, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 18.03.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 65–73.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 65–73.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 321(470+571)-048.67:323.23

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/65-73>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ ИМИДЖА СТРАН

Ольга Петровна Горбушина

г. Москва, Россия,

Olga_gorbushina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6472-2473>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена реалиями современности, происходящими во всем мире, когда формирование позитивного имиджа страны на внутреннем и международном уровне является важнейшей стратегией безопасности государства. За последние десятилетия учеными разных научных направлений были исследованы те или иные феномены имиджа государства, но для создания целостной продуктивной программы формирования и продвижения позитивного имиджа России важно выйти за рамки одного какого-то подхода и заниматься вопросами имиджа государства междисциплинарно. Автором проводились эмпирические исследования имиджа страны у российской молодежи дважды, с разницей в 20 лет. Одним из результатов эмпирического исследования структуры и факторов формирования имиджа страны в 2002–2006 гг. стало создание универсальной модели имиджа страны. На основе этой модели составлена социально-психологическая структурная модель имиджа стран и разработан семантический дифференциал для изучения имиджа государства у современной молодежи. С использованием модели имиджа страны проведено повторное эмпирическое исследование в 2020–2023 гг., разработаны дополнительные методы изучения имиджа стран в условиях пандемии. В ходе исследования дополнительно проведен междисциплинарный теоретический анализ, подтвердивший структурные компоненты универсальной модели имиджа стран, отдельно выделена из «социальных институтов» компонента «здоровоохранение», значение которой у молодежи возросло во время и после пандемии. Структурные компоненты междисциплинарной модели имиджа стран: внешняя политика, внутренняя политика, население страны, экономика, вооруженные силы,

наука и образование, географические и климатические параметры, развитие и прогресс, социальные институты, культура, здравоохранение, история, религия, менталитет, спорт. Необходимо использовать созданную междисциплинарную модель имиджа стран, чтобы на ее основе мониторить состояние ее структурных компонентов и разрабатывать программы совершенствования каждого из них, а также создавать ФГОС по воспитанию и образованию лидеров мнений в Интернет (блогеров, медийных личностей), чья деятельность в итоге становится имиджформирующей информацией о России.

Ключевые слова: имидж, имидж страны, имидж государства, междисциплинарность, модель имиджа страны, имиджформирующая информация, эмпирическое исследование, Стратегия, международный имидж, позитивный имидж государства, молодежь, патриотизм, внутренний имидж страны, лидеры мнений, медиaprостранство

Для цитирования: Горбушина О. П. Междисциплинарная модель имиджа стран // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 65–73.

POLITICS

Original article

INTERDISCIPLINARY MODEL OF COUNTRY IMAGE

Olga P. Gorbushina

Moscow, Russia,

Olga_gorbushina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6472-2473>

Abstract. The relevance of the study is due to the realities of modernity taking place all over the world, when the formation of a positive image of the country at the domestic and international levels is the most important strategy for the security of the state. Over the past decades, scientists of various scientific fields have studied various phenomena of the image of the state, but in order to create a holistic productive program for the formation and promotion of a positive image of Russia, it is important to go beyond one approach and deal with issues of the image of the state interdisciplinary. The author conducted empirical studies of the image of the country among Russian youth twice, with a difference of 20 years. The empirical study of the structure and factors of the formation of the country's image in 2002–2006 resulted in the creation of a universal model of the country's image. Based on this model, a socio-psychological structural model of the image of countries was compiled and a semantic differential was developed to study the image of the state among modern youth. Using the model of the country's image, a repeated

empirical study was conducted in 2020–2023, additional methods were developed to study the image of countries during the pandemic. In the course of the study, an interdisciplinary theoretical analysis was additionally carried out, confirming the existing structural components of the universal model of the image of countries, the component "health care" was singled out separately from the "social institutions", the importance of which among young people increased during and after the pandemic. The structural components of the interdisciplinary model of the image of countries are foreign policy, domestic policy, the country's population, economy, armed forces, science and education, geographical and climatic parameters, development and progress, social institutions, culture, healthcare, history, religion, mentality, sports. It is necessary to use the created interdisciplinary model of the image of countries in order to monitor the state of its structural components on its basis and develop programs for improving each of them, as well as create a Federal State Educational Standard for the upbringing and education of opinion leaders on the Internet (bloggers, media personalities), whose activities eventually become image-forming information about Russia.

Keywords: image, country image, state image, interdisciplinarity, country image model, image-forming information, empirical research, Strategy, international image, positive image of the state, the youth, patriotism, internal image of the country, opinion leaders, media space

For citation: Gorbushina O. P. Interdisciplinary model of country image. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 65–73. (In Russ.).

Введение

Для науки «имидж» – термин достаточно новый, но интерес научного сообщества в последние десятилетия к данной категории особенно высок. Например, на портале электронной библиотеки КиберЛенинка¹ по имиджу размещены (по OECD): 28 451 статья в разделе «Экономика и бизнес», 9532 – «Наука об образовании», 7973 – «СМИ (медиа) и массовые коммуникации», 7035 – «Политологические науки», 720 – «Языкознание и литературоведение», 3945 – «Социологические науки», 3869 – «История и археология», 3073 – «Право», 2100 – «Философия, этика, религиоведение», 2071 статья – «Социальная и экономическая география». Таково поле имиджологических исследований на данный момент (август 2023).

Привести подобные данные по имиджу страны не представляется возможным, потому что в зависимости от научной области изучения термин звучит по-разному. Например, в психологической и социальной литературе чаще всего встречаются термины «имидж страны», «позитивный имидж страны»; в политической – «имидж государства», «бренд государства», «имидж республики», «имидж региона»; в эко-

---

¹ Поиск научной информации в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru).

номической – «территориальный маркетинг», «бренд страны», «маркетинг территорий», «бренд территорий» и т.д.

Что касается *имиджа страны*, то изучение данного научного феномена и создание реальных научно-практических рекомендаций – вопрос, который в настоящее время представляет особую актуальность.

Согласно Стратегии¹, «для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредотачивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны» [9].

На наш взгляд, это станет возможным благодаря программам по целенаправленному формированию позитивного внутреннего имиджа страны у населения и позитивного внешнего имиджа страны на международной арене.

Ключевыми компонентами программ по продвижению позитивного имиджа России внутри государства должны стать воспитание истинных патриотических чувств на основе уважения к духовно-нравственным ценностям жителей своей страны и поддержания авторитета политической власти и Вооруженных сил РФ теми, на кого в первую очередь направлены программы воспитания истинных патриотических чувств, должны стать лидеры мнений в сети Интернет (блогеры, медиаперсоны, медийные личности) и их наставники – все, кто их обучает, и, конечно же, современная молодежь [3].

В итоге такие программы призваны помочь сформировать и продвинуть на международный уровень в медийном пространстве духовно-нравственные ценности Российской Федерации и привить к ним любовь и уважение у международного сообщества.

Для этого могут быть использованы социально-психологические механизмы формирования позитивного имиджа страны. Подобные механизмы в международной практике уже были задействованы и успешно применены правительством Республики Корея на международном уровне как инструмент «мягкой силы» влияния на представления о стране у современной молодежи, в том числе российской.

Нами выявлено существенное возрастание, укрепление и улучшение международного имиджа стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в представлении современной российской молодежи. В отличие от результатов исследования 2002–2005 гг. в прошедшие 20 лет произошла переориентация выборов современной российской молодежью по шкале «Наиболее сильное позитивное эмоциональное отношение к стране» со стран Западной Европы на страны АТР, особенно Южную Корею и Китай.

¹ Совет Безопасности Российской Федерации (scrf.gov.ru).

За прошедшие 20 лет имидж Китая и Японии в представлении российской молодежи сменился в диаметрально противоположную сторону — из шкалы «Наименее привлекательная страна» эти страны попали в шкалу «Наиболее сильное позитивное эмоциональное отношение к стране». А Южная Корея из шкалы «Нейтральная страна, не вызывающая особых эмоций» попала на первое место по процентному соотношению выборов реципиентов по шкале «Наиболее сильное позитивное эмоциональное отношение к стране» [3].

По мнению Сунь Цзинь (2005), имидж страны может быть разделен на материальный и духовный, к первому относятся экономический статус и комплексная мощь государства, ко второму – гражданские качества и общественная мораль [11]. Примечательно, что примерно за 10 лет до этого в России о высокой духовной составляющей имиджа политического деятеля писал В. М. Шепель; о личной ответственности человека за использование, применение и влияние имидж-технологий, особенно специалистов, создающих имиджформирующую информацию о стране, – О. П. Горбушина [4, 10].

Согласно положениям той же государственной Стратегии, «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [9].

По мнению ученых, позитивный имидж России сам по себе может стать фактором, сплачивающим население России, повышающим патриотические чувства внутри страны и усиливающим влияние и статус Российской Федерации на международном уровне [1, 2, 4, 8].

Интересно высказывание Го Шуюна (2005) о формировании хорошего имиджа великой державы, который, по его мнению, включает в себя компоненты, которые в российской научной практике больше принято относить к имиджу хорошего руководителя: а) современную идентичность; б) мировой вклад; в) стратегическую волю; г) особую ответственность; д) эффективное управление [7].

Детальный междисциплинарный анализ понятий, относящихся к имиджу страны, выявил существенную разницу в названиях терминов в зависимости от научного направления исследования. При этом содержание, наполняющее сами термины, часто идентично. Российские политологи, экономисты, социологи и ученые других направлений, разрабатывающие проблематику формирования позитивного имиджа страны, обозначают его разными терминами, что может помешать вовремя применить на практике ценные научные знания, которые помогут выйти России из кризиса.

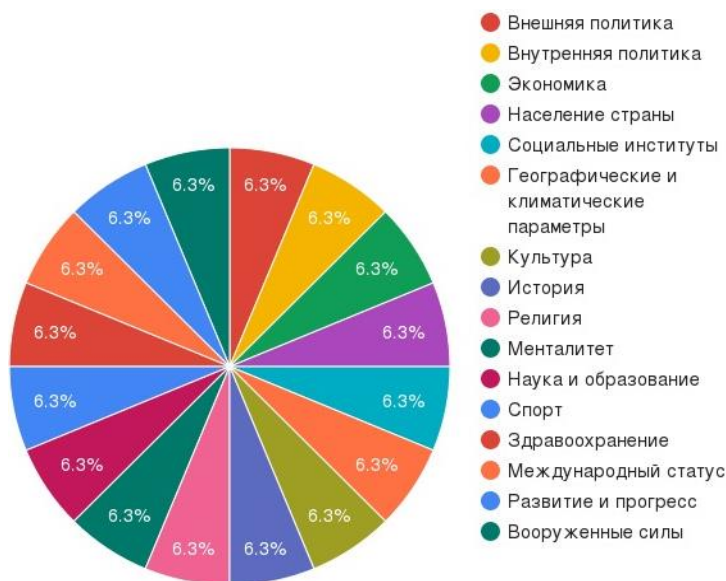
Поэтому одна из задач данной статьи – призвать научное сообщество объединить усилия по выработке целевых научно-практических экспериментально под-

твержденных рекомендаций по улучшению имиджа России на международном уровне и внутри своей страны, сообща прописать конкретные шаги и предложить программу действий.

Эмпирическая модель имиджа страны

Модель – это изоморфный аналог реального прототипа, при котором структуры модели и практики взаимно однозначно соответствуют друг другу. *Модель имиджа страны* – это совокупность структурных компонентов, отражающая частные составляющие целостности объекта в единых рамках, обусловленных качественными и количественными параметрами. *Эмпирическая модель имиджа страны* содержит в себе структурные компоненты, которые носят общий характер и отражают имидж любой страны мира, безотносительно той, к которой принадлежит сам реципиент [2].

Модель имиджа страны
Country image model

По результатам исследований, проведенных нами в 2002–2023 гг., эмпирическая модель имиджа включает в себя такие структурные компоненты, как: 1) экономика; 2) внешняя политика; 3) внутренняя политика; 4) вооруженные силы; 5) население страны; 6) социальные институты; 7) географические и климатические параметры; 8) культура; 9) история; 10) религия; 11) менталитет; 12) наука и образование; 13) спорт; здравоохранение; 14) развитие (прогресс); 15) международный статус [3].

Эмпирическая модель имиджа страны обусловлена психологическими особенностями воспринимающего субъекта, спецификой воспринимаемого объекта и социаль-

но-психологическими свойствами имиджа страны на когнитивно-рациональном и эмоционально-иррациональном уровнях. [3]

Всего было выявлено 220 категорий, наполняющих каждый из структурных компонентов эмпирической модели имиджа страны, что позволило охватить все семантическое пространство имиджа страны [2].

Имидж страны представлен на четырех уровнях:

- внешнем (международном) и внутреннем (внутри своей страны);
- рациональном (когнитивном) и иррациональном (эмоциональном) [5].

В дальнейшем в этой эмпирической модели имиджа страны были выделены 10 блоков параметров, непосредственно относящихся к *социально-психологическим характеристикам имиджа страны*, на основе которых был разработан и успешно апробирован психосемантический дифференциал «*Оценка имиджа страны*» для изучения рационального уровня восприятия имиджа стран молодежью [2].

Выводы

Универсальная, эмпирически подтвержденная структура имиджа страны, включает в себя совокупность семиотических, когнитивных и образных составляющих, в которых взаимосвязанно соединяются рациональные (суждения) и эмоциональные (отношения, оценки), осознанные и малоосознанные компоненты.

Данная система в сознании российской молодежи представлена через имиджевые характеристики стран, объединенные в 16 структурных блоков с равным значением между собой: внешняя политика, внутренняя политика, население страны, вооруженные силы, экономика, наука и образование, географические и климатические параметры, развитие и прогресс, социальные институты, культура, здравоохранение, история, религия, менталитет, спорт, международный статус.

В первую очередь данная модель может быть использована уполномоченными специалистами по созданию и продвижению целенаправленной имиджформирующей информации о стране; учеными, исследующими механизмы функционирования позитивного имиджа страны на внутреннем и международном уровнях; для создания программ ФГОС по воспитанию и образованию лидеров мнений (медийных личностей, блогеров, медиаперсон, инфлюэнсеров в Интернете) в медийном пространстве. Данный перечень практического применения может быть расширен согласно цели: создание, формирование и продвижение позитивного имиджа Российской Федерации на международном уровне и внутри своей страны.

Список источников

1. Галумов Э. А. Международный имидж современной России (Политологический анализ): автореферат дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Дипломат. акад. МИД РФ. Москва, 2004. 50 с.

2. Горбушина О. П. Имидж страны у российской молодежи: структура и факторы формирования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Москва, 2006. 199 с.
3. Горбушина О. П. Имидж России и зарубежных стран. Москва: ПКЦ Альтекс, 2005. 188 с.
4. Горбушина О. П. Стратегия реализации целей пространственного маркетинга путём формирования позитивного имиджа территории // Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Москва: Московский государственный университет спорта и туризма, 2022. С. 230–235.
5. Горбушина О. П. Динамика восприятия международного имиджа зарубежных стран российской молодежью: результаты эмпирических исследований 2002–2023 годов // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 3. <https://doi.org/10.15862/66PSMN323>
6. Горбушина О. П. Междисциплинарный анализ понятия «имидж»: традиции изучения имиджа в отечественной и зарубежной научных школах // Журнал прикладной психологии. 2019. № 5. С. 2.
7. Го Шуюн. Об образе Китая как великой державы в процессе мирного развития // Исследование теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. 2005. № 11. С. 51–56.
8. Леонова О. Г. Барьеры имиджа страны // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 1. С. 135–146.
9. Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/>
10. Шепель В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. Москва: ЛИНКА-ПРЕСС, 1997. 320 с.

References

1. Galumov E. A. Mezhdunarodnyy imidzh sovremennoy Rossii (Politologicheskiiy analiz [International image of modern Russia (Political analysis)]. Abstract of Cand. Dis. (Polit. Sci.). Diplomat. akad. MID RF. Moscow, 2004. 50 p. (In Russ.).
2. Gorbushina O. P. Imidzh strany u rossiyskoy molodezhi: struktura i faktory formirovaniya [Image of the country among Russian youth: structure and formation factors]. Cand. Dis. (Psy. Sci.). Moscow, 2006. 199 p. (In Russ.).
3. Gorbushina O. P. Imidzh Rossii i zarubezhnykh stran [Image of the country among Russian youth: structure and formation factors]. Moscow: PKTS Al'teks, 2005. 188 p. (In Russ.).
4. Gorbushina O. P. Strategiya realizatsii tseley prostranstvennogo marketinga putom formirovaniya pozitivnogo imidzha territorii. [Strategy for realizing the goals of spatial marketing by forming a positive image of the territory]. *Sovremennyye tendentsii*,

problemy i puti razvitiya fizicheskoy kul'tury, sporta, turizma i gostepriimstva. Sbornik materialov KHVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet sporta i turizma Publ., 2022. P. 230–235. (In Russ.).

5. Gorbushina O. P. Dinamika vospriyatiya mezhdunarodnogo imidzha zarubezhnykh stran rossiyskoy molodezh'yu: rezul'taty empiricheskikh issledovaniy 2002–2023 godov [Dynamics of perception of the international image of foreign countries by Russian youth: results of empirical studies of 2002–2023]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 2023, vol. 11, no. 3. (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/66PSMN323>

6. Gorbushina O. P. Mezhdistsiplinarnyy analiz ponyatiya "imidzh": traditsii izucheniya imidzha v otechestvennoy i zarubezhnoy nauchnykh shkolakh [Interdisciplinary analysis of the concept of “image”: traditions of studying image in domestic and foreign scientific schools]. *Zhurnal prikladnoy psikhologii*, 2019, no. 5, pp. 2. (In Russ.).

7. Go Shuyun. Ob obraze Kitaya kak velikoy derzhavy v protsesse mirnogo razvitiya [On the image of China as a great power in the process of peaceful development]. *Issledovaniye teorii Mao TSzeduna i Den Syaopina*, 2005, no. 11, pp. 51–56. (In Russ.).

8. Leonova O. G. Bar'yery imidzha strany [Barriers to the country's image]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 2014, no. 1, pp. 135–146. (In Russ.).

9. Strategiya Natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [National Security Strategy of the Russian Federation]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (In Russ.).

10. Shepel' V. M. Imidzhelogiya: sekrety lichnogo obayaniya [Imageology: secrets of personal charm]. Moscow: LINKA-PRESS, 1997. 320 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. П. Горбушина – кандидат психологических наук, ученый, рецензент электронных научных журналов и член редколлегии, г. Москва, Россия.

Information about the authors

O. P. Gorbushina – Candidate of Psychological Sciences, scientist, reviewer of electronic scientific journals and member of the editorial board, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 74–87.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 74–87.

Научная статья

УДК 332.14(571.6)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/74-87>

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Михаил Владимирович Сторожук

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия,
info@storojuk.ru

Аннотация. Региональная политика современной России – это особое направление, которое вызвано процессами, происходящими на международной арене. Экономические потоки, торговые соглашения, поставки различных товаров и материалов переориентировались на страны Азии, что определило особое внимание правительства к развитию дальневосточной территории. Актуальность темы обусловлена современной ориентацией экономики на страны Азии, что делает Дальний Восток ключевым регионом в системе торговых и партнерских отношений. Цель работы – рассмотреть особенности ведения региональной политики в ДФО. При этом учитывалось, что Дальний Восток – один из ключевых и в то же время проблемных регионов страны. Правительство РФ стремится увеличить население региона, решает его экономические и территориальные проблемы и проводит различные программы по оптимизации развития региона. Однако проблемы сохраняются. В статье рассмотрены ключевые ориентиры политики российского правительства в области развития дальневосточной территории. В заключении представлены интересующие правительство области экономической деятельности, а также перспективные направления дальнейшего развития региональной экономики в соответствии с торговыми отношениями со странами Азии и Ближнего Востока.

Ключевые слова: региональная политика, Дальний Восток, российское общество, социально-экономическое положение в регионе, национальные проекты, пространственное развитие, точка роста

Для цитирования: Сторожук М. В. Дальний Восток как объект региональной политики в современной России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 74–87.

Original article

THE FAR EAST AS AN OBJECT OF REGIONAL POLICY IN MODERN RUSSIA

Mikhail V. Storozhuk

Russian State Social University,
Moscow, Russia, info@storozhuk.ru

Abstract. The regional policy of modern Russia is a special area, which is influenced by the processes taking place in the international arena. Economic flows, trade agreements, deliveries of various goods and materials were reoriented to Asian countries, which determined the special attention of the government to the development of the Far Eastern territory. The relevance of the topic is due to the modern orientation of the economy towards Asian countries, which makes the Far East a key region in the system of trade and partnership relations. The purpose of the work is to consider the features of conducting regional policy in the Far Eastern Federal District. At the same time, it should be taken into account that, in general, the Far East is one of the key and at the same time problematic regions of the country. The Government of the Russian Federation seeks to increase the population of the region, solves its economic and territorial problems and conducts various programs to optimize the development of the region. However, problems persist. The article will consider the key guidelines for the policy of the Russian government in the development of the Far Eastern territory. In conclusion, the areas of economic activity of interest to the government are presented, as well as promising areas for further development of the regional economy in accordance with trade relations with the countries of Asia and the Middle East.

Keywords: regional policy, Far East, Russian society, socio-economic situation in the region, national projects, spatial development, point of growth

For citation: Storozhuk M. V. The Far East as an object of regional policy in modern Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 74–87. (In Russ.).

Введение

Политика, обращенная в сторону Дальнего Востока, всегда отличалась от политики в центральном регионе, что обусловлено сохранением ряда проблем с момента присоединения региона к России еще в конце XIX в. Однако процесс освоения этой территории начался гораздо раньше: все путешественники, картографы и первооткрыватели нуждались как в налаживании инфраструктуры, так и в развитии системы поставок. Но удаленность субъекта, его географическое расположение и климат не дают государству полноценной возможности решить все проблемы субъекта, потому они сохранились и до наших дней.

И сегодня инфраструктура остается неразвитой, нет дорог, железнодорожное движение останавливается с ноября по апрель, авиаперелеты так же проблематичны и требуют дополнительных процедур получения разрешения (на вылет оттуда, в частности) [1, с. 18–22]. Безусловно, есть и положительные тенденции. Так, соседние страны являются сегодня союзниками и экономическими партнерами России и совместно с нашей страной реализуют различные взаимовыгодные проекты. Поэтому Дальний Восток получает все необходимые товары не только от российских производителей, но и из Японии, Китая, Республики Корея, других стран АТР, что, с одной стороны, делает для жителей этого региона многие вещи более доступными, чем для жителей центральной России, но, с другой – лишает центральные регионы возможности свободно торговать с окраинами [2, с. 91–99]. В связи с первой обозначенной проблемой – отсутствием дорожно-транспортного сообщения – такая торговля не всегда рентабельна, потому российское правительство попыталось скорректировать данное направление за счет создания территории опережающего развития (ТОР).

Изучение региональной политики на примере Дальнего Востока интересует как отечественных, так и зарубежных исследователей, что связано с его расположением и стратегической значимостью, которая на сегодняшний день очень актуальна. Последние события на международной арене показали важность мероприятий по совершенствованию региональной политики приграничных территорий.

Стратегическая значимость Дальневосточного региона определила растущий интерес к данной теме. Цель работы – рассмотреть особенности региональной политики в рамках государственных интересов. При подготовке применялся метод сопоставления данных: в работе рассматриваются теоретические аспекты особенностей реализации региональной политики, представления исследователей о значимости международных процессов, для финансово-экономической составляющей реализации приоритетных проектов в регионе.

Отечественные исследователи неоднократно отмечали, что Дальний Восток – плацдарм для нововведений [3, с. 9–25]. Как подчеркивает С. Н. Леонов, не всегда

программы и реформы исходят от нынешнего правительства; часто можно столкнуться с попытками реализовать проекты, разработанные еще в начале XX в., как это было с привлечением людей для обработки земли [4, с. 41–67]. При этом правительство, принимая различные программы, не всегда соотносит их с возможностями регионального руководства [5, с. 38–45]. Такая позиция может быть охарактеризована как неоднозначная, что прослеживается в работах различных исследователей. Так, Ю. В. Дубровская и Д. А. Пакулина подчеркивают, что интерес к региону со стороны правительства вызывает интерес и у населения, и у предпринимателей, и у инвесторов [6, с. 5–10], что создает прецедент «искусственно созданного благополучия», вызванного государственным субсидированием даже убыточных предприятий в целях сохранения рабочих мест. Поэтому вслед за политологами и аналитиками И. С. Гилева считает, что количество национальных программ, которые реализует регион, не может однозначно трактоваться как положительный опыт [7, с. 106–115].

А. Б. Волынчук указывает на то, что в числе реализуемых на Дальнем Востоке программ действуют как положительные, так и провальные проекты [8, с. 59–63]. Ключевые проблемы региона не решаются в основном из-за его удаленного расположения, когда центр не в состоянии отрегулировать и проконтролировать все происходящие процессы. В то же время благодаря инновационным технологиям и реализации системы удаленного мониторинга количество успешных проектов и программ увеличивается. Так, к положительным проектам относят организацию ТОР. Исследователи отмечают следующие положительные моменты создания ТОР:

- увеличиваются поступления в бюджет [9, с. 168–172];
- ожидается трехкратный рост доходов субъекта к концу 2025 г. [10, с. 381–385];
- контроль за реализацией правительственных инициатив планируется проводить дистанционно по всем направлениям ежегодно, вплоть до их положительной реализации [11, с. 40–44];
- в рамках геоселективной региональной политики проводится отбор по экономическим показателям в целях повышения рентабельности капиталовложений со стороны государственного бюджета, что способствует сплочению территории и обеспечивает укрепление позиций ДФО как региона, имеющего военно-политическое значение [12, с. 65–72].

Вместе с тем многие авторы рассматривают российскую региональную политику как дифференциальную. Так, Н. В. Зубаревич отмечает, что в силу специфики российской системы управления существует необходимость в реализации обширного перечня программ по государственному регулированию регионами и к каждому из них необходим свой подход. В частности, это обусловлено большими территориями страны, наличием проблем в инфраструктуре, демографии и социальной

дифференциации [13, с. 135–145]. Поэтому современные авторы не видят отрицательных моментов в контроле со стороны правительства, а наоборот считают его необходимым, особенно если речь идет о Дальневосточном регионе, который имеет как внутреннее, так и внешнеполитическое значение [14, с. 146–157].

Необходимо учитывать удаленность рассматриваемого региона, что повышает внимание к теме цифровизации системы контроля и реализации региональной политики [15, с. 7–17]. В обзоре, проведенном Л. Е. Козловым [16, с. 88–97], отмечается, что цифровизация, охватившая все сферы, так же перспективна и в рамках политических процессов, определяющих жизнь регионов и возможности их преобразований в соответствии с требованиями времени. Российское правительство, несмотря на все проблемы и препятствия, проводит более успешную политику в отдаленных регионах по сравнению с другими странами, которые реализуют систему развития TOP [17, с. 35–39]. Так, сравнивая региональную политику России и Бразилии, А. Е. Савченко отмечает, что за счет грамотной линии мониторинга руководство страны способно не только поднять дотационные регионы, но и повысить уровень жизни в отдаленных субъектах [18, с. 147–158]. В отношении Дальнего Востока можно указать на наиболее значимые и перспективные направления, связанные с географическим расположением, так как вопросы ускоренного развития и процветания арктических и полярных территорий становятся главенствующими для всех стран, заинтересованных в разработке малоосвоенных земель [19, с. 7–21]. Особенно это становится актуальным в связи с постоянным усовершенствованием технологий и внедрением инноваций в самые различные экономические отрасли, так как весь арктический пояс богат месторождениями различных полезных ископаемых. Однако существующих тенденций недостаточно для полноценного освоения труднодоступных территорий и, как следствие, залежей полезных ископаемых, и в этом проявляется своеобразный диссонанс в проводимой правительством политике, что отмечают Л. Е. Козлов, А. Б. Волынчук [20, с. 118–128]. И чтобы его минимизировать, правительство привлекает для решения не ликвидированных проблем как человеческие ресурсы, так и частные капиталы [21, с. 43–47].

Потому не удивительно, что все чаще исследователи акцентируют внимание на развитии Дальневосточных территорий как ключевом ориентире политики российского правительства в вопросах реализации самых разных программ и национальных проектов.

На основе проведенного анализа и синтеза статистической информации нами сделано обобщение накопленных знаний о регионе и выявлены основные тенденции, проблемы и перспективы политики, обращенной в сторону Дальнего Востока, в современных экономически нестабильных условиях. Полученные данные позволили сформулировать ряд выводов.

Результаты

Рассматривая современную политику российского правительства, необходимо отметить, что на протяжении последних лет активно реализуется система пространственного стратегического планирования, которая служит плацдармом для организации так называемых точек роста. Последние выступают ориентирами для предпринимателей и инвесторов, которые будут развивать ту или иную сферу или отрасль в экономике региона [22, с. 7–24]. В то же время политика, обращенная в сторону Дальнего Востока, носит характер как пространственного развития, так и систематического субсидирования [23, с. 158–178]. Можно отметить, что руководство страны заинтересовано не только в уравнивании бюджета региона, но и в сохранении законности и благополучия граждан [24, с. 82–103]. Это приводит к развитию методов контроля и мониторинга деятельности администрации региона. Так, за последние годы в этом направлении сделано довольно много. Были выстроены цепочки связей, позволяющих проводить ежемесячный контроль за деятельностью регионального правительства, процессами оптимизации социально-экономической сферы, актуализированы автоматизированные процессы управления рядом политических решений. Кроме того, удаленная система контроля минимизирует вероятность бюрократической ошибки и коррупционной составляющей, что также положительно сказывается на работе регионального правительства [25, с. 35–39].

Сегодня правительственные программы нацелены на реализацию в ДФО нескольких направлений совершенствования условий:

- переход к инновационному развитию во всех отраслях и сферах жизни региона;
- минимизация разрыва между отдельными территориями в рамках постиндустриальной трансформации социально-экономической сферы;
- ранжирование контроля над миграционными процессами, так как последние носят неоднозначный характер, но необходимы для полноценного развития региона;
- углубление политики стратегического территориального планирования как в рамках организации ТОР, так и для создания точек роста, которые являются базой для дальнейшего совершенствования региона;
- решение международных проблем и выбор стратегических партнеров.

Можно выделить несколько ключевых позиций государственной деятельности в целях совершенствования региональной политики. Как отмечено на рисунке, наибольшее внимание у правительства вызывает процесс перевода документации в электронную форму и мониторинг реализации государственных задач и программ на местах. Но и другие тенденции контролируются и реализуются в регионе с раз-

ной степенью вовлеченности, что обусловлено серьезной разницей в уровне развития субъектов Дальневосточного региона.

Региональная политика

Рис. 1. Тенденции совершенствования региональной политики [26, с. 48–57]

Fig. 1. Trends in improving regional policy

В перспективе можно будет окончательно перейти к интерактивному режиму управления Дальневосточным регионом, учитывая при этом, что дотации в данную отрасль региона должны вырасти. В то же время пандемия заставила администрации регионов активизировать цифровизацию и тем самым во многом облегчила процесс расширения влияния центра на реализацию политики в региональном масштабе [27, с. 46–51].

А если учитывать рост частных инвестиций в программы, реализуемые на Дальнем Востоке, то можно отметить интересную тенденцию: если в 2019 г. на долю частных инвесторов приходилось только 38% инвестиций, то сегодня уже государственный бюджет финансирует только 26,5% проектов [28, с. 62–66]. Примечательно и то, что в последнее время изменилась география инвестиций, так как интерес новых партнеров сместился с ресурсодобывающей отрасли на наукоемкие технологии и инфраструктуру. Подобное положение рассматривается как положительная тенденция по нескольким причинам: во-первых, сырьевой сектор и без внешних инвестиций способен развиваться за счет отечественных капиталов; во-вторых, прогнозы исследователей до 2022 г. не оправдались – тогда считалось, что разработка и добыча ресурсов привлекают избыточное внимание и оттягивают капиталовложения от развития других отраслей. Сегодня в приоритете именно социально-экономическая сфера, а это предполагает развитие самых различных секторов экономики, где возможно внедрение инноваций. Последнее предполагает переход системы экономического планирования в сферу расширения инноваций и общения к ним народонаселения [29, с. 95–109].

Можно вычлени́ть ряд инициатив регионального правительства, вызванных их собственным интересом:

- подходя к вопросам автоматизации систем управления политическими процессами, администрация региона стремится создать разноуровневую систему проверки, чтобы иметь возможность отслеживать процессы цифровизации на всех уровнях;
- автоматизация позволила улучшить качество управленческого контроля, синтезировав процессы учета с распределением средств и обязанностей.

Безусловно, сохраняется большое количество нерешенных вопросов в области автоматизации, но благодаря правительственным инициативам специалистам в области IT-технологий предоставлены многочисленные льготы и привилегии, что способствует активизации внедрения их разработок в самые различные сферы жизни общества. Отсюда можно предположить, что и Дальний Восток не отстанет в этом плане от других регионов, особенно если учитывать выгодное соседство с Японией и Китаем.

В последние годы Дальневосточный регион стал привлекать предпринимателей из Центральной России, что активизирует торговые отношения и закрепляет позиции азиатских поставщиков на отечественном рынке. Региональная политика должна включать в свою орбиту не только зарубежных партнеров, но и отечественных, что особенно актуально в рамках происходящих событий и проводимой в стране политики импортозамещения [30, с. 61–78].

Кроме того, необходимо учитывать и то, что российское правительство заинтересовано в следующих направлениях деятельности:

- поддержка отечественных IT-компаний, научных центров и отдельных разработчиков, которые смогут предоставить государству необходимые инновационные технологии;
- создание современных совместных предприятий, которые смогли бы обеспечивать нужды не только правительства, но и отдельных отраслей экономики;
- организация обмена технологиями между отраслями;
- расширение путей для экспорта российских технологий.

Региональное правительство способно предоставить доступ ко всем этим продуктам через связь с азиатскими странами.

Заключение

В последние годы Дальний Восток стал центром внимания со стороны азиатских партнеров, что выражается в росте заключенных сделок, активизации грузоперевозок и прочих процессов, которые затрагивают экономическое благополучие региона. Внимание правительства к этому вопросу также не угасает, и если ранее

это был сугубо коммерческий интерес, то сегодня к нему примешивается и военно-стратегический.

Несмотря на все мероприятия по цифровизации, реализации экономических и социальных программ, усилению контроля со стороны правительства и активизации деятельности региональных властей, в регионе по-прежнему остаются многочисленные проблемы. Часть из них можно решить путем привлечения нового населения как за счет учебных заведений, так и за счет беженцев, которые пожелают остаться в стране. Другая часть может быть решена только через совместную с зарубежными странами деятельность. Так, в рамках проекта «Шелковый путь» налаживаются пути сообщения, но можно предложить и коммерческие идеи по строительству платных дорог, что может принести дополнительную прибыль. Тем не менее, это не гарантирует того, что отстающая треть региона сможет выйти на новый социально-экономический уровень.

Что касается региональной администрации и региональной политики, то необходимо отметить, что современные инновационные технологии позволяют успешно дистанционно отслеживать ключевые финансовые потоки, общественный настрой и уровень развития социально-экономической сферы. Такая политика правительства, безусловно, направлена на безопасность отдаленного от центра региона, хотя и не позволяет гарантировать полноценную связь руководства страны и администрации региона.

И безусловно, регион все еще проблемный, но, по мнению правительства, все проблемы постепенно будут устранены.

Список источников

1. Лаищецева Н. С. Оценка результатов и проблем экономического развития регионов с особым статусом экономического развития на Дальнем Востоке // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4–1. С. 18–22.
2. Рубцов Г. Г., Литвиненко А. Н. Территория опережающих социальных и экономических развитий в Российской Федерации: реалии, перспективы // Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 2. С. 91–99.
3. Бухвальд Е. М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития Российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9–25.
4. Леонов С. Н. Инструменты для реализации региональной государственной политики в Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2021. № 2. С. 41–67.
5. Григорьев Н. А., Сосина И. А. Современные тенденции государственной региональной политики в Дальневосточном федеральном округе // Власть. 2021. № 4. С. 38–45.

6. Дубровская Ю. В., Пакулина Д. А. Особенности пространственного развития отечественной экономики на основе ретроспективного анализа // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 2 (33). С. 5–10.
7. Гильева И. С. Методы развития территорий и привлечения инвестиций в особые экономические зоны и территории опережающих развитий в Российской Федерации // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 106–115.
8. Волынчук А. Б. Особенности дальневосточной региональной политики: новые подходы и старые проблемы // Фундаментальные исследования. 2020. № 11. С. 59–63.
9. Бейдин Т. Е. Проблемы эффективности государственных региональных политик и способов их повышения // Педагогика. Филология. Философия. 2019. № 6. С. 168–172.
10. Латкина А. П., Харченкова Э. В. Инновационные подходы к оценке экономической эффективности территорий особых экономических статусов Дальнего Востока // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 381–385.
11. Сидоренко О. В. Селективные региональные политики и проблемы регионов на Дальнем Востоке Российской Федерации Восточная Аналитика // Восточная аналитика. 2018. № 1 (10). С. 40–44.
12. Сидоренко О. В. Дальневосточный Федеральный Округ как объект геоселективной региональной политики Российской Федерации на современном этапе // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 65–72.
13. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
14. Кузнецова О. В. Проблема выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146–157.
15. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 1. С. 7–17.
16. Козлов Л. Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: обзор актуальных исследований // Политические отношения и управление регионом. 2020. № 6. С. 88–97.
17. Козлов А. Е. Точка пересечения российской внешней политики и региональных отношений на востоке Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4 (1). С. 35–39.
18. Савченко А. Е. Региональная политика в России и Бразилии как поле для сравнительного исследования // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 147–158.
19. Севастьянов С. В., Кравчук А. А. Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока: синергия проектов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 7–21.

20. Козлов Л. Е., Волынчук А. Б. Дихотомия декларативной и реальной региональной политики в современной России // Журнал политики и права. 2019. Т. 12, № 5. С. 118–128.
21. Крерский А. П. Процессы миграции на ДВФО: от регулятора до управления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 3 (110). С. 43–47.
22. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. «Геостратегические территории» и «Точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП. 2019. № 4. С. 7–24
23. Михеева Н. Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. № 5. С. 158–178.
24. Швецов А. Н. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.
25. Матвеева Л. К., Никифоров И. И. Некоторые итоги социально-экономического развития Дальневосточного Федерального Округа за период 2012–2020 гг. // Государственное управление. 2021. № 87. С. 113–128.
26. Кожевников С. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). С. 48–57.
27. Мусинова Н. Н. Развитие городских агломераций как одно из направлений стратегии пространственного развития России // Вестник ГУУ. 2019. № 2. С. 46–51.
28. Мусинова Н. Н. Пространственное развитие территории России – веление времени // Вестник ГУУ. 2019. № 5. С. 62–66.
29. Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М. Концептуальные подходы к государственному регулированию пространственного развития России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 4 (95). С. 95–109.
30. Мирошников С. Н. Проблемы и направления стратегического планирования в региональном развитии // ЭТАП. 2019. № 4. С. 61–78.

References

1. Laishchetseva N. S. Otsenka rezul'tatov i problem ekonomicheskogo razvitiya regionov s osobym statusom ekonomicheskogo razvitiya na Dal'nem Vostoke [Assessment of the results and problems of economic development of regions with a special status of economic development in the Far East]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2019, no. 4–1, pp. 18–22. (In Russ.).
2. Rubtsov G. G., Litvinenko A. N. Territoriya operezhayushchikh sotsial'nykh i ekonomicheskikh razvitiy v Rossiyskoy Federatsii: realii, perspektivy [The territory of advanced social and economic developments in the Russian Federation: realities, prospects]. *Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*, 2019, no. 2, pp. 91–99. (In Russ.).

3. Bukhval'd Ye. M. Yedinoye innovatsionnoye prostranstvo kak prioritet prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoj ekonomiki [Unified innovation space as a priority of spatial development of the Russian economy]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, 2019, no. 4, pp. 9–25. (In Russ.).

4. Leonov S. N. Instrumenty dlya realizatsii regional'noy gosudarstvennoy politiki v Dal'nem Vostoke Rossii [Tools for the implementation of regional state policy in the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2021, no. 2, pp. 41–67. (In Russ.).

5. Grigoriev N. A., Sosina I. A. Sovremennye tendencii gosudarstvennoj regional'noj politiki v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Modern trends of state regional policy in the Far Eastern Federal District]. *Power*, 2021, no. 4, pp. 38–45. (In Russ.).

6. Dubrovskaya YU. V., Pakulina D. A. Osobennosti prostranstvennogo razvitiya otechestvennoy ekonomiki na osnove retrospektivnogo analiza [Features of the spatial development of the domestic economy on the basis of a retrospective analysis]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye*, 2018, no. 2 (33), pp. 5–10. (In Russ.).

7. Gil'yeva I. S. Metody razvitiya territoriy i privlecheniya investitsiy v osobyie ekonomicheskiye zony i territorii operezhayushchikh razvitiy v Rossiyskoy Federatsii [Methods of development of territories and attraction of investments in special economic zones and territories of advanced development in the Russian Federation]. *Voprosy upravleniya*, 2019, no. 2 (38), pp. 106–115. (In Russ.).

8. Volynchuk A. B. Osobennosti dal'nevostochnoy regional'noy politiki: novyye podkhody i staryye problem [Features of the Far Eastern regional policy: new approaches and old problems]. *Fundamental'nyye issledovaniya*, 2020, no. 11, pp. 59–63. (In Russ.).

9. Beydin T.Ye. Problemy effektivnosti gosudarstvennykh regional'nykh politik i sposobov ikh povysheniya [Problems of the effectiveness of state regional policies and ways to improve them]. *Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*, 2019, no. 6, pp. 168–172. (In Russ.).

10. Latkina A. P., Kharchenkova E. V. Innovatsionnyye podkhody k otsenke ekonomicheskoy effektivnosti territoriy osobykh ekonomicheskikh statusov Dal'nego Vostoka [Innovative approaches to assessing the economic efficiency of territories of special economic statuses of the Far East]. *ANI: ekonomika i upravleniye*, 2019, no. 1 (26), pp. 381–385. (In Russ.).

11. Sidorenko O. V. Selektivnyye regional'nyye politiki i problemy regionov na Dal'nem Vostoke Rossiyskoy Federatsii Vostochnaya Analitika [Selective regional policies and problems of regions in the Far East of the Russian Federation Eastern Analytics]. *Vostochnaya analitika*, 2018, no. 1 (10), pp. 40–44. (In Russ.).

12. Sidorenko O. V. Dal'nevostochnyy Federal'nyy Okrug kak ob"yekt geoselektivnoy regional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Far Eastern Federal District as an object of geoselective regional policy of the Russian Feder-

ation at the present stage]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2021, no. 4 (97), pp. 65–72. (In Russ.).

13. Zubarevich N. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrument [Spatial development strategy: priorities and tools]. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 135–145. (In Russ.).

14. Kuznetsova O. V. Problema vybora priorityetov prostranstvennogo razvitiya [The problem of choosing priorities for spatial development]. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 146–157. (In Russ.).

15. Minakir P. A. Dal'nevostochnyye institutsional'nyye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional innovations: imitation of a new stage]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 7–17. (In Russ.).

16. Kozlov L.Ye. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: obzor aktual'nykh issledovaniy [Regional policy Russia in the Far East East: an overview of current research]. *Politicheskiye otnosheniya i upravleniye regionom*, 2020, no. 6, pp. 88–97. (In Russ.).

17. Kozlov A.Ye. Tochka peresecheniya rossiyskoy vneshney politiki i regional'nykh otnosheniy na vostoke Dal'nego Vostoka. [The intersection point of Russian foreign policy and regional relations in the east of the Far East]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2019, no. 4 (1), pp. 35–39. (In Russ.).

18. Savchenko A.Ye. Regional'naya politika v Rossii i Brazilii kak pole dlya sravnitel'nogo issledovaniya [Regional policy in Russia and Brazil as a field for comparative research]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2019, vol. 22, pp. 147–158. (In Russ.).

19. Sevastyanov S. V., Kravchuk A. A. Uskorennoe razvitie Arktiki i Dal'nego Vostoka: sinergiya proektov [Accelerated development of the Arctic and the Far East: synergy of projects]. *Regional studies*, 2019, no. 4, pp. 7–21. (In Russ.).

20. Kozlov L.E., Volynchuk A.B. Dihotomija deklarativnoj i real'noj regional'noj politiki v sovremennoj Rossii [The dichotomy of declarative and real regional policy in modern Russia]. *Journal of Politics and Law*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 118–128. (In Russ.).

21. Krersky A.P. Processy migratsii na DVFO: ot reguljatora do upravleniya [Migration processes in the Far Eastern Federal District: from regulator to management]. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 2021, no. 3 (110), pp. 43–47. (In Russ.).

22. Ivanov O. B., Bukhval'd Ye.M. «Geostrategicheskiye territorii» i «Tochki rosta» v strategirovanii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ["Geostrategic territories" and "Growth points" in strategizing spatial development of the Russian Federation]. *ETAP*, 2019, no. 4, pp. 7–24. (In Russ.).

23. Mikheyeva N. N. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novyy etap ili povtoreniye starykh oshibok? [Spatial development strategy: a new stage or a repetition of old mistakes?]. *EKO*, 2018, no. 5, pp. 158–178. (In Russ.).

24. Shvetsov A. N. Instrumenty politiki polyarizovannogo prostranstvennogo razvitiya [Instruments of polarized spatial development policy]. *Federalizm*, 2018, no. 1, pp. 82–103. (In Russ.).

25. Matveyeva L. K., Nikiforov I. I. Nekotoryye itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nevostochnogo Federal'nogo Okruga za period 2012–2020 gg. [Some results of socio-economic development of the Far Eastern Federal District for the period 2012–2020]. *Gosudarstvennoye upravleniye*, 2021, no. 87, pp. 113–128. (In Russ.).

26. Kozhevnikov S. A. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii i perspektivy transformatsii rossiyskogo prostranstva [Spatial development strategy of the Russian Federation and prospects of transformation of the Russian space]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, 2019, no. 3 (48), pp. 48–57. (In Russ.).

27. Musinova N. N. Razvitiye gorodskikh aglomeratsiy kak odno iz napravleniy strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Development of urban agglomerations as one of the directions of the spatial development strategy of Russia]. *Vestnik GUU*, 2019, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).

28. Musinova N. N. Prostranstvennoye razvitiye territorii Rossii – veleniye vremeni [Spatial development of the territory of Russia - the dictates of time]. *Vestnik GUU*, 2019, no. 5, pp. 62–66. (In Russ.).

29. Kovalenko Ye.G., Polushkina T. M. Kontseptual'nyye podkhody k gosudarstvennomu regulirovaniyu prostranstvennogo razvitiya Rossii [Conceptual approaches to state regulation of spatial development of Russia]. *Vestnik NGIEI*, 2019, no. 4 (95), pp. 95–109. (In Russ.).

30. Miroshnikov S. N. Problemy i napravleniya strategicheskogo planirovaniya v regional'nom razvitiy [Problems and directions of strategic planning in regional development]. *ETAP*, 2019, no. 4, pp. 61–78. (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Сторожук – аспирант Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.

Information about the author

M. V. Storozhuk – Post-graduate Student of Russian State Social University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 88–97.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 88–97.

Научная статья

УДК 322(597+470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/88-97>

**ПОНЯТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЬЕТНАМА И РОССИИ**

Нгуен Шон Нам

Университет народной безопасности, Хошимин, Вьетнам,
sonnamnguyen0212@gmail.com

Аннотация. В статье дается обзор определений отношения государства и религии в России и Вьетнаме. Проанализированы, синтезированы и сопоставлены взгляды российских и вьетнамских ученых. Результаты исследования показывают, что российские и вьетнамские ученые имеют много общего при определении понятия и выборе терминов для этих отношений, например, как правило, прояснение двух компонентов отношений – государства и религии. В то же время понятия, которые предпочитают использовать российские и вьетнамские ученые, должны удовлетворять требованиям уважения религиозного разнообразия в России и Вьетнаме. Термин «государственно-конфессиональные отношения», который популярен в России, необходимо использовать при изучении истории государства и права во Вьетнаме из-за его многочисленных преимуществ по сравнению с сегодняшним вьетнамским (термин «отношения между государством и религиозными организациями»).

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, понятие, Россия, Вьетнам, конфессия, религия, государство

Для цитирования: Нгуен Шон Нам. Понятие государственно-конфессиональных отношений: сравнительное исследование Вьетнама и России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 88–97.

Original article

THE CONCEPT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS: A COMPARATIVE STUDY OF VIETNAM AND RUSSIA

Nguyen Son Nam

University of People's Security, Hochiminh city, Vietnam,
sonnamnguyen0212@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the definition of relations between state and religion in Russia and Vietnam. The views of Russian and Vietnamese scholars have been analyzed, synthesized, and compared. The research results indicate that Russian and Vietnamese scholars have many similarities when defining the concept and choosing terms for this relationship, typically clarifying two components of the relationship – state and religion. At the same time, the definitions preferred by Russian and Vietnamese scholars to be used with the same purpose – to satisfy the requirement of respect for religious diversity in Russia and Vietnam. The term “*state-confessional relations*”, which is popular in Russia, needs to be used when studying the history of state and law in Vietnam because of its many advantages that the one in Vietnam today (the term “*relations between the state and religious organizations*”) has not yet possessed.

Keywords: state-confessional relations, definition, Russia, Vietnam, confession, religion, state.

For citation: Nguyen Son Nam. The concept of state-confessional relations: a comparative study of Vietnam and Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 88–97. (In Russ.).

Введение

Отношения между государством и церковью (или религией, конфессией) – это деликатные отношения в человеческом обществе. Следовательно, с точки зрения научных исследований использование, толкование и определение данного понятия для обозначения указанных отношений должно отвечать точным и разумным требованиям. Терминологические исследования данных отношений были проведены в России и Вьетнаме и дали положительные результаты.

Понятие государственно-конфессиональных отношений в России

Концепция «*государственно-конфессиональных отношений*» изучалась многими российскими учеными, которые предлагали различные определения и походы. Так, А. А. Дорская считает, что участие в этих особых отношениях включает госу-

дарственные органы, конфессиональные организации и верующие или неверующие личности. Взаимодействие между вышеуказанными субъектами основано на трех регулируемых группах: международно-правовые стандарты, внутригосударственное законодательство и канонические нормы, которые и образуют государственно-конфессиональные отношения [1, с. 34–27].

О. Н. Петюкова, напротив, не разъясняет правила, регулирующие государственно-конфессиональные отношения, а акцентирует внимание только на элементах субъектов, участвующих в этих отношениях. Преимущество ее определения состоит в том, что она четко различает две стороны указанных отношений, а именно: первая сторона включает государственные и муниципальные органы, организации, учреждения, предприятия, а вторая сторона включает в себя религиозные объединения, отдельных верующих. О. Н. Петюкова подчеркивает сущность отношения термином *«совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм правовых взаимоотношений»* [2, с. 31–35].

Мнение М. А. Куцая также полностью совпадает с мнением О. Н. Петюковой в том, что *государственно-конфессиональными отношениями* стоит рассматривать как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимоотношений. Однако он конкретно упомянул отношения в России и подтвердил обе стороны взаимоотношений, включая органы государственной власти и органы местного самоуправления Российской Федерации, а также конфессии или отдельные религиозные объединения, действующие на территории Российской Федерации [3, с. 34–36].

Некоторые авторы рассматривают концепцию государственно-конфессиональных отношений как *часть национальной внешней политики* [4, с. 20], или как *национальную религиозную политику* [5, с. 7]. В своем определении Н. В. Володина признала *«совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм»* государственно-конфессиональных отношений и упомянула о двух субъектах, участвующих в этих отношениях, – это институты государства и религиозные образования. Однако Н. В. Володина также ссылается на разнообразие форм религиозных организаций по включению их в политическую и правовую жизнь, такие как религиозные объединения, религиозные партии, религиозные движения, конфессиональные центры [4]. По мнению Д. Б. Геркоева и А. Х. Мукожева, есть два фактора, которые их больше всего интересуют для определения государственно-конфессиональных отношений в качестве государственной политики: 1) взаимодействие между государственными органами и религиозными объединениями; 2) обеспечение равновесия в интересах государства, общества и граждан. Они поясняют, что упомянутые религиозные объединения имеют как зарегистрированные в законном порядке религиозные организации, так и незарегистрированные религиозные группы [5, с. 3].

Другое определение содержится в работе К. И. Колесниковой. Автор включает в него множество факторов, отражающих состав, тип или модель, а также корректировку государственно-конфессиональных отношений, и формулирует его следующим образом: *государственно-конфессиональные отношения* – это взаимодействие «равных и неравных субъектов», с одной стороны, государственных органов и учреждений, с другой стороны, религиозных объединений, «закреплённое в соответствующих светских и религиозных институтах и проявляющееся во взаимодействии». К. И. Колесникова также подчеркивает неравенство и преобладание государственных органов и учреждений над религиозными объединениями, указывает на необходимость рассматривать светскую модель и правовой статус религиозных организаций как содержание *государственно-конфессиональных отношений* [6].

Таким образом, в определениях государственно-конфессиональных отношений в российской научной литературе существует особый способ разделения на две стороны государственно-конфессиональных отношений. В то же время показывается сложность состава субъектов, участвующих в этих отношениях, которые включают в себя большое количество различных видов, категорий, особенно со стороны конфессии. Например: конфессиональные организации, конфессиональные центры, религиозные объединения, религиозные образования, религиозные партии, религиозные движения, зарегистрированные религиозные организации, незарегистрированные религиозные группы, институциональные образования конфессий, духовно-административные центры, конфессиональные учреждения.

Помимо понятия *государственно-конфессиональные отношения* в российской научной литературе существуют родственные термины, такие как *государственно-церковные отношения*, *государственно-религиозные отношения*. Так, Ц. Дари и Б. Ксения поддерживают использование терминов «state-religion relations» или «state-religion relations» (*государственно-религиозные отношения*) вместо «state-church relationship» (*государственно-церковные отношения*), «state-confession relationship» (*государственно-конфессиональные отношения*). Авторы утверждают, что термин «state-religion relations» более адекватно отражает отношения между государством и религией, и подчеркивают, что отношения между государством и религией, по сути, это отношения между государственными институтами и религиозными институциональными структурами [7]. Д. Р. Яворский выдвигает идею о том, что нет разницы между государственно-конфессиональными и государственно-церковными отношениями. Он объясняет это сходство тем, что слово «конфессия» (лат. confessio – признание, исповедание) может пониматься в разных (широких и узких) значениях, но самым главным из них будет «вероисповедание» [8, с. 7].

Но есть и иной взгляд на взаимосвязь вышеуказанных концепций. По мнению М. О. Шахова, государственно-конфессиональные отношения представляют собой кратчайшее и наиболее значимое решение вопроса взаимодействия государства и

религиозных объединений. Ограниченность термина государственно-религиозные отношения заключается в том, что государство не устанавливает отношения с абстрактным, невидимым религиозным понятием религии (мировоззрением, доктриной), а выстраивает их с институциональными структурами, которые представляют религию. Сравнивая термины *«государственно-церковные отношения»* и *«церковно-государственные отношения»*, он утверждает, что слово «церковь» не может полностью отражать концепцию *религиозных объединений*. Не может по двум причинам: во-первых, в организационной системе религий (таких как буддизм, ислам, иудаизм) нет организаций с названием *«Церковь»*; во-вторых, неясность значения слова «Церковь» обусловлена тем, что оно одновременно означает религиозный институт и религиозное объединение [9, с. 9].

По указанным причинам М. О. Шахов поддерживает использование термина *государственно-конфессиональные отношения* или *отношения государства и религиозных объединений*, особенно в сфере, требующей ясности и особой точности, то есть в юриспруденции.

Еще одна группа российских исследователей (Р. А. Набиев, А. А. Гафаров, Р. Р. Ибрагимов) утверждают, что отношения власти и религиозных структур могут быть выражены под разными названиями, однако, используя термин «государственно-конфессиональных отношений», ученые могут избежать ненужных споров, касающихся религиозных чувств верующих разных религий. Государственно-конфессиональные отношения отражают почти целостную сущность данных отношений [10, с. 10]. Эти авторы также выделяют наиболее распространенное значение слова «конфессия» – определенная форма религии или особенность вероисповедания в пределах определённого религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся данного вероисповедания.

Понятие государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме

Термин *«государственно-конфессиональные отношения»* близок к терминам, обычно используемым во Вьетнаме, таким как «отношения между государством и религиозными организациями», «отношения между государством и религиями» или «государственно-церковные отношения». По словам Н. В. Данг, «когда речь идет о взаимоотношениях государства с религиями, это означает отношение государства не к самой религии, а к организациям, представляющим религии». Он утверждает, что ошибка использования термина «государственно-церковные отношения» для обозначения отношений *государства и религиозных организаций* заключается в том, что его сторонники «понимают *религиозные организации* только как *организации монотеистических религий* (церковь), но не разъясняют политические религии с иной структурой их организации». Он также показал, что следствием отсутствия тщательного анализа концептуальных вопросов является

существование неправильной государственной политики для всех религий. Чтобы прояснить суть религиозной организации, а также раскрыть специфику форм ее существования во Вьетнаме, Н. В. Данг дал понятие такой организации во Вьетнаме. По его словам, религиозная организация – это организация, которая создается для пропаганды, развития и проведения религиозных ритуалов, для руководства социальной, экономической, политической, культурной, образовательной и медицинской деятельности. **Поскольку, пояснил он,** религии, действующие во Вьетнаме, имеют разные характеристики, находясь в диапазоне между монотеистическими и политеистическими религиями, поскольку организации разных религий не одинаковы, и у каждой религиозной организации есть соответствующие регламент и исполнительный аппарат [11].

«Церковь» является названием нескольких религиозных организаций, но не всех. Во Вьетнаме, кроме «церкви», есть еще и другие названия религиозных организаций, такие как «представительский комитет» (представительский комитет мусульманской общины города Хошимин), «миссионерская ассоциация» (вьетнамская католическая миссионерская ассоциация), «община» (вьетнамская община бахаизма), «ассоциация» (ассоциация религии Ты Ан Хиеу Нгиа). Существуют даже очень простые религиозные организации, у которых нет конкретного названия, они обозначаются существительным «Дао» (что означает «путь» на вьетнамском языке и «религия» в восточной концепции). К ним относятся Дао «Быу Шон Ки Хьонг», Дао «Минь Ли – Там Тонг Миеу». При использовании понятия «церковь» необходимо учитывать каждую конкретную религию, поэтому термин «государственно-церковные отношения» имеет свои недостатки и не может быть эквивалентен термину «*отношения между государством и религиозными организациями*» во Вьетнаме.

Таким образом, во Вьетнаме термин «отношения между государством и церковью» часто понимается как «отношения между государством и религиозными организациями», потому что термин «религиозные организации» может включать как церкви, так и религиозные организации, которые не имеют подобной структуры, или религиозные организации, построенные как церкви, но с другим названием. Следовательно, термин «государственно-конфессиональные отношения» в использовании российскими учеными имеет много общего с термином «отношения между государством и религиозными организациями» в использовании его во Вьетнаме по причинам уважения религиозного разнообразия (и Россия, и Вьетнам – многоконфессиональные страны).

Согласно вьетнамскому законодательству и популярному взгляду вьетнамских исследователей во Вьетнаме существует различие между «верованием» и «религией». Соответственно, в настоящее время во Вьетнаме насчитывается шесть основных религий (с большим количеством верующих), таких как буддизм, католицизм, протестантизм, религия Као Дай, буддизм Хоа Хао, и несколько религий малых

групп (с небольшим количеством верующий): Быу Шон Ки Хьонг, Ты Ан Хиеу Нгиа, Хиеу Нгиа Та Лон, Минь Шу Дао, Минь Ли Дао, Тинь До Ку Ши Фат Хой и др. В истории Вьетнама встречались еще и такие религии, как конфуцианство, даосизм, «тройная религия». Популярные «верования» во Вьетнаме включают поклонение предкам, поклонение деревенскому богу, поклонение Матери и др.

Заключение

Сравнительное исследование термина «государственно-конфессиональные отношения» во Вьетнаме и России, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Термин «государственно-конфессиональные отношения» широко используется в исследовательской практике в России, потому что у него много преимуществ, таких как точность, краткость и уважение к религиозному разнообразию. Термин «отношения между государством и религиозными организациями» предпочитают вьетнамские исследователи, потому что термин «религиозная организация» обеспечивает охват всех форм религиозных организаций, уважение религиозного разнообразия во Вьетнаме.

2. Современные российские исследователи детально проанализировали концепцию взаимоотношений государства и религиозных объединений, особенно многообразие субъектов, вовлеченных в эти отношения. Концепция государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме в основном вращается вокруг определения субъектов, вовлеченных в эти отношения, а также вокруг методов для определения обязанностей сторон в процессе взаимодействия.

3. В России термин «государственно-конфессиональные отношения» используется применительно к взаимодействию государства с определенными структурными религиозными формированиями, такими как: конфессиональные организации, конфессиональные центры, религиозные объединения, религиозные образования, религиозные партии, религиозные движения, зарегистрированные религиозные организации, незарегистрированные религиозные группы, институциональные образования конфессии, духовно-административные центры, конфессиональные учреждения. Во Вьетнаме термин с таким значением не применялся.

4. Использование термина «государственно-конфессиональные отношения» важно при изучении истории отношений государства и религий во Вьетнаме, потому что он может относиться как к «отношениям между государством и религиозными организациями», так и к отношениям между государством и религией, даже с учетом того, что во вьетнамском обществе нет понятия «религиозная организация». Религиозной организацией можно считать одну из определённых форм религий во Вьетнаме с момента введения католицизма во Вьетнаме (в середине XVI в.) по настоящее время, в том числе организации основных религий и небольшие религиозные группы (например, буддизм, католицизм, протестантизм, религия Као Дай,

буддизм Хоа Хао, Быу Шон Ки Хыонг, Ты Ан Хиеу Нгиа, Хиеу Нгиа Та Лон, Минь Шу Дао, Минь Ли Дао, Тинь До Ку Ши Фат Хой и др). Однако до введения католицизма во Вьетнаме форма «религиозная организация» как таковая не существовала. Но были другие формы, такие как духовно-административные центры или конфессиональные учреждения. Это места собрания людей, исповедующих те же религии, что и конфуцианство, даосизм и буддизм, в религиозных учреждениях (пагодах и храмах). Например, индийский буддийский центр «Луи-Лау» во Вьетнаме – это крупнейший и древнейший буддийский центр вьетнамского народа, включающий систему памятников и пагод, он сформировался в начале нашей эры [12, с. 22].

5. Понятие «государственно-конфессиональные отношения» представляет собой отношения между государством и определенной формой религии. Однако во Вьетнаме есть различие между понятиями «верования» и «религии», поэтому при использовании термина «государственно-конфессиональные отношения» во Вьетнаме следует отметить, что он относится только к отношениям государства с определенными формами религий, которые существовали в истории и настоящем Вьетнама, включая буддизм, католицизм, протестантизм, религию Као Дай, буддизм Хоа Хао, некоторые религии малых групп (Быу Шон Ки Хыонг, Ты Ан Хиеу Нгиа, Хиеу Нгиа Та Лон, Минь Шу Дао, Минь Ли Дао, Тинь До Ку Ши Фат Хой и др.), конфуцианство, даосизм, «тройная религия».

Список источников

1. Дорская А. А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. 2012. № 3. С. 34–37.
2. Петюкова О. Н. Понятие и содержание государственно-конфессиональных правоотношений // История государства и права. 2011. № 7. С. 31–35.
3. Куцая М. А. К вопросу об определении понятия государственно-конфессиональных отношений в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 34–36.
4. Володина Н. В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений: монография. Москва: Новый индекс, 2009. 480 с.
5. Государственно-конфессиональные отношения: сборник документов и методических материалов / Министерство по информ. коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики; [сост.: Д. Б. Гергоков, А. Х. Мукожев]. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 131 с.
6. Колесникова К. И. Государственно-конфессиональные отношения в России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ур. акад. гос. службы. Екатеринбург, 2006. 20 с.

7. Dari T., Kseniya B. State-religious relations in modern Russian society. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20162801>.

8. Яворский Д. Р. Государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации: учебное пособие. Волгоград: ВАГС, 2003. 99 с.

9. Вероисповедная политика Российского государства: учеб. пособие / отв. ред. М. О. Шахов. Москва: Издательство Российской академии государственной службы, 2003. 207 с.

10. Набиев Р. А. Гафаров А. А., Ибрагимов Р. Р. Государственно-конфессиональные отношения в России: учебное пособие. Казань: Казанский ун-т, 2013. 203 с.

11. Данг Н. В. Размышления об отношениях между государством и религиозными организациями во Вьетнаме // Журнал религиоведения. 2002. № 5. С. 16–21. На вьет. яз.

12. Нгуен Л. История буддизма Вьетнама. Ханой, 2009. С. 22. На вьет. яз.

References

1. Dorskaya A. A. Evolyutsiya ponyatiya «gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya» v kontekste pravovogo razvitiya Rossii [Evolution of the concept of “state-confessional relations” in the context of the legal development of Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).

2. Petyukova O. N. Ponyatie i sodержanie gosudarstvenno-konfessional'nykh pravotnosheniy [The concept and content of state-confessional legal relations]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2011, no. 7, pp. 31–35. (In Russ.).

3. Kutsaya M. A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii [On the issue of defining the concept of state-confessional relations in Russia]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 34–36. (In Russ.).

4. Volodina N. V. Pravovye sistemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy [Legal systems of state-confessional relations]. Moscow: Novyy indeks Publ., 2009. 480 p. (In Russ.).

5. Gergokov D. B., Mukozhev A. Kh. (compl.). Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya: sbornik dokumentov i metodicheskikh materialov [State-confessional relations: collection of documents and methodological materials]. Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g. Publ., 2009. 131 p. (In Russ.).

6. Kolesnikova K. I. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossii: sotsiologicheskii analiz [State-confessional relations in Russia: sociological analysis]. Cand. Dis. (Sociol. Sci.). Ekaterinburg, 2006. 20 p. (In Russ.).

7. Dari T., Kseniya B. State-religious relations in modern Russian society. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20162801>.

8. Yavorsky D. R. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [State-confessional relations in the Russian Federation]. Volgograd: VAGS Publ., 2003. 99 p. (In Russ.).

9. Shakhov M. O. (ed.). Veroisповедnaya politika Rossiyskogo gosudarstva [Religious policy of the Russian state]. Moscow: Publishing house of the Russian Academy of Public Administration, 2003. 207 p.

10. Nabiev R. A., Gafarov A. A., Ibragimov R. R. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossii [State-confessional relations in Russia]. Kazan: Kazan University, 2013. 203 p. (In Russ.).

11. Dang N. V. Reflections on the relations between the state and religious organizations in Vietnam. *Journal of Religious Studies*, 2002, no. 5, pp. 16–21. (In Viet.).

12. Nguyen L. History of Buddhism in Vietnam. Hanoi, 2009. P. 22. (In Viet.).

Информация об авторе

Нгуен Шон Нам – кандидат юридических наук, Факультет государственного управления национальной безопасностью и общественным порядком, Университет народной безопасности, Хошимин, Вьетнам.

Information about the author

Nguyen Son Nam – Candidate of Law, University of People's Security, Hochiminh city, Vietnam.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 10.10.2023.

ПРАВО

Научная статья

УДК 343.84-043.7(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/98-113>

НАКАЗАНИЕ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ И СКРЫТЫЕ ФОРМЫ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Евгений Владимирович Благов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия, blagov@uniyar.ac.ru

Аннотация. Уголовное право создает впечатление, что наказание – это мера назначаемая, да к тому же изложенная исчерпывающим образом. Более глубокий анализ приводит к выводу, что наказание может быть и без назначения, а также имеются скрытые формы наказания. Без назначения наказания происходит замена неотбытого наказания более строгим или мягким видом наказания. По уровню лишения или ограничения прав и свобод лица наказаниями, по существу, являются судебный штраф, денежные взыскания, обязанности, возлагаемые на условно осужденного и условно-досрочно освобожденного, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, помещение его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Первые два соответствуют наказанию в виде штрафа, последний – лишению свободы, остальные – ограничению свободы. Все это нелогично и требует устранения или преобразования.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, приговор, замена наказания, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, лишение или ограничение прав и свобод, штраф, судебный штраф, ограничение свободы, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия

Для цитирования: Благов Е. В. Наказание без назначения и скрытые формы наказания в уголовном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 98–113.

LAW

Original article

PUNISHMENT WITHOUT APPOINTMENT AND HIDDEN FORMS OF PUNISHMENT IN CRIMINAL LAW

Evgeny V. Blagov

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia,

blagov@uniyar.ac.ru

Abstract. Criminal law gives the impression that punishment is an appointed measure, and besides, it is stated exhaustively. However, deeper analysis leads to the conclusion that punishment can be without appointment, and there are also hidden forms of punishment. Without the appointment of punishment, the unserved punishment is replaced by a more severe and lenient type of it. According to the level of deprivation or restriction of the rights and freedoms of a person, in essence, punishments are a judicial fine, monetary penalties, duties imposed on a probationer and a parolee, restriction of leisure and the establishment of special requirements for the behavior of a minor, his/her placement in a special educational institution of a closed type. The first two correspond to punishment in the form of a fine, the last one to imprisonment, the rest to restrictions of freedom. All this is not logical and requires elimination or transformation.

Keywords: punishment, sentencing, sentence, commutation of punishment, release from criminal liability, release from punishment, deprivation or restriction of rights and freedoms, fine, judicial fine, restriction of freedom, conditional conviction, conditional early release from serving a sentence, compulsory measures of educational influence

For citation: Blagov E. V. Punishment without appointment and hidden forms of punishment in criminal law. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 98–113. (In Russ.).

Введение

Преступление без наказания уже изучалось [1, с. 86–422], наказание же без назначения, а тем более скрытые формы наказания – нет. На первый взгляд, даже постановка вопроса о том и другом абсурдна.

В ч. 1 ст. 43 УК РФ прямо предусмотрено, что наказание назначается по приговору суда и применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Кроме того, согласно ст. 7 УИК РФ основаниями исполнения наказаний являются приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, всту-

пившие в законную силу. Говоря иначе, по букве закона, чтобы исполняться, наказание должно быть назначено.

В ст. 44 УК РФ установлен исчерпывающий перечень видов наказания. Именно они в статьях 46–59 и раскрыты, а в Особенной части установлены за конкретные виды преступлений. Таким образом, буква закона исключает и скрытые формы наказания.

А если попытаться отринуть, вроде бы, незыблемые аксиомы и попробовать взглянуть на уголовное законодательство под другим углом зрения. Одно дело – буква закона, а другое дело – его смысл.

Наказание без назначения

То, что за преступление наказание в принципе может не назначаться, несомненно. Таким способом всегда происходит освобождение от уголовной ответственности. В некоторых случаях аналогично осуществляется освобождение от наказания.

В ч. 1 ст. 431 УПК РФ предусмотрено, что освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) допустимо лишь, когда он может быть исправлен без применения уголовного наказания. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», специально обращено внимание судов на то, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 432 УПК РФ, если будет установлено, что несовершеннолетний может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд вправе освободить его от наказания и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ). В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости», разъяснено, что приговор без назначения наказания постановляется, «например, в связи с изменением обстановки (статья 80.1 УК РФ); с применением в отношении несовершеннолетнего принудительных мер воспитательного воздействия (часть 1 статьи 92 УК РФ); по основаниям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 134 УК РФ» [2], а это все случаи освобождения от наказания.

При освобождении от наказания лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осозна-

вать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, до постановления приговора дело вообще не доходит. На основании ч. 1 ст. 443 УПК РФ, признав доказанным, что у лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, суд выносит постановление в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ об освобождении этого лица от наказания.

Однако из приведенных предписаний не стоит делать скоропалительный вывод о невозможности по уголовному законодательству применения наказания без его назначения.

В отмеченном плане обращает на себя внимание предусмотренная уголовным законодательством замена неотбытого наказания. При этом особый интерес представляет замена неотбытого наказания более строгим или более мягким видом наказания.

Замена неотбытого наказания более строгим видом наказания происходит в случаях злостных уклонений от отбывания наказания, предусмотренных ч. 6 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53¹ УК РФ. Хотя во всех этих случаях лицо отклоняющееся поведение, очевидно, что преступления не совершаются. Более того, замена происходит не по приговору, а по постановлению суда, к тому же вынесенному в порядке исполнения приговора (ст. 397, 399 УПК РФ).

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания особо регулируется в ст. 80 УК РФ, но она также установлена в ч. 3 ст. 81 и 82 УК. То, что в таких случаях преступления не совершаются, еще более очевидно, ибо данная замена регламентируется в главе (12 УК РФ) об освобождении от наказания, не предполагающем отклоняющегося поведения. Мало того, и такая замена происходит не по приговору, а по постановлению суда, вынесенному в порядке исполнения приговора (ст. 397, 399 УПК РФ).

Причем в упомянутых статьях уголовного законодательства часто указывается, что заменяется назначенное, в том числе отбываемое наказание. Назначение же наказания невозможно тогда, когда наказание уже было назначено.

Таким образом, то, что наказание по уголовному законодательству может быть и без назначения, несомненно. Другое дело, насколько это легитимно. Даже в силу представленных нормативных положений легитимность обеих замен сомнительна. Такой вывод, кроме отмеченного, предопределяется тем, что:

во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ настоящий Кодекс устанавливает виды наказаний за совершение только преступлений. Отсюда не за преступления наказания исключены;

во-вторых, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ под угрозой наказания запрещается лишь преступление. Тем самым наказание не может угрожать совершению чего-либо другого;

в-третьих, на основании ч. 2 ст. 43 УК РФ цель предупреждения совершения новых преступлений поставлена только перед наказанием. Соответственно, оно не должно предупреждать совершение иных деяний. Тем более перед наказанием не поставлена цель поощрения непроступного поведения.

Наконец, еще один немаловажный момент. Применительно к ряду наказаний специально подчеркивается, что они жестко связаны с осуждением (ч. 1 ст. 49–51, 53, ч. 2 ст. 53¹, ст. 54, ч. 1 ст. 56 УК РФ). Более того, с определенным осуждением связаны места отбывания исправительных работ и лишения свободы (ч. 1 ст. 50, ст. 58 УК РФ). По идее, уже такое уголовно-правовое регулирование должно исключать возможность замены неотбытого наказания, ибо осуждения при ней не происходит.

Скрытые формы наказания

Наказанием без назначения проблемы наказуемости в уголовном праве не исчерпываются, а лишь начинаются. Правда, другие проблемы не такие явные, но более болезненные для уголовно-правового регулирования. Речь идет о том, что в уголовном законодательстве прямо наказанием не называется, но, по существу, именно им и является.

Любое наказание в соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод соответствующего лица. Сами же лишения или ограничения установлены в ст. 46–59 УК РФ, регламентирующих конкретные виды наказания. Отсюда явно вытекает, что в таких же лишениях или ограничениях прав и свобод не должны заключаться иные уголовно-правовые меры. В то же время данная линия в уголовном законодательстве не выдержана.

Менее всего стыдливо прикрыт «фиговым листком» судебный штраф, назначаемый при освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ. Вряд ли у кого-либо вызовет сомнения утверждение, что данный штраф как определенное денежное взыскание (ч. 1 ст. 104⁴ УК РФ) частично лишает лицо права собственности, но ведь то же самое происходит при штрафе как наказании (ст. 46). Если кто-то попытается возразить, указав на то, что судебный штраф содержит меньший объем лишения права собственности, ему, в свою очередь, возразить не сложно.

Пределы штрафа-наказания – от пяти тысяч до пяти миллионов рублей (ч. 2 ст. 46 УК РФ). Пределы судебного штрафа зависят от наличия или отсутствия штрафа-наказания в статье Особенной части уголовного законодательства. На основании ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части; в случае, если штраф не предусмотрен такой статьей, его размер не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей. Нетрудно понять, что названные размеры имеет и штраф-наказание.

Получается, что разница между двумя уголовно-правовыми видами штрафа заключается только в том, что один назначается как наказание (глава 9 раздела III УК РФ), а другой – как иная мера уголовно-правового характера (глава 15² раздела VI УК РФ). При этом уровень лишения права собственности судебным штрафом находится в пределах штрафа-наказания.

Имея в виду изложенное, следует учитывать, что лишение или ограничение прав и свобод в форме наказания происходят, когда уголовная ответственность несетя, но они же претерпеваются, когда ответственность не несетя, а от нее осуществляется освобождение. Содержательной же разницы нет.

Контраргумент о том, что при освобождении от уголовной ответственности в отличие от назначения наказания не возникает судимость (ст. 86 УК РФ), цели вряд ли достигает. Отсутствие судимости – слабое утешение, когда судебный штраф при освобождении от уголовной ответственности, например, за клевету, квалифицируемую по ч. 5 ст. 128 УК РФ, будет определен в размере до двух миллионов пятисот тысяч рублей, тогда как за кражу в крупном размере (свыше двухсот пятидесяти тысяч до одного миллиона рублей – п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ) штраф-наказание не может превышать пятисот тысяч рублей (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Между тем в уголовном законодательстве есть и более скрытое денежное взыскание при освобождении от уголовной ответственности. Такое взыскание, по существу, происходит при освобождении от нее в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ). В закон заложены два особо не бросающихся в глаза вида денежных взысканий.

Первый вид денежных взысканий вытекает из ч. 1 ст. 76¹ УК РФ. В законе установлено, что лицо, впервые совершившее соответствующее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме. Внешне все благопристойно. «Собака зарыта» в понимании ущерба, причиненного бюджетной системе РФ.

Если исходить из ст. 198–199¹, 199³ и 199⁴ УК РФ, предусматривающих преступления, в связи с совершением которых происходит освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 76¹, то данный ущерб должен составлять непоступление в бюджет соответствующих сумм налогов, сборов и (или) страховых взносов. И все. Никакого другого ущерба сами по себе соответствующие уклонения или неисполнения обязанностей по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов причинить не могут. Не случайно по постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. N 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 198 или 199 УК РФ, следует считать фактическую неуплату налогов, сборов, страховых взносов в срок, установленный законо-

дательством о налогах и сборах (п. 4), а предусмотренного ст. 199¹ – момент непечисления в порядке и сроки, установленные налоговым законодательством (п. 3 ст. 24 НК РФ), в соответствующий бюджет сумм налогов, сборов в крупном или особо крупном размере, которые он должен был исчислить и удержать у налогоплательщика (п. 19) [2].

Однако в ч. 2 ст. 28¹ УПК РФ в противоречие с уголовным законодательством отражено, что под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах и (или) об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов. То же самое предусмотрено в п. 3 примечаний к ст. 198, п. 2 – к ст. 199¹, 199³, 199⁴ УК РФ.

Проблем с недоимкой нет. Она – сумма налога, сумма сбора или сумма страховых взносов, не уплаченная в установленный законодательством о налогах и сборах срок (ст. 11 НК РФ), и явно возникает как результат совершения самого соответствующего преступления.

Другое дело – пеня и штраф. Ими как неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения (п. 1 ст. 330 ГК РФ). Соответственно пеня и штраф – это взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Хотя их неуплата и влечет ущерб бюджетной системе РФ, она – результат не самого совершения соответствующего преступления, а отдельно установленного законом ее последствия, наступающего независимо от наличия преступления. Не случайно в п. 2 ст. 74.1 НК РФ предусмотрено, что сумма соответствующих пеней уплачивается дополнительно к причитающимся к уплате суммам налога независимо от применения других мер обеспечения исполнения обязанности по уплате налога, а также мер ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

Вот таким путем и возникают более скрытые денежные взыскания у лица, освобождаемого от уголовной ответственности, в которых в принципе заключается сам штраф как наказание. Причем размер таких взысканий не мал и вполне укладывается в пределы данного штрафа.

В соответствии со ст. 75 НК РФ пеня начисляется за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налогов со дня возникновения недоимки по день (включительно) исполнения совокупной обязанности по уплате налогов (п. 3); такая пеня определяется в процентах от суммы недоимки и, если иное не установлено настоящим пунктом, процентная ставка пени принимается равной:

1) для физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, – одной трехсотой действующей в это время ключевой ставки Центрального банка РФ;

2) для организаций:

- в отношении суммы отрицательного сальдо единого налогового счета, сформированного в связи с неисполненной обязанностью по уплате налогов, непрерывно существующей до 30 календарных дней (включительно), – одной трехсотой действующей в это время ключевой ставки Центрального банка;

- в отношении суммы недоимки, не указанной в абз. 2 настоящего подпункта, – одной стопятидесятой ключевой ставки Центрального банка (п. 4).

Если взять за основу современный период, то ключевая ставка с 19 сентября 2022 г. составляет 7,5% годовых (Информационное сообщение Банка России от 16 сентября 2022 г.) [2], а крупный ущерб в ст. 198 УК РФ – пятнадцать миллионов рублей. Подсчеты показывают, что пеня за один день просрочки уплаты налогов при таких условиях равняется трем тысячам семисот пятидесяти рублям ($15000000 \cdot 7,5 : 100 : 300$), то есть достаточно два дня просрочки и пеня окажется в пределах штрафа-наказания, а около месяца просрочки уже приведет к размеру, равному штрафу, который может быть назначен по ч. 1 ст. 198 УК РФ (сто тысяч рублей).

Второй вид упомянутых денежных взысканий предусмотрен в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ. В законе в отличие от предыдущего вида беззастенчиво установлено, что лицо, впервые совершившее соответствующее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если не только:

- возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, но и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо

- перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, но и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо

- перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, но и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо

- перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части, но и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

Все, что лежит за пределами возмещения ущерба, а также перечислений в бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, и эквивалентных сумм, – это опять-таки, по существу, денежные взыскания, составляющие лишение права собственности освобожденного от уголовной ответственности и при-

сущие штрафу-наказанию. Не случайно денежные возмещения в ч. 2 ст. 76 УК РФ уже названы штрафной санкцией, не поименованной штрафом [3, с. 20–21], или скрытой формой такого штрафа, выносимого без приговора суда [4, с. 152].

Следует отметить, что размеры денежных возмещений, установленных в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ, также соответствуют штрафу как наказанию. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на размеры ущерба (и т.п.), предусмотренные в статьях о соответствующих преступлениях, названных в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ.

Так, крупный ущерб в банкротских преступлениях (ст. 195–197 УК РФ) составляет два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (примечание к ст. 170² УК РФ). Соответственно минимальное денежное возмещение для освобождения от уголовной ответственности равно четырем миллионам пятистам тысячам рублей. При этом штраф в ч. 1 ст. 195 УК РФ установлен в размере от ста до пятисот тысяч рублей, в ч. 1 ст. 196 УК РФ – от двухсот до пятисот тысяч рублей, а в ст. 197 УК РФ – от ста до трехсот тысяч рублей.

Если кто-то попытается указать на неуместность приведенных аналогий, ибо пеня, штраф и двукратные денежные возмещения в соответствии со ст. 76¹ УК РФ не назначаются, а оплачиваются добровольно, наказание же – мера государственного принуждения (ч. 1 ст. 43), то он просто не учитывает, что это лишь видимость добровольности и ранее речь шла не о прямо предусмотренных в законе, а о скрытых формах наказания. Поэтому внешне все в ажуре, но все равно за добровольностью видны «уши» лишения права собственности, свойственного наказанию в виде штрафа. При этом освобождаемое лицо ставится в положение, близкое ситуации с дающим при вымогательстве взятки или предмета коммерческого подкупа (п. «б» ч. 5 ст. 290, п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ).

Действительно, в ст. 76¹ УК РФ законодатель, по существу, прямо предусматривает: если хочешь быть освобожден от уголовной ответственности, а не подвергнут наказанию, внеси в бюджет пеню и штраф или соответствующее двукратное денежное возмещение, иначе не может рассчитывать на освобождение.

Близкая к ч. 2 ст. 76¹ УК РФ ситуация установлена в п. 2 примечаний к ст. 145¹ УК РФ. В соответствии с законом лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 или 2 последней статьи, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплатило проценты (выплатило денежную компенсацию) в порядке, определяемом законодательством РФ, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Проблема – в уплате процентов (выплате денежной компенсации). К последствиям преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 145¹ УК РФ, это не относится. В законе отражена ответственность лишь за частичную и полную невыплату заработ-

ной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат в течение определенного времени. На основании же приведенного примечания уплата процентов (выплата денежной компенсации) происходит в дополнение («а также») к установленным законом выплатам.

К тому же отсутствует равенство при освобождении от уголовной ответственности по п. 2 примечаний к ст. 145¹ УК РФ. Уплата процентов (выплата денежной компенсации) предусмотрена лишь при нарушении работодателем установленного срока соответственно выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику (ст. 236 ТК РФ). В остальных случаях все ограничивается погашением самой задолженности.

Проценты (денежная компенсация) установлены в размере не ниже одной сто пятидесятой действующей ключевой ставки Центрального банка РФ от не выплаченных в срок сумм за каждый день задержки. Соответственно при более или менее значительных суммах выплат размер процентов (денежной компенсации) способен соответствовать штрафу-наказанию. Разница со ст. 76¹ УК РФ заключается только в том, что денежные взыскания по примечанию 2 к ст. 145¹ УК РФ идут в пользу не государства, а лица, которому не выплачены соответствующие суммы.

Таким образом при освобождении от уголовной ответственности наказание, вроде бы, не назначается, но лишение права собственности, сопоставимое с наказанием в виде штрафа, все-таки может происходить. Создается сильное впечатление, что судебный штраф и другие упомянутые денежные взыскания вхожи в арсенал, состоящий из четырехсот сравнительно честных способов отъема денег неизвестного О. Бендера.

Правда, заканчивать исследование скрытых форм наказания в уголовном праве пока рано. Кроме мер, сходных с наказанием в виде штрафа, в уголовном законодательстве имеются меры, сходные с наказанием в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ). Ими являются: а) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении их от уголовной ответственности или от наказания (ст. 90, ч. 1 ст. 92 УК РФ), и б) определенные обязанности, возлагаемые на условно осужденного и условно-досрочно освобожденного (ст. 73, 79 УК РФ).

Принудительные меры воспитательного воздействия явно содержат лишение или ограничение прав и свобод несовершеннолетнего. Во всяком случае это нельзя не заметить применительно к установлению ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ данная мера воспитательного воздействия может предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения

специализированного государственного органа, требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа, причем настоящий перечень не является исчерпывающим.

Конечно, чего-то предосудительного в том, что и наказание, и принудительная мера воспитательного воздействия в виде установления ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего включают лишение или ограничение прав и свобод лица, до поры до времени было не заметно, но только до тех пор, пока не появилось современное наполнение наказания в виде ограничения свободы. На основании ч. 1 ст. 53 УК РФ оно заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством РФ.

Нельзя не заметить, что применительно и к принудительной мере воспитательного воздействия в виде установления ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего, и к ограничению свободы имеются запреты посещения определенных мест, пребывания вне дома в определенное время, выезда в другие местности. В связи с открытым перечнем установления ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего ему допустимо определять и другие ограничения, предусмотренные в ч. 1 ст. 53 УК РФ.

Не слишком отличаются друг от друга сроки применения принудительной меры воспитательного воздействия в виде установления ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего и ограничения свободы. Так, срок применения упоминаемой принудительной меры воспитательного воздействия – от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести и от шести месяцев до трех лет при совершении преступления средней тяжести (ч. 3 ст. 90 УК РФ), а ограничения свободы – от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести и от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части (ч. 2 ст. 53 УК РФ).

При сопоставлении положений ч. 4 ст. 91 и ч. 1 ст. 53 УК РФ нетрудно понять, что в них урегулированное очень похоже. И данное обстоятельство, несомненно,

позволяет ставить вопрос еще об одной скрытой форме наказания в уголовном праве – принудительной мере воспитательного воздействия в виде установления ограничения досуга и особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Конечно, кто-то может возразить, что принудительные меры воспитательного воздействия являются исключением из правила, согласно которому за преступление устанавливаются наказания и иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 УК РФ), а исключения лишь подтверждают правило. Возразить данному возражению, в свою очередь, вовсе не сложно.

Уголовно-правовые исключения не должны выходить за пределы уголовно-правового регулирования. Принудительные же меры воспитательного воздействия, с которыми связывается освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, применяются после того, как оно произошло, ибо в ч. 1 ст. 90 УК РФ предусмотрено, что соответствующий несовершеннолетний «может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия», то есть за пределами действия уголовного закона.

Мало того, известно, что освобождение от уголовной ответственности влечет признание юридической ничтожности факта ранее совершенного преступления. Не случайно в подпункте «д» п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19 впервые совершившим преступление признается лицо, «которое ранее было освобождено от уголовной ответственности» [2]. В отсутствие же ранее совершенного преступления становится непонятно, почему несовершеннолетний подвергается мере воздействия, предусмотренной в уголовном законодательстве, но за пределами его действия.

Вместе с тем ситуация усугубляется установлением в ч. 4 ст. 90 УК РФ положением, согласно которому в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Говоря иначе, тем самым уголовный закон возобновляет ранее прекращенное действие, а этого не может быть, ибо принудительные меры воспитательного воздействия вторичны в сравнении с освобождением от уголовной ответственности, в силу чего их отмена не должна влиять на само освобождение.

В ч. 5 ст. 73 УК РФ сказано, что суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустро-

иться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации и другие обязанности, способствующие его исправлению. В ч. 2 ст. 79 УК РФ говорится, что, применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 настоящего Кодекса, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания.

Как и в случае с принудительными мерами воспитательного воздействия, бросается в глаза сходство перечисленных обязанностей с ограничениями, установленными для наказания в виде ограничения свободы. Такое сходство нельзя не заметить в отношении запретов менять место постоянного жительства, работы, учебы, посещать определенные места. Поскольку же перечень обязанностей в ч. 5 ст. 73 УК РФ открыт, при условном осуждении и условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в принципе могут быть определены и другие ограничения, указанные в ч. 1 ст. 53. Все это, несомненно, позволяет ставить вопрос и о такой скрытой форме наказания в уголовном законодательстве, как обязанности, возлагаемые на условно осужденного и условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания.

Особняком в сравнении с рассмотренными случаями находится помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, применяемое при освобождении от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ. Оно, конечно, не имеет прямых аналогов в уголовном законодательстве. И все-таки не сложно понять, что данная мера не может не заключаться в неких лишениях или ограничениях прав и свобод несовершеннолетнего.

Ситуацию усугубляет то, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в уголовном законодательстве не охарактеризовано. Оно только определено как принудительная мера воспитательного воздействия.

В то же время принудительные меры воспитательного воздействия в ч. 2 ст. 90 УК РФ приведены исчерпывающим образом, и среди них нет помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Более того, в ч. 2 ст. 87 УК РФ названные меры и помещение в указанное учреждение противопоставлены друг другу, ибо в соответствии с законом к несовершеннолетнему, совершившему преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия, а при освобождении от наказания судом они могут быть «также» помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. При таких условиях последнее не способно быть разновидностью первых.

В самом деле, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа имеет такие лишения или ограничения прав и свобод несовершеннолетнего, которые выходят за пределы принудительных мер воспитательного воздействия и, наоборот, соответствуют пределам наказаний. В соответствии с п. 1 ч. 9 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы

профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» администрация специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа обеспечивает специальные условия содержания несовершеннолетних, включающие в себя охрану территории указанного учреждения; личную безопасность несовершеннолетних и их максимальную защищенность от негативного влияния; ограничение свободного входа на территорию указанного учреждения посторонних лиц; изоляцию несовершеннолетних, исключающую возможность их ухода с территории указанного учреждения по собственному желанию; круглосуточное наблюдение и контроль за несовершеннолетними, в том числе во время, отведенное для сна; проведение личного осмотра несовершеннолетних, осмотра их вещей, получаемых и отправляемых писем, посылок или иных почтовых сообщений; ограничение в пользовании средствами сотовой (мобильной) связи, в том числе в доступе к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не приводящее к ограничению либо лишению контактов несовершеннолетних с родителями или иными законными представителями [2].

В изоляции осужденных заключается наказание в виде лишения свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 56 УК РФ). К тому же срок пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа не мал – до трех лет (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Для более мягких видов наказаний, чем лишение свободы на определенный срок, установлены менее строгие лишения или ограничения прав и свобод лица (ст. 46–55 УК РФ).

Соответственно, по своей природе помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа явно тождественно наказаниям (со всеми вытекающими уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными последствиями). Причем следует вести речь о виде наказания исключительно несовершеннолетних.

Между тем считается, что помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа не вписывается в систему ст. 45 УК РФ, так как она построена на основании общей системы наказаний и является производной от нее. Поэтому предлагается включить специальный вид наказания несовершеннолетних только в раздел об особенностях их ответственности (ст. 88 УК РФ) [5, с. 29]. Вряд ли с таким решением можно согласиться. Поскольку в общую систему наказаний входят специальные их виды для военнослужащих (ст. 51, 55 УК РФ), помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа при признании его наказанием в названную систему также вполне впишется. Более того, было бы странным нахождение в ст. 88 УК РФ наказания, отсутствующего в перечне ст. 44 УК РФ.

Заключение

Если в уголовном законодательстве урегулированы случаи наказания без назначения и скрытые формы наказания, естественно, возникает традиционный рос-

сийский вопрос о том, что делать со всем этим. Конечно, можно сделать вид, что ничего странного в таком регулировании нет, надо лишь его усовершенствовать. Последний вариант предпочтительнее, ибо такового требуют правила законодательной техники, в соответствии с которыми Уголовный кодекс должен быть системой согласованных между собой нормативов.

С учетом нынешней редакции ст. 43 УК РФ наказание без назначения и скрытые формы наказания из уголовного законодательства должны быть либо изъяты, либо приведены в соответствие с данной статьей. В последнем случае имеется в виду лишь замена неотбытого наказания более строгим видом наказания и помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

То, что скрывается за заменой неотбытого наказания более строгим видом наказания, безнаказанным оставить, разумеется, невозможно. Однако его было бы логично переместить в Особенную часть УК РФ в качестве самостоятельного преступления [6, с. 19], ибо злостное уклонение от отбывания наказания по природе - деяние против правосудия, причем близкое к преступлениям, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 313–315 УК РФ.

Иначе следует поступить с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Как отмечалось, его желательно трансформировать в специальный вид наказания несовершеннолетних.

Список источников

1. Смирнов А. М. Уголовно-правовая безнаказанность. Москва: Юрлитинформ, 2014. 464 с.
2. СПС «КонсультантПлюс».
3. Антонов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 201–21.
4. Князьков А. А. Конструирование и применение поощрительных норм в сфере уголовно-правового регулирования экономической деятельности: вопросы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2017. 272 с.
5. Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия (проблемы теории и правового регулирования): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 32 с.
6. Сундурова О. Ф. Усиление (отягчение) наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2004. 21 с.

References

1. Smirnov A. M. Criminal and legal impunity. Moscow: Yurlitinform, 2014. 464 p. (In Russ.)

2. SPS «ConsultantPlus».

3. Antonov A. G. Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 5, pp. 20–21 (In Russ.).

4. Knyazkov A. A. Design and application of incentive norms in the field of criminal law regulation of economic activity: issues of theory and practice. Moscow: Yurlitinform, 2017. 272 p. (In Russ.).

5. Povodova E. V. Compulsory measures of educational influence (problems of theory and legal regulation): abstract. dis. ...cand. jurid. sciences. Vladimir, 2005. 32 p. (In Russ.).

6. Sundurova O. F. Strengthening (aggravation) of punishment: issues of differentiation and individualization: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2004. 21 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия.

Information about the author

E. V. Blagov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 114–127.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 114–127.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/114-127>

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Андрей Сергеевич Лаптев

УМВД России по Курганской области, г. Курган, Россия,

and420@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс эволюции в отечественной криминологии взглядов на классификацию территориальных особенностей преступности. Предложено выделение видов регионального криминологического планирования в зависимости от уровня безопасности, отмечаемого в том или ином субъекте РФ, основанного на комплексном изучении состояния социально-экономических параметров региона и территориальной специфики преступности, учитывающем основные криминологические факторы. По результатам анализа совокупных показателей произведено разделение субъектов России по уровню безопасности на пять групп, которые различаются близкими значениями рассматриваемых характеристик: критические, повышенной опасности, проблемные, стабильные, относительно безопасные. Применительно к каждой группе субъектов России обозначены рекомендации по определению и реализации конкретных мер (направлений) в рамках регионального криминологического планирования, предназначенные для достижения более высокого уровня безопасности граждан. В статье обосновывается необходимость определения указанной типологии субъектов РФ, имеющей важное значение для углубленного и тщательного изучения криминогенных факторов преступности, вызванных местными условиями. В результате появляется возможность установить характерные черты преступной активности на той или иной территории, а также понять закономерности формирования региональной криминологической обстановки.

Ключевые слова: криминология, региональное криминологическое планирование, классификация, безопасность, география преступности, криминогенная обстановка

Для цитирования: Лаптев А. С. Классификация видов криминологического планирования в субъекте Российской Федерации: исторический и практический аспекты // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 114–127.

Original article

CLASSIFICATION OF TYPES OF CRIMINOLOGICAL PLANNING IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Andrey S. Laptev

Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kurgan region, Kurgan, Russia,
and420@mail.ru

Abstract. In the article the author analyzes the process of evolution in domestic criminology of views on the classification of territorial features of crime. It is proposed to distinguish the types of regional criminological planning depending on the level of security observed in a particular subject of the Russian Federation, based on a comprehensive study of the state of socio-economic parameters of the region and the territorial specifics of crime, taking into account the main criminological factors. Based on the results of the analysis of aggregate indicators, the author has divided the subjects of Russia by the level of security into five groups, which differ in similar values of the characteristics under consideration: critical, high-risk, problematic, stable, relatively safe. In relation to each group of subjects of Russia, recommendations are outlined for the definition and implementation of specific measures (directions) within the framework of regional criminological planning designed to achieve a higher level of security of citizens. The article substantiates the need to determine the specified typology of the subjects of the Russian Federation, which is important for an in-depth and thorough study of criminogenic factors of crime caused by local conditions. As a result, it becomes possible to establish the characteristic features of criminal activity in a particular territory, as well as to understand the patterns of formation of the regional criminological situation.

Keywords: criminology, regional criminological planning, classification, security, geography of crime, criminogenic situation

For citation: Laptev A. S. Classification of types of criminological planning in the subject of the Russian Federation: historical and practical aspects. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 114–127. (In Russ.).

История вопроса

На протяжении нескольких десятилетий исследования в области «географии» преступности занимают одно из центральных направлений в развитии теории региональной криминологии, имея при этом прикладной характер, так как выступают в качестве ориентира при подготовке региональных плановых документов борьбы с преступностью.

Еще с 1970-х годов криминологи начали предлагать различные классификации субъектов РФ. Например, А. Б. Сахаров разделял регионы страны в зависимости от двух типов совершаемых преступлений: а) с особо высоким уровнем преступности, в том числе общеуголовной (корыстной и насильственной) и хозяйственно-корыстной; б) с высоким уровнем общеуголовной преступности; в) с высоким уровнем хозяйственно-корыстной преступности; г) с относительно низким уровнем преступности [1, с. 75].

В дальнейшем при классификации стал использоваться коэффициент преступной активности населения. В частности, Г. И. Забрянский классифицировал регионы России на семь классов с криминальной пораженностью населения: с низкой (определено 5 субъектов РФ), низко-средней (13), средне-низкой (20), средней (20), средневысокой (12), высоко-средней (2) и наивысшей (1) [2, с. 43–44].

Р. А. Ханхалаева предложила разделить субъекты Российской Федерации в зависимости от совершения рецидивных преступлений и противодействия им: а) высокая/низкая рецидивоопасность региона; б) высокий/низкий уровень латентности рецидивных преступлений; в) высокая/низкая раскрываемость таких преступлений [3, с. 98].

В связи с тем, что все регионы РФ имеют отличительные особенности, существенно влияющие на уровень, структуру и динамику преступности, О. С. Ефремова разделила их на две группы – количественные и качественные. По качественному признаку преступности субъекты РФ могут быть подразделены на три криминологических типа: а) с преобладающей организованной преступностью в сфере экономики, б) с преобладающей общеуголовной преступностью, в) смешанный тип. С точки зрения количественных характеристик преступности субъекты Российской Федерации предложено подразделять в зависимости от величины коэффициента преступности на 100 тыс. населения, проживающего на территории данного субъекта, в возрасте от 14 до 60 лет [4, с. 36–39].

Описание исследования

Автором статьи предлагается выделять виды регионального криминологического планирования в зависимости от уровня безопасности, отмечаемого в том или ином субъекте РФ, взаимоувязанного анализа вопросов экономической динамики и криминологической статистики. При отнесении регионов к определенному типу

предварительно следует изучить социально-экономические характеристики региона с учетом территориальной специфики преступности [5–9].

Прежде всего факторы, обладающие наибольшей информативностью, необходимо разделить на следующие группы:

а) *социально-экономические параметры* (инвестиции в основной капитал, среднедушевые денежные доходы, среднемесячная заработная плата работников, численность работников, перед которыми имеется задолженность по заработной плате, объем инвестиций, индекс промышленного производства, уровень безработицы, численность работников, выбывших из организаций, оборот розничной торговли и др., что соответствует стратегическим целям развития, определенным Указом Президента России от 21 июля 2020 г. № 474¹);

б) *криминологические факторы* (коэффициент преступности на 100 тыс. человек, в том числе по тяжким преступлениям, против собственности, против личности, число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, и др.).

По результатам анализа вышеуказанных совокупных показателей автором произведено разделение субъектов России по уровню безопасности на пять групп, которые различаются близкими значениями принятых характеристик: *критические, повышенной опасности, проблемные, стабильные, относительно безопасные*.

Детальное изучение причинно-следственного комплекса преступности в зависимости от принадлежности субъекта РФ к той или иной группе позволяет установить закономерности формирования и основные параметры криминологической обстановки, что послужит основанием для разработки системы мероприятий по оздоровлению криминогенной ситуации с учетом специфики местных условий.

К наиболее сложным для решения проблемам нужно отнести *критические регионы*, к числу которых по объективным причинам относятся все «новые» территории (Донецкая, Луганская Народные Республики, Херсонская и Запорожская области), многие республики Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания), а также ряд субъектов РФ, расположенных в приграничных районах Северо-Запада (Республика Карелия), Сибири (Республики Алтай, Тыва, Хакасия) и Дальнего Востока (Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская АО, Амурская область).

В пределах регионов этого типа социальная, экономическая, криминологическая обстановка на протяжении длительного периода остается крайне напряженной, характеризуется низкой пространственной мобильностью, высоким уровнем безработицы, экономической стагнацией, сложной политической обстановкой. Кризисные проявле-

---

¹Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Доступ из СПС «Гарант».

ния, отмечаемые в данных субъектах РФ, стали причиной многих социальных конфликтов и процессов, способствовавших обострению криминальной ситуации.

Здесь самые низкие в России среднедушевые денежные доходы у населения (в среднем 32 тыс. рублей), существенно уступающие среднероссийскому показателю (46 тыс. рублей). В число таких регионов входят, прежде всего, Республики Ингушетия (19,9 тыс. рублей), Карачаево-Черкессия (22 тыс. рублей), Тыва (21,4 тыс. рублей). У остальных субъектов РФ данной категории (за исключением Амурской области – 44,3 тыс. рублей) среднедушевой доход населения составляет от 27 до 40 тыс. рублей.

Во всех субъектах РФ рассматриваемой категории отмечается высокий уровень безработицы, который выше среднероссийского (3,8%). Например, в Республике Ингушетия самый высокий по стране (с двукратным «превосходством») процент безработных лиц от экономически активного населения (27,5%). Немногим лучше обстоят дела в иных субъектах федерации: Республика Тыва – 8,0%, Дагестан – 11,4%, Северная Осетия – Алания – 12,5%, Кабардино-Балкария – 9,9%, Карачаево-Черкессия – 8,4%, Алтай – 10,2%, Забайкальском крае – 7,8%.

На низком уровне находится объем поступающих в регионы данной категории инвестиций из различных источников. В частности, в экономику Республики Ингушетия в январе-сентябре 2022 г. поступило только 14,5 млрд рублей, в Карачаево-Черкесскую Республику – 20 млрд рублей, в Республику Тыва – 9,5 млрд рублей, в Алтай – 16,6 млрд рублей, в Северную Осетию – Аланию – 15,7 млрд рублей, в Еврейскую АО – 13 млрд рублей.

Крайне неблагоприятно складывается криминологическая обстановка на территории рассматриваемых субъектов РФ. Лидирующими в данном аспекте являются Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, что вызвано высокой долей населения с криминальным прошлым; прохождением по территории федерального округа главных транзитных потоков России (грузовых и пассажирских перевозок) из европейской части страны в азиатскую, что детерминирует его «привлекательность» для преступников; сложной социально-экономической ситуацией, усиливающей влияние криминогенных факторов [10, с. 252–253; 11, с. 3–4].

О значительной криминогенности субъектов РФ, имеющих критический уровень преступности, свидетельствует тот факт, что на долю каждого субъекта указанных округов в 2017–2021 гг. приходилось в среднем около 2200 совершенных преступлений на 100 тыс. населения (в среднем по России – от 1355,9 до 1402,2). При этом «лидером» является Республика Тыва, несмотря на снижение с 3662,8 до 2564 числа допущенных уголовно наказуемых деяний. Немного отстала от нее Республика Карелия, где за последние пять лет отмечается постоянный рост коэффициента преступности (с 1800,9 в 2017 г. до 2244,4 в 2021 г.).

По итогам 2022 г. в рассматриваемых субъектах РФ отмечается наибольший удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними, от общего числа выявленных лиц: Республика Тыва (6,1%), Забайкальский край (5,9%), Амурская область (5,4%), Еврейская АО (5,1%), Республика Бурятия (5,1%), Карелия (4,9%), что свидетельствует о проблемах в образовательной (воспитательной) среде.

Существенно выше среднероссийских показателей 2017–2021 гг. (40,8–51,0) показатели преступлений во всех критических регионах РФ: Сибирском (Алтай – от 116,3 до 153,5; Тыва – от 194,0 до 245,8; Хакасия – от 69,5 до 101,7) и Дальневосточном (Республика Бурятия – от 70,8 до 89,6; Забайкальский край – от 93,6 до 109,6; Еврейская АО – от 77,1 до 103,2; Амурская область – от 77,3 до 93,5) федеральных округах, а также в Республике Карелия, где коэффициенты преступлений против личности составляют 60,5–63,6.

Отнесение к рассматриваемой группе регионов большинства республик Северного Кавказа обусловлено межнациональными и клановыми противоречиями, широким распространением оружия, постоянным проведением локальных контртеррористических операций, что предоставляет свободу действий для организованных преступных групп в совершении тяжких преступлений против личности, похищении людей, преступлений по линии незаконного оборота наркотиков, оружия и т.д.

Кроме того, на состоянии криминологической обстановки всех субъектов РФ с критическим уровнем безопасности сказывается приграничное или околоприграничное расположение. В последние годы перечень традиционных для приграничных российских районов видов преступной деятельности, таких как контрабанда, нелегальная торговля потребительскими импортными товарами и др, пополнился широкомасштабными операциями по незаконному вывозу из России сырья, энергоносителей, металлов и других природных ресурсов. Заметно выросли потоки незаконных мигрантов. Все эти преступные проявления прикрываются коррупционными связями.

Довольно сложная обстановка в сфере незаконного оборота наркотиков отмечается в Северо-Кавказских регионах. Так, по итогам 2022 г. наибольший удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в общей структуре преступности по России отмечается в Ингушетии (17,6%), Северной Осетии – Алании (17,4%), Кабардино-Балкарии (16,5%), Дагестане (15,5%).

Сложная социально-экономическая обстановка непосредственным образом повлияла на удельный вес преступлений, допущенных лицами, не имеющими постоянного источника доходов. Абсолютное их большинство в 2022 г. (входят в первую шестерку по России на протяжении 6 лет) совершено в Республиках Ингушетия (85,3%), Дагестан (83,7%), Северная Осетия – Алания (83,0%), Кабардино-Балкария (82,1%), Карачаево-Черкесия (78,6%). Кроме того, в Северной Осетии – Алании,

Ингушетии и Карачаево-Черкесии отмечается наибольший удельный вес ранее судимых лиц, совершивших преступления, от лиц, ранее их допускаявших (65,1%, 63,3%, 58,0% соответственно).

Таким образом, при реализации криминологического планирования на территории субъектов РФ с критическим уровнем безопасности следует, в первую очередь, обратить внимание на разработку и реализацию общесоциальных мероприятий, направленных на повышение уровня жизни, среднедушевого дохода, привлечение экономически активного населения к трудовой деятельности, а также повышение уровня инвестиционной привлекательности. Кроме того, следует планировать противодействие трансграничной организованной преступности, контрабанде, незаконному обороту наркотиков, проявлениям национализма, межэтнической напряженности.

Следующая группа субъектов РФ обладает *повышенным уровнем криминологической опасности*. В случае непринятия адекватных мер криминологическая обстановка в них может подойти к критической отметке.

К числу таких регионов можно отнести часть субъектов России, входящих в состав Дальневосточного (Приморский, Камчатский края, Магаданская и Сахалинская области), Сибирского (Алтайский край, Кемеровская область–Кузбасс), Уральского (Курганская и Челябинская области), Северо-Западного (Республика Коми, Ненецкий АО, Новгородская область) федеральных округов.

В данных регионах в 2017–2022 гг. велико число совершенных преступлений на 100 тыс. населения (в пределах от 1800 до 2200).

По итогам 2022 г. в Кемеровской области–Кузбассе и Алтайском крае отмечается один из наиболее высоких показателей удельного веса преступлений, совершенных ранее судимыми гражданами (72,8% и 70,9% соответственно); в Курганской, Новгородской, Челябинской областях и Ненецком АО – совершенных в групповых формах (16,3%, 13,9%, 13,1% и 13,3% соответственно); в Ненецком АО и Республике Коми – совершенных в состоянии алкогольного опьянения (39,8%, 38,7% соответственно); в Новгородской области, Кемеровской области–Кузбассе, Ненецком АО и Республике Коми – преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (5,5%, 4,8%, 4,6%, 4,6% соответственно).

В ряде таких регионов имеется опасность дальнейшего увеличения преступности в общественных местах. Например, на территории Кемеровской области–Кузбассе в 2022 г. отмечается один из самых высоких в России удельный вес таких уголовно наказуемых посягательств (36,5%).

Не внушают оптимизма фиксируемые показатели социально-экономического развития. Так, среднедушевые доходы населения меньше среднероссийского показателя в 7 субъектах из 11. Выше они в Камчатском крае (60,5 тыс. рублей), Магаданской (83,8 тыс. рублей), Сахалинской (69,2%) областях и Ненецком АО (95,1

тыс. рублей) по объективным причинам – в связи с занимаемым географическим положением. Вместе с тем в них выше средняя по России стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (19,9 тыс. рублей), что особенно проявляется в Дальневосточном федеральном округе (Камчатский край – 29,4 тыс. рублей, Приморский край – 22,6 тыс. рублей, Магаданская область – 27,7 тыс. рублей, Сахалинская область – 24,4 тыс. рублей), а также в Ненецком АО – 24,3 тыс. рублей.

Таким образом, для предотвращения осложнений криминогенной обстановки в рамках криминологического планирования в данных регионах необходимо особое внимание обратить на реализацию мер общесоциального и экономического характера (например, поддержка малоимущих семей, увеличение числа рабочих мест, в том числе за счет средств регионального бюджета и т.д.), развивать имеющиеся (немногочисленные) положительные тенденции. Помимо этого, следует реализовать мероприятия по профилактике рецидивной, подростковой и групповой преступности, а также преступлений, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника доходов.

К *проблемным* относится четверть регионов России во всех федеральных округах (ЦФО – Калужская, Костромская, Смоленская, Тверская области; СЗФО – Архангельская, Вологодская, Мурманская области; ЮФО – Волгоградская и Ростовская области; ПФО – Удмуртская Республика, Кировская область, Пермский край; СФО – Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Томская области; ДФО – Хабаровский край, Чукотский АО), за исключением УрФО и СКФО. Занимая среднее положение, данные субъекты РФ пока еще далеки от обеспечения необходимого уровня безопасности населения. В криминологической обстановке имеются как положительные, так и отрицательные стороны, то есть существуют проблемы по ряду направлений социальной, экономической, демографической и криминологической политики.

При всех различиях регионов их объединяют сравнительно успешно проходящий процесс реформирования экономики, связанные с этим относительно высокие доходы населения, развитость социальной инфраструктуры, что определенным образом влияет на характер и масштабы преступности. В результате в 2017–2021 гг. в проблемных субъектах России число преступлений на 100 тыс. человек находилось в пределах от 1300 (Костромская и Ростовская области) до 1800 (Хабаровский край, Иркутская область), однако промежуточное значение в целом близко к среднероссийским показателям.

Вместе с тем указанные регионы характеризуются повышенными в 2017–2021 гг. коэффициентами преступности:

- против собственности (за исключением Чукотского АО, где в среднем 600–700; Костромской области, где в среднем 700–800), составляющей от 850 (Смолен-

ская область) до 1200 (Новосибирская область), при средних по России показателях от 760 до 830;

- против личности (за исключением Ростовской области, где в среднем 30–38; Чукотского АО, где в среднем 180–200) от 45 (Костромская область) до 90 (Архангельская область) при среднероссийских показателях от 40,8 до 51,0.

В двух третях проблемных регионов по состоянию на 1 января 2023 г. имеется задолженность по заработной плате перед работниками предприятий и организаций, в том числе в Красноярском крае – 42,0 млн рублей, в Волгоградской области – 12,9 млн рублей, в Новосибирской и Смоленской областях – 12,2 млн рублей.

Уровень безработицы находится в пределах от 2,6% в Удмуртской Республике и Красноярском крае до 5,6% в Архангельской области, что свидетельствует о фактически срединном положении данных субъектов относительно российского показателя (3,8%).

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников лишь незначительно уступает среднероссийскому показателю, Наибольшая зарплата фиксируется в Чукотском АО (134,5 тыс. рублей), а наименьшая – в Кировской и Смоленской областях (41,5 тыс. рублей).

Следовательно, в проблемных субъектах РФ при криминологическом планирования главное внимание необходимо уделить воздействию на основные детерминанты преступности, формирующие социально-криминологическую обстановку. К ним относятся: урбанизация и, как следствие, концентрация населения в поселениях с неразвитой социальной инфраструктурой; концентрация криминально активных лиц (30% ранее судимых в общей численности населения); значительная социальная дифференциация, алкоголизм, пьянство и наркомания.

Стабильные субъекты РФ, которых треть по России, представлены в основном регионами Центрального (Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, Ярославская области, г. Москва), Приволжского (Республики Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Саратовская области), Южного (Краснодарский край, Астраханская область, Республики Калмыкия, Крым, г. Севастополь) и Уральского (Свердловская, Тюменская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа), а также отдельными субъектами Северо-Западного (Калининградская, Псковская области, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область – как один субъект, ибо обслуживается единым региональным УМВД), Северо-Кавказского (Ставропольский край, Чеченская Республика), Сибирского (Омская область) и Дальневосточного (Республика Саха/Якутия) федеральных округов.

Данные субъекты РФ отличаются стабильным уровнем криминологической безопасности, характеризующимся относительно устойчивой динамикой развития криминогенных процессов. Так, на низком уровне находится показатель количества

совершенных преступлений на 100 тыс. населения – от 1100 (Республики Крым и Марий Эл, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) до 1400 (Ямало-Ненецкий АО, Астраханская область). Из 32 рассматриваемых субъектов РФ средний показатель по России незначительно превышен (1600) только в Тюменской области, которая при этом является экономически развитым регионом.

Субъекты данной категории также обладают положительными социальными и экономическими тенденциями. Например, города Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область с расположенными в их пределах крупнейшими городскими агломерациями активно включены в мирохозяйственные и глобальные информационные, культурные связи, что накладывает определенный отпечаток на социально-экономическую обстановку и, соответственно, формирование причинного комплекса преступности.

На территориях представленных субъектов (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республики Башкортостан, Татарстан, Оренбургская область) сосредоточены крупнейшие компании нефтегазовой отрасли (добычи), которые активно включены в реализацию социальных программ. В Нижегородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Свердловской областях сосредоточены сотни крупных и средних предприятий, представляющих машиностроение, металлургию, авиастроение, оборонно-промышленный комплекс, электротехнику, легкую промышленность и др.

Регионы этого типа характеризуются развитой социальной инфраструктурой, высокими доходами населения. В результате жители данных субъектов более часто становятся жертвами преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. По итогам 2022 г. наибольшая доля таких деяний в общей структуре преступности отмечается в Ямало-Ненецком (40,3%) и Ханты-Мансийском (38,5%) автономных округах, Москве (36,5%), Республиках Татарстан (34,5%) и Марий Эл (34,0%), Санкт-Петербурге (32,8%), Тюменской области (32,7%).

Здесь ниже среднероссийский процент безработных граждан от численности экономически активного населения, при этом в основных мегаполисах страны – Москве и Санкт-Петербурге – данный показатель и вовсе составляет 2,2% и 2,5% соответственно.

Население данных субъектов РФ сильно отличается по уровню доходов. На этом фоне значительны (на порядок выше) среднедушевые доходы жителей г. Москва (100,4 тыс. рублей) и Ямало-Ненецкого АО (106,2 тыс. рублей), однако здесь выше и дифференциация социальных групп по уровню благосостояния. В целом уровень безработицы находится в пределах 1,7% (Ямало-Ненецкий АО) – 6,3% (Республика Саха / Якутия).

Криминогенным фактором для стабильных субъектов выступает значительная доля жителей, живущих за чертой бедности. В районах, прилегающих к городам Москва и Санкт-Петербург, численность бедствующего населения значительно выше. Такое резкое отличие центральных мегаполисов от близлежащих и более отдаленных территорий РФ служит дополнительным притягивающим моментом для «миграционной» преступности. Так, по итогам 2022 г. иностранцами совершено каждое пятое (19,9%) преступление в Москве (7,2 тысячи) и почти каждое десятое (9,6%) – в Санкт-Петербурге (3,5 тысячи), то есть в городах, где можно быстро трудоустроиться.

Кроме того, приведенные факторы влияют на рост преступности, совершенной в общественных местах, удельный вес которой по истечении 2022 г. самым высоким оказался в Воронежской области (39,5%), далее – в Ярославской области (37,6%), Севастополе (35,9%), Санкт-Петербурге (35,4%), Самарской области (35,4%), Москве (35,1%), Свердловской области (34,5%), Республике Башкортостан (34,4%).

Таким образом, для субъектов РФ, обладающих стабильным уровнем криминологической безопасности, при осуществлении криминологического планирования необходимо наращивать инвестиционные потоки, направляя часть из них на борьбу с преступностью, активнее противостоять преступности среди иностранцев, а также деяниям, совершаемым в общественных местах, IT-преступлениям.

К числу *относительно безопасных* регионов России предлагается относить Белгородскую, Тульскую, Рязанскую, Пензенскую, Московскую, Ульяновскую области, Республики Мордовия, Чувашия и Адыгею. Данные субъекты характеризуются относительно низким уровнем преступности и социальным спокойствием. Так, в 2017–2021 гг. коэффициент преступности в указанных субъектах составлял от 820 до 1100, в Белгородской и Рязанской областях он не превышал 1000 и являлся самым низким по России.

Аналогичным образом складывается и коэффициент тяжких и особо тяжких преступлений. При среднем по России диапазоне от 300 до 390 в субъектах данной категории он составляет от 200 (Белгородская область, Республика Адыгея) до 280 (Московская, Ульяновская, Пензенская области).

Ниже среднероссийских показателей 2017–2021 гг. (40,8–51,0) во всех относительно безопасных регионах РФ (только в Чувашской Республике они сопоставимы – от 39,2 до 52,0) коэффициенты преступлений против личности, при этом более чем на 40% – в Белгородской (26,3–32,7), Московской (26,7–34,4), Рязанской (21,6–29,6), Тульской (24,6–34,5) областях.

Данные регионы в целом отличаются наименьшей долей безработных от экономически активного населения: Рязанская область – 2,7%, Московская область – 3,2%, Чувашская Республика – 2,9% (по России – 3,8%).

Велико и количество инвестиций в основной капитал (по полному кругу организаций), приходящихся на долю субъектов РФ данной категории. Так, в Московскую область в январе-сентябре 2022 г. поступило инвестиций на сумму 784 млрд рублей, в Белгородскую область – 130,7 млрд рублей, в Тульскую область – 104,4 млрд рублей, в Рязанскую область – 53,8 млрд рублей, в Пензенскую – 62 млрд рублей, в Ульяновскую область – 67,5 млрд рублей, в Республику Мордовия – 33,78 млрд рублей, Чувашию – 53,3 млрд рублей, Адыгею – 26,3 млрд рублей.

Незначительна суммарная задолженность по заработной плате перед работниками по состоянию на 1 января 2023 г. в Московской области (0,4 млн рублей), Республике Адыгея (0,4 млн рублей), Чувашии (1 млн рублей). В Белгородской, Тульской, Ульяновской областях, Республике Мордовия задолженность по заработной плате отсутствует.

Относительно велик индекс промышленного производства, который у 7 из 9 субъектов составляет более 100% (в среднем по России – 98,2%), при этом наиболее высокий отмечается в Республике Адыгея (119,2%) и г. Москва (112,9%).

Таким образом, у субъектов РФ данной категории уже имеются определенные положительные результаты как в социально-экономическом, так и криминологическом направлении. Однако останавливаться на достигнутом не следует, поэтому в рамках криминологического планирования, осуществляемого на данных территориях, следует уделить больше внимания обеспечению общей безопасности населения, соблюдению их прав и свобод, то есть приблизиться к реализации основной цели планирования в сфере профилактики преступлений.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что каждый субъект Российской Федерации имеет определенные параметры как социально-экономического, так и криминологического характера. Типология регионов важна для углубленного и тщательного изучения криминогенных факторов преступности, вызванных местными условиями. В результате появляется возможность установить характерные черты преступной активности на той или иной территории, а также понять закономерности формирования региональной криминологической обстановки. В дальнейшем субъектам регионального криминологического планирования необходимо анализировать, систематизировать, прогнозировать дальнейшее развитие и на основе полученной информации предлагать конкретные мероприятия по достижению более высокого уровня безопасности граждан, проживающих на той или иной территории.

Список источников

1. Сахаров А. Б. Опыт изучения влияния социальных условий на территориальные различия преступности // Социологические исследования. 1977. № 1. 137 с.

2. Забрянский Г. И. Криминологическая классификация регионов Российской Федерации // Вестник Московского университета. 1993. № 2. 98 с.
3. Ханхалаева Р. А. Вопросы теории и практики региональной рецидивной преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. 115 с.
4. Ефремова О. С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 2017. 250 с.
5. Преступность и правонарушения (2017–2021) // Статистический сборник. Москва, 2022. 180 с.
6. Статистический сборник ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года» // Москва: МВД России, 2022. 67 с.
7. Статистический сборник ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года» // Москва: МВД России, 2023. 67 с.
8. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе–ноябре 2022 года. Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2023).
9. Рейтинг качества жизни в 2022 году. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 11.02.2023).
10. Молоков В. В. Исследование влияния пандемии коронавирусной инфекции на преступность в Сибирском федеральном округе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2021. 291 с.
11. Абызова Е. Р. Типичные причины региональной миграционной преступности в Сибирском федеральном округе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы двадцатой международной научно-практической конференции. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2022. Ч. 2. 275 с

References

1. Sakharov A. B. Experience of studying the influence of social conditions on territorial differences in crime. *Sociological research*. 1977, no. 1. 137 p.
2. Zabriansky G. I. Criminological classification of the regions of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University*. 1993, no. 2. 98 p.
3. Khankhalaeva R. A. Questions of theory and practice of regional recidivism. *Gaps in Russian legislation*. 2009, no. 3. 115 p.
4. Efremova O. S. Criminological provision of crime prevention in the subject of the Russian Federation: dis. ... candidate of Legal Sciences. Ryazan, 2017. 250 p.
5. Crime and offenses (2017–2021) // Statistical collection. M., 2022. 180 p.

6. Statistical collection of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia "The state of crime in Russia for January-December 2021" // Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 67 p.

7. Statistical collection of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia "The state of crime in Russia for January-December 2022" // Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 67 p.

8. Information for monitoring the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in January–November 2022. Moscow: Federal State Statistics Service, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 02/11/2023).

9. Quality of life rating in 2022. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (accessed: 02/11/2023).

10. Molokov V. V. Investigation of the impact of the coronavirus pandemic on crime in the Siberian Federal District // Actual problems of combating crime: questions of theory and practice: materials of the XIV International scientific and practical conference. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 291 p.

11. Abyzova E. R. Typical causes of regional migration crime in the Siberian Federal District // Actual problems of combating crimes and other offenses: materials of the twentieth international scientific and practical conference. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Part 2. 275 p.

Информация об авторе

А. С. Лаптев – главный инспектор Инспекции УМВД России по Курганской области, г. Курган, Россия.

Information about the author

A. S. Laptev – Chief Inspector of the Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kurgan region, Kurgan, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 06.05.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 128–154.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 128–154.

Научная статья

УДК 346.7:656.13:629.3-519(520)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/128-154>

АВТОНОМНЫЕ АВТОМОБИЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА: ПРАВОВОЙ ОПЫТ ЯПОНИИ

Елена Александровна Березина

Уральский государственный юридический университет имени Я. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, helalex@mail.ru

Аннотация. Цель работы – исследование правотворческой и правореализационной практики в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием автономных автомобильных транспортных средств в Японии. Это государство занимает одну из лидирующих позиций как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и во всем мире по технологиям и инновациям в области автономного вождения. В нормативно-правовых актах данного государства на уровне закона в 2023 г. было впервые разрешено вождение 4-го уровня автономности. В работе раскрывается содержание Закона Японии о внесении изменений в Закон о дорожном движении 1960 г., опубликованный 27 апреля 2022 г. и вступивший в силу 1 апреля 2023 г. Российскому законодателю будет полезно изучение правового опыта Японии, накопленного в сфере создания и эксплуатации автономного автомобильного транспорта для того, чтобы обеспечить совершенствование отечественного законодательства, над которым в настоящее время ведется интенсивная работа. Проект Федерального закона РФ о ВАТС планируется внести в Государственную Думу РФ в 2024 г. Автор анализирует данные, представленные в Индексе готовности автономных транспортных средств – 2020, и современную ситуацию в сфере автономного вождения в Японии и приходит к выводу, что Япония много сделала за последние годы для того, чтобы учесть все свои ошибки и исправить недочеты, отмеченные в Индексе. В исследовании приводится анализ точек зрения по вопросу о субъектах юридической ответственности за причинение вреда в результате эксплуатации автономных транспортных средств.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, право Японии, правовое регулирование, технология автономного вождения, Индекс готовности автономных

транспортных средств, автономные автомобильные транспортные средства, беспилотные транспортные средства

Для цитирования: Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 128–154.

Original article

AUTONOMOUS AUTOMOBILE VEHICLES: LEGAL EXPERIENCE OF JAPAN

Elena A. Berezina

Y. F. Yakovlev Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia, helalex@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the law-making and implementation practices in the field of legal regulation of public relations related to the production and operation of autonomous vehicles in Japan. This country occupies one of the leading positions both in the Asia-Pacific region and around the world in terms of technologies and innovations in the field of autonomous driving. Legal acts of this state allowed driving of level 4 autonomy for the first time in 2023. The article reveals the content of the Act of Japan on Amendments to the Road Traffic Act, published on April 27, 2022 and entered into force on April 1, 2023. Intensive work is underway in the Russian Federation to create a draft Federal Statute on highly automated vehicles, which is planned to be submitted to the Parliament of the Russian Federation in 2024. In order to improve the regulatory framework for highly automated vehicles in the Russian Federation, it would be useful to study the legal experience of Japan, accumulated in the field of highly automated vehicles creation and operation. The author analyzes the data presented in the Autonomous Vehicle Readiness Index 2020 and the current situation in the field of autonomous driving in Japan, and comes to the conclusion that Japan has done a lot in recent years to take into account all its mistakes and correct the shortcomings noted in this Index. The study provides an analysis of points of view on the issue of subjects of legal liability in the situation of causing harm as a result of the operation of autonomous vehicles.

Keywords: Asia-Pacific region, Japan, Japanese law, law, legal regulation, autonomous driving technology, autonomous driving technology in Japan, autonomous vehicle readiness index, autonomous motor vehicles, technology, technology of law, highly automated vehicles, unmanned vehicles

For citation: Berezina E. A. Autonomous automobile vehicles: legal experience of Japan. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 128–154. (In Russ.).

Введение

Сфера информационных технологий развивается очень быстрыми темпами. Областью их применения являются практически все виды общественных отношений. В экономике, политике, экологической сфере уже сейчас большое распространение получают технологии беспилотного вождения. Беспилотные летательные аппараты в военных целях применяются для разведывательных действий, точного наведения орудий артиллерии, поражения заданных объектов, в мирных целях – для автономных перевозок грузов, ведения сельскохозяйственных работ, мониторинга экологической ситуации, прогнозирования извержения вулканов, для осуществления множества других видов деятельности. Большой потенциал у беспилотного транспорта в социальной сфере – массовое применение беспилотного общественного транспорта для облегчения передвижения людей старшего возраста, инвалидов, снижения трафика на дорогах.

В ряду технологий беспилотного вождения все большее значение приобретают технологии беспилотного автомобильного транспорта, которые позволяют сократить количество аварий, уменьшить топливные и временные расходы, повысить экономическую эффективность использования транспорта. Эти обстоятельства обуславливают повышенный интерес производителей автомобилей, научных кругов, государства к разработке и усовершенствованию технологий беспилотного вождения. Так, на XI Петербургском международном юридическом форуме, прошедшем 11–13 мая 2023 г. в Санкт-Петербурге, состоялось обсуждение вопросов, касающихся ВАТС «Беспилотники в законе: нормативно-правовое регулирование автономного транспорта», в рамках которого эксперты изучили возможности использования беспилотного транспорта в нашем государстве [1].

В Российской Федерации идет активная разработка как самих технологий беспилотного вождения, так и проблем правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС. Уже несколько лет деятельность правотворческих органов РФ направлена на упорядочение общественных отношений в данной сфере. До настоящего времени в РФ преимущественно использовались технологии подзаконного правотворчества. Нормативного правового акта о ВАТС на уровне закона пока так и не принято, хотя попытки законодательно урегулировать данную сферу общественных отношений предпринимались [2, с. 356–357]. По словам заместителя Министра транспорта РФ Д. Баканова, проект Федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах будет внесен в Государственную Думу ФС РФ в 2024 г. [3].

Среди действующих подзаконных нормативно-правовых актов, предметом регулирования которых являются общественные отношения, связанные с эксплуатацией ВАТС, можно назвать постановление Правительства РФ № 1415 от 26 ноября 2018 г. (с последующими изменениями) «О проведении эксперимента по опытной

эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» [4], постановление Правительства РФ от 9 марта 2022. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» [5], постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» [6], приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 октября 2022 г. № 1052-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». В частности, последним был введен в действие с 1 января 2023 г. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70249-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Высокоавтоматизированные транспортные средства. Термины и определения» [7], в котором закреплены основные определения, термины и их краткие формы в области систем искусственного интеллекта для управления движением высокоавтоматизированным транспортным средством (СИИАУД ВАТС). Например, даются определения автоматической системы управления движением (АСУД), интеллектуальной транспортной системы (ИТС), искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения и др. В приведенном нормативном акте разграничиваются термины «система (технология) автоматизации управления движением» и «автоматическая система управления движением» (АСУД): если первый является общим и применяется по отношению к аппаратно-программным средствам систем автоматического управления движением 1–5-го уровней, то второй используется только применительно к уровням 3–5.

Помимо ГОСТа Р 70249-2022 с 1 января 2023 г. в РФ в действие также были введены еще 7 ГОСТов, касающихся: вариантов применения и состава функциональных подсистем искусственного интеллекта, используемого в ВАТС (ГОСТ Р 70250-2022); требований к алгоритмам выявления препятствий на дорогах, которые могут помешать движению ВАТС (ГОСТ Р 70251-2022); правил испытания алгоритмов и обработки данных, полученных с датчиков (ГОСТ Р 70252-2022); требований к алгоритмам обнаружения перекрестков (ГОСТ Р 70253-2022); требований, предъявляемых к системе прогнозирования поведения участников дорожного движения (ГОСТ Р 70254-2022); обнаружения и распознавания дорожных знаков (ГОСТ Р 70255-2022); системы контроля полосы движения и обочины (ГОСТ Р 70256-2022).

Кроме разработки нормативно-правовых актов в области автономного вождения в Российской Федерации идет активное внедрение автономного автомобильного

транспорта в военной и гражданской сферах. Так, на АО «Ремдизель» разработан беспилотный броневедомитель «Зубило» [8], в Иннополисе в Татарстане беспилотные автомобили «Яндекс.Такси» совершили в сумме 40 тыс. поездок [9], на трассе М-11 «Санкт-Петербург – Москва» перевозку коммерческих грузов осуществляют беспилотные грузовые автомобили «Камаз» [10].

Для дальнейшего развития автономного вождения и совершенствования собственного законодательства Российской Федерации может быть полезен правовой опыт других стран, ведущих научно-технические исследования и осуществляющих правовое регулирование общественных отношений в сфере производства и использования ВАС.

Правовое регулирование отношений

в сфере эксплуатации автономных транспортных средств в Японии

Растущая экономическая мощь Азиатско-Тихоокеанского региона и то, что «многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии вошли в число бесспорных лидеров инноваций в сфере информационных технологий и цифровой экономики» [11, с. 820], демонстрируют возможность в целях совершенствования российской правовой системы использовать метод сравнительного правоведения, обратившись к положительному правовому опыту в области эксплуатации ВАС стран АТР [12].

В частности, ряд авторов отмечают, что для России может быть полезен опыт правового регулирования Японии, поскольку в области использования беспилотных транспортных средств «степень проработки японского законодательства в сравнении с российским ... находится «на несколько шагов впереди» [13, с. 129].

Эта страна характеризуется наличием большого количества производителей автомобильного транспорта, пристальным вниманием к повышению производительности, увеличению эффективности автомобильного производства, передовыми технологиями в области программного обеспечения, высокой концентрацией технологических компаний, в том числе занимающихся разработкой лидаров, радаров, технологиями распознавания изображений и динамического отображения, ростом стартапов в области ВАС, хорошим покрытием мобильной связи, развитой системой дорог и повышенными требованиями к их содержанию и инфраструктуре, высокой культурой вождения населения, стареющим населением, которое стимулирует оперативное введение инноваций, повышенным вниманием государства к развитию беспилотного транспорта, в том числе к вопросам правового регулирования общественных отношений в сфере использования ВАС.

Внедрению новых технологий автономного вождения страны способствует высокоразвитая автомобильная промышленность. Японская компания «Тойота» три года подряд сохраняет лидерство по объему продаж автомобилей в мире, о чём свидетельствуют данные по поставкам, опубликованные 30 января 2023 г. Продажи

группы, в которую, помимо Toyota, входят Daihatsu и Hino, в 2022-м составили 10,48 млн транспортных средств [14].

Значительное внимание японские автопроизводители уделяют системам автономного вождения. Можно сказать, что в Японии, как и в некоторых других странах, настоящее время является ранней стадией внедрения систем автономного вождения, «переходным периодом», охватывающим 2020-2025 гг.

Разработки в области беспилотных автомобилей в Японии начались еще в конце 1970-х годов [15, с.15]. Профессор Высшей профессиональной школы права Университета Мэйдзи и бывший директор Исследовательского института общества автономного вождения Кодзи Накаяма, давно занимающийся проблемами, связанными с автоматизированным вождением, на XII международном форуме «Автомобильный мир», прошедшем в Токио в январе 2020 г., отметил, что ситуация с регулированием беспилотного транспорта перешла от стадии «регулирования» к стадии «внедрения». Он осветил исторические аспекты развития законодательства в сфере автономного вождения начиная с октября 2013 г., когда был проведен «20-й Всемирный конгресс ITS в Токио» с участием многих экспертов в области автоматизированного вождения, явившийся толчком к переходу от «регулирования» к «внедрению». Еще в 2013 г. Кабинет министров Японии определил разработку технологии автоматизированного вождения в качестве национальной стратегии, декларируя создание «самой передовой в мире ИТ-нации». В октябре 2015 г. Национальное полицейское агентство объединило инженеров и ученых-правоведов и сформировало Комитет по расследованию институциональных проблем автоматизированного вождения, который разработал «Руководство по демонстрационным испытаниям автоматизированных систем вождения на дорогах общего пользования», позволившее провести по всей стране более 100 испытаний. В апреле 2018 г. Кабинет министров представил проект «Правил автоматизированного вождения», анонсировав тем самым начало пересмотра законодательства о дорожном движении с учетом тенденций, существовавших на тот период времени в международных договорах о дорожном движении. В декабре 2018 г. Национальное полицейское агентство представило проект поправок в Закон о дорожном движении, в котором было закреплено понятие «автоматизированная система вождения». В марте 2019 г. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма разработало законопроект о частичном пересмотре «Закона о транспортных средствах», который включал стандарты безопасности оборудования для автоматического управления. Обе поправки вступили в силу в апреле 2020 г. [16]. Принятие поправок обеспечило возможность продажи населению беспилотных автомобилей 3-го уровня автономности. Honda запустила первый в мире серийный автомобиль Honda Legend третьего уровня автономности для эксплуатации на дорогах общего пользования в марте 2021 г., а мобильные услуги 4-го уровня постепенно внедрялись в практику.

В 2022 г. Япония приблизилась еще на один шаг к возможности функционирования полностью автономного вождения, разработав законопроект, целью которого было признание использования беспилотных автомобилей 4-го уровня автономности легальным.

С 1 апреля 2023 г. в Японии официально разрешено использование ВАТС 4-го уровня автономности, который является высоким показателем автоматизации вождения и означает, что автомобили не требуют участия в вождении человека.

Закон о частичном пересмотре «Закона о дорожном движении», опубликованный 27 апреля 2022 г. и вступивший в силу 1 апреля 2023 г., внес изменения в «Закон о дорожном движении» (Закон № 105 от 1960 г.) [17]. Согласно этим изменениям автоматизированное вождение 4-го уровня автономности называется «определенное (заданное, указанное) автоматизированное вождение». Если лицо собирается быть поставщиком услуг автономного вождения и намерено осуществлять определенную автоматическую операцию 4-го уровня автономности, оно должно получить разрешение от Комиссии общественной безопасности, юрисдикция которой распространяется на место, где будет осуществляться определенная автоматизированная операция (ч. 1 ст. 75-12 «Закона о дорожном движении»). Кроме того, необходимо соблюдать обязанности, возложенные на операторов определенной автоматизированной операции, которые должны назначить человека для дистанционного мониторинга услуг, настроить оборудование дистанционного мониторинга для наблюдения внутри и снаружи автономных транспортных средств и проверки их местоположения, а также принять меры кибербезопасности. Как правило, услуги по обеспечению мобильности пассажиров с использованием вождения 4-го уровня автономности осуществляются под дистанционным наблюдением на определенных маршрутах в малонаселенных районах. «Определенный автоматический режим» означает управление транспортным средством с использованием устройства автоматического управления в соответствии с условиями использования (п. 17-2 ч. 1 ст. 2 «Закона о дорожном движении»). Транспортному средству необходимо иметь функцию автоматической немедленной и безопасной остановки, которая должна срабатывать в случае, если система автоматического управления плохо обслуживается или не соответствует условиям использования, предусмотренным законом.

Таким образом, в отличие от 3-го уровня автономности, который предусматривает автоматическое управление движением в определенных условиях (например, безлюдные районы и автомагистрали) при необходимом вмешательстве в управление транспортным средством водителя в экстремальных случаях (например, если управляющая система, выполняющая все функции управления движением, не может продолжить работу), 4-й уровень автономности предполагает полностью автоматизированное вождение системой без водителя в салоне в определенных условиях, таких как безлюдные районы и автомагистрали, при котором вмешательство

водителя не требуется, а транспортные средства в чрезвычайной ситуации имеют возможность безопасно остановиться.

Часть 2 ст. 75-12 «Закона о дорожном движении» предусматривает содержательные и формальные требования, предъявляемые к заявлению, подаваемому в Комиссию общественной безопасности. Так, в заявлении должны быть указаны: лицо, управляющее определенной автоматизированной операцией, план конкретной автоматизированной операции, конкретное автоматизированное транспортное средство, условия его использования, маршрут, дни и временные интервалы для определенной автоматической работы, лица или товары, перевозимые с помощью определенной автоматической операции, определенные операторы автоматизированных операций или определенные работники службы автоматизированных операций, конкретное содержание образования работников службы автоматизированных операций, способ назначения руководителя автоматизированной операции и оператора действий на месте, способ осуществления мер по управлению оборудованием, используемым при осуществлении определенной автоматизированной операции, особый способ маркировки и др.

Комиссия общественной безопасности принимает положительное решение о выдаче разрешения при условиях, что транспортное средство способно выполнять определенную автоматизированную операцию; определенная автоматизированная операция удовлетворяет условиям использования, относящимся к устройству автоматизированной операции; оператор, осуществляющий конкретную автоматизированную операцию соответствует установленным законом требованиям; определенная автоматизированная операция, осуществляемая в соответствии с установленным планом автоматизированной операции, не создает существенных препятствий другому движению; целью определенной автоматизированной операции, выполняемой в соответствии с определенным планом автоматизированной операции, является перевозка людей или товаров, и эта перевозка признается способствующей повышению удобства и благосостояния местных жителей (ст. 75-13 Закона).

В ст. 75-14 Закона предусмотрены условия, при которых разрешение на определенную автоматическую операцию не будет предоставлено, в ст. 75-27 Закона устанавливаются основания отзыва разрешения, а в ст. 75-28 предусмотрены основания временной приостановки действия разрешения.

Кроме того, «Закон о дорожном движении» содержит положения: закрепляющие обязанности определенных руководителей автоматизированных операций (ст. 75-21 Закона); предусматривающие меры, которые должны быть приняты по завершению определенной автоматизированной операции (ст. 75-22 Закона); меры, принимаемые в случае дорожно-транспортного происшествия в рамках определенной автоматизированной операции (ст. 75-23 Закона).

Отдельное внимание в Законе уделяется вопросам юридической ответственности за нарушение его требований.

Согласно ч. 2 ст. 116 Закона, «если лицо, управляющее определенной автоматизированной операцией, или лицо, используемое для определенной автоматизированной операции, пренебрегает необходимыми мерами предосторожности в ходе работы или из-за грубой небрежности причиняет вред имуществу другого лица посредством определенной автоматизированной операции, оно наказывается лишением свободы на срок до 1 месяца или штрафом в размере до 100 000 иен». Нарушение обязанности по принятию мер в случае дорожно-транспортного происшествия назначенным руководителем автоматизированной операции (при отсутствии пострадавших) влечет за собой лишение свободы на срок до 1 года или штраф в размере до 100 000 иен (ст. 117-5 Закона); нарушение обязанности по принятию мер в случае дорожно-транспортного происшествия назначенным руководителем автоматизированной операции (при наличии пострадавших – в случае смерти лица или причиненных телесных повреждений) – лишение свободы на срок до 5 лет или штраф в размере до 500 000 иен (ч. 3 ст. 117 Закона).

Законодателем предусмотрены, например, такие составы правонарушений, как «Получение разрешения на определенную автоматизированную операцию путем обмана или другими неправомерными действиями», «Изменение плана определенной автоматизированной операции без разрешения», «Нарушение инструкций Комиссии общественной безопасности в отношении определенной автоматизированной операции» и др.

В городе Рикузентаката с 10 по 30 сентября 2022 г. и с 1 февраля по 5 марта 2023 г. были проведены демонстрационные эксперименты по вождению 4-го уровня автономности, в результате которых было получено много высоких оценок. Из 1467 человек, участвовавших в эксперименте, более 80% пользователей положительно оценили эту инициативу, и хотя проезд осуществлялся бесплатно, более 90% пользователей были готовы использовать его за плату [18].

Запуск первой в стране линии общественного беспилотного транспорта 4-го уровня автономности, не требующего наличия оператора, но имеющего строго определенный маршрут движения и ограниченную максимальную скорость (12 км/ч), был осуществлен 21 мая 2023 г. в городе Эйхэйдзи префектуры Фукуи. Правительство страны планирует к 2050 г. запустить еще в 50 районах страны подобные услуги, что, по мнению чиновников, послужит развитию общественного транспорта в стране [19].

Анализ показателей готовности автономных транспортных средств Японии

В 2020 г. Япония в сфере беспилотного транспорта, согласно Индексу готовности автономных транспортных средств – 2020 [20], занимала первое место по коли-

честву патентов, связанных с беспилотным вождением как в абсолютных цифрах, так и в перерасчете на количество населения, а также находилась на 3-м месте в мире по технологиям и инновациям в этой области и на 6-м месте по уровню готовности инфраструктуры к автономному вождению. Показатели, использующиеся в Индексе готовности автономных транспортных средств, организованы по четырем направлениям: «Политика и законодательство», «Технологии и инновации», «Инфраструктура» и «Признание потребителями». Отмечалось, что на период, охватываемый Индексом готовности автономных транспортных средств-2020, Япония показывала менее успешные результаты по таким направлениям, как «политика и законодательство» и «признание технологий беспилотного вождения потребителями», находясь по обеим позициям только на 18-м месте из 30 стран, входящих в рейтинг Индекса готовности автономных транспортных средств.

Но за прошедшие три года Япония «провела работу над ошибками», демонстрируя значительные успехи в решении обеих проблем: совершенствуя свою нормативно-правовую базу и уделяя пристальное внимание информированию населения об особенностях беспилотного вождения, преимуществах этой технологии и усиленно работая над улучшением человеко-машинного интерфейса. Например, представители Токийского университета на 14-й Международной конференции по автомобильным пользовательским интерфейсам и интерактивным автомобильным приложениям (АСМ AutomotiveUI '22), состоявшейся 17-20 сентября 2022 г. в Сеуле, выступили с докладом «Могут ли «глаза» на автомобиле уменьшить количество дорожно-транспортных происшествий», в котором обосновали, что наличие визуального контакта с «глазами», прикрепленными к беспилотному автомобилю, может усилить субъективное ощущение безопасности или опасности у пешеходов, помочь им принимать правильное решение о переходе улицы и уменьшить вероятность дорожно-транспортных происшествий. Проведенное исследование было направлено на решение проблемы сложности взаимодействия беспилотного автомобиля с другими участниками дорожного движения, а также на повышение уровня принятия беспилотного вождения населением [21].

С 2021 г. компанией «Toyota недалеко от Токио рядом с г. Сусоно (префектура Сидзуока), у подножия Фудзиямы осуществляется строительство Woven City – «сотканного города», в котором люди, здания и транспортные средства переплетены между собой с помощью данных и датчиков. Планируется функционирование в городе только автономных автомобилей, находящихся в тесной связи друг с другом, со всеми объектами дорожной инфраструктуры, а также со всеми жителями города, которые будут оснащены датчиками для передачи информации. Эти данные будут использоваться для предотвращения пробок, оптимизации маршрутов автомобилей, сведения к нулю количества несчастных случаев, поскольку системы управления автомобилями будут иметь информацию о местоположении всех жите-

лей и всех транспортных средств города. Интересной представляется идея создателей города о необходимости строительства трех самостоятельных параллельных видов дорог на поверхности: одна – только для беспилотного транспорта, вторая – только для пешеходов и третья – как для личной мобильности, так и для пешеходов. При этом скоростной транспорт будет находиться вдали от центра города. Кроме того, специально для перемещения товаров будет создан четвертый путь, проходящий под землей, где будет функционировать городская логистическая сеть. Для обеспечения большей степени принятия технологических новшеств населением близлежащих населенных пунктов компания Toyota разработала лекционную выездную программу, в рамках которой подрастающему поколению рассказывается о разработке и производстве автомобилей Toyota, а также о Woven City [22].

Особое внимание в Японии стало уделяться работе со средствами массовой информации, обеспечивающими информирование населения об успехах в сфере продвижения беспилотного транспорта, и формированию образовательного пространства.

Для улучшения показателей направления «политика и законодательство» Индекса готовности автономных транспортных средств–2020 Япония в последнее время предприняла серьезные усилия, связанные: с модернизацией структуры механизма государства, с повышением активности работы некоторых структурных элементов этого механизма в сфере продвижения беспилотных технологий, с повышением интенсивности взаимодействия в данной области с другими государствами, с увеличением финансирования научно-исследовательских изысканий, с нормативно-правовым обеспечением процесса совершенствования автоматизации управления автомобильными средствами.

Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии (MLIT) совместно с Национальной администрацией безопасности дорожного движения (NHTSA) Министерства транспорта США в Йокогаме с 3 по 6 апреля 2023 г. провели 27-ю Международную техническую конференцию по безопасности дорожного движения, на которой были представлены результаты исследований о технологиях безопасности транспортных средств для защиты детей, пожилых людей и других уязвимых участников дорожного движения при ДТП, а также о передовых технологиях автоматизированного вождения и искусственного интеллекта [23]. Директор Отдела планирования международной политики Бюро автомобильного транспорта Министерства земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма (MLIT) Японии Кэндзи Сато в докладе о состоянии дел в Японии отметил, что автоматизированное вождение будет высокоэффективным в решении проблем сокращения ДТП, устранения транспортных заторов, обеспечения средств передвижения для пожилых людей. Для этого Правительство Японии поставило такую цель, как распространение автоматизированного вождения 4-го уровня на автомобильных доро-

гах общего пользования к 2025 г. [24]. «Мы ожидаем, что к 2025 г., а может быть, и раньше, условия для 4-го уровня будут выполнены» [20, р. 22].

Для достижения этой цели Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии работает: во-первых, над улучшением «окружающей среды автономного вождения»; во-вторых, над содействием развитию автономного вождения; в-третьих, над проведением полевых тестирований; в-четвертых, над общественным признанием необходимости автономного вождения. Кэндзи Сато перечислил, какие меры предпринимает правительство Японии в целях улучшения «окружающей среды для автоматизированного вождения». Он отнес к ним как те, при осуществлении которых Япония выступает в качестве субъекта международного права, так и внутригосударственные меры. В числе первых он назвал активное участие Японии в обсуждении международных правил автоматизированного вождения как сопредседателя или заместителя председателя различных органов на Всемирном форуме ООН по согласованию правил в области транспортных средств (WP29). В июне 2019 г. на 177-м заседании Всемирного форума ООН (WP29) была достигнута договоренность о рамочном документе по автоматизации вождения, определяющем приоритетные вопросы, которые должны быть обсуждены в данной сфере, и графике для разработки правовых основ автономного вождения. В июне 2020 г. Форум принял международный регламент для ADS, включая автоматизированное ведение полосы движения системы (ALKS) и меры кибербезопасности. В июне 2022 г. было согласовано увеличение верхнего ограничения скорости для ALKS и добавление функций изменения полосы движения. К внутригосударственным мерам были отнесены установленные и введенные в действие в апреле 2020 г. правовые нормы для ADS, а также позиционирование Японии как первой страны в мире, официально закрепившей в законодательстве 3-й уровень автономности. Кроме того, было отмечено стремление Японии помочь другим странам по всему миру, где наблюдается процесс быстрого старения населения, поделиться правовым опытом в сфере регламентации общественных отношений, связанных с автономными транспортными средствами, который уже накопился в стране [24].

В Японии действует Межминистерская стратегическая программа «Инновации в области автоматизированного вождения» (SIP-adus) [25], в рамках которой осуществляются научные разработки проблем, связанных с созданием и эксплуатацией автономного транспорта, охватывающих широкую область: от вопросов признания обществом технологий автономного вождения до технических вопросов распознавания цвета на светофоре системами автономного вождения [26]. Программа продвижения инноваций предусматривает проведение научной конференции, позволяющей экспертам в области автономного вождения ежегодно обсуждать возникающие вопросы и обмениваться опытом в данной сфере. Так, 11–13 октября 2022 г. подобная конференция прошла уже в 9-й раз [27].

Научными изысканиями в области автономного вождения занимается и Токийский институт морских исследований (Tokio Marine Research Institute), являющийся аналитическим центром Tokio Marine Group [28].

Проблема юридической ответственности за вред, причиненный автономными транспортными средствами

Не только юридическая практика, но и юридическая наука в Японии задействована в решении различных проблем, связанных с внедрением автономного вождения. Одним из самых острых является вопрос о субъектах юридической ответственности за вред, причиненный использованием ВАТС.

В Российской Федерации этой проблеме тоже уделяется повышенное внимание. На Петербургском международном юридическом форуме заместитель Министра транспорта РФ Д. Баканов отметил, что в отношении ВАТС основным аспектом, требующим детальной проработки, является вопрос об ответственности в случае ДТП с участием беспилотного транспорта [29].

Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии (MLIT) создало специальную исследовательскую группу, занимающуюся анализом вопросов, связанных с ответственностью за ущерб, причиненный в результате эксплуатации автономных автомобилей [30]. В университете Ритсумейкан опубликована работа Нанако Фунами «Ответственность за ущерб, связанный с автономным вождением. Проблемы в области пересечения ответственности оператора и производителя», в которой осуществляется попытка «исследовать идеальный способ рационального суждения об ответственности» [31, 190].

Работа призвана, с одной стороны, помочь законодателю определить наиболее оптимальную модель регулирования общественных отношений, связанных с причинением вреда эксплуатацией ВАТС, с другой – повысить степень доверия населения к новым технологиям. В работе обозначаются 3 основных подхода к решению вопроса о субъекте юридической ответственности за вред, причиненный в результате эксплуатации ВАТС: во-первых, подход, в котором в качестве основного ответственного субъекта рассматривается оператор автономного транспортного средства. В качестве преимуществ данного подхода автор отмечает отсутствие необходимости вносить серьезные изменения в действующее в Японии законодательство для привлечения оператора к ответственности и наличие сложившейся системы обязательного страхования для обеспечения безопасности. Кроме того, автор считает, что этот подход согласуется с тенденцией привлечения к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в результате эксплуатации автономных транспортных средств, действующей в Западной Европе и США. В качестве недостатков данного подхода указываются: трудности определения степени вины оператора и проблемы с ее доказыванием; нерешенность вопроса о том, должны ли быть опреде-

ленные ограничения в отношении размера возмещения для оператора; большие расходы, связанные с судебным разбирательством; вероятность в правоприменительной практике случаев, когда оператор будет нести ответственность за вред, который был причинен в ситуации, не подконтрольной оператору; возможность несчастных случаев из-за системных дефектов или сбоя; фактически освобождение автопроизводителя от ответственности, что является несправедливым [31, с. 190–191]. Можно в качестве недостатка такого подхода рассматривать также длительность судебного разбирательства и зависимое положение оператора от собственника транспортного средства, производителя автомобиля и разработчика автоматизированной системы управления.

В рамках второго подхода, рассмотренного Нанако Фунами, основным ответственным лицом в случае причинения вреда в результате эксплуатации автономного транспортного средства признается автопроизводитель. Оператор, осуществляющий обычные технические действия, не может нести ответственность за качественное функционирование целой сложной системы автономного вождения, которую разработал и установил производитель. С одной стороны, к достоинствам этого подхода можно отнести: решение проблемы размера возмещения вреда (автопроизводители – состоятельные субъекты, которые смогут возместить вред в полном объеме); уменьшение количества системных дефектов, так как производитель вынужден будет лучше заботиться о высоком качестве программного обеспечения и уменьшении риска аварий. С другой стороны, в качестве проблемных можно считать некоторые моменты данного подхода, такие как: дальнейшая разработка автономных транспортных средств, которая может быть под вопросом из-за груза ответственности производителя автономных автомобилей, что будет препятствием для дальнейшего развития современных технологий; уменьшение продаж автономных транспортных средств автопроизводителями; завышение ответственности производителей «на неопределенный срок после продажи автономного транспортного средства»; отсутствие учета ответственности других субъектов, которые могут быть виновны в причинении вреда; возрастание цены автомобиля; трудности в создании адекватной системы страхования [31, с. 192–194]. Кроме того, разработкой и внедрением в транспортную систему государств занимаются крупные производители, которые могут лоббировать принятие нормативно-правовых актов, снижающих ответственность для производителей.

Автор говорит о том, что в качестве минуса обоих подходов можно назвать незащищенность лиц, которым был причинен ущерб в результате эксплуатации автономного транспортного средства в случае, если причина находилась в «бездефектной, но несовершенной» области [31, с. 194]. В этой ситуации ни оператор, ни производитель не будут нести ответственности, поскольку, если производитель автомобиля в состоянии доказать отсутствие дефектов, он будет освобожден от от-

ветственности, а от оператора вообще не зависит совершенство и качество программного обеспечения.

В качестве оптимального варианта решения проблемы ответственности за вред, причиненный эксплуатацией автономного транспортного средства, Н. Фунами видит распределение ответственности между производителями автомобилей и поставщиками услуг по автономному вождению. Это позволит учесть большую часть недостатков, которые были названы относительно каждого из первых двух подходов. Он предлагает страховать гражданскую ответственность обоим субъектам данных правоотношений (и производителю, и поставщику услуг). Проблемами здесь будут являться: возможность несправедливого установления страховых тарифов, сложность создания надежного механизма сбора страховых взносов.

Нанако Фунами считает, что «Япония должна выполнить свои обязательства перед народами мира. Потому что по своей сути «нет другого дефекта, кроме несовершенства» [31, с. 197]. Японии нужно стремиться создать механизм оптимального, справедливого распределения ответственности за вред, причиненный эксплуатацией автономных транспортных средств. В данной области ответственность должны нести как автопроизводители, так и поставщики услуг по автономному вождению. Это позволит также обеспечить более высокий уровень принятия населением технологий беспилотного вождения. В ближайшем времени в обществе все больше будут популярны автомобили с автономным вождением, так как они решают многие проблемы: нехватки транспорта в малонаселенных районах, недостатка и высокой стоимости услуг водителей, наличия пожилых водителей, снижения риска аварий [31, с. 199]. Поэтому следует и дальше заниматься научными разработками в области создания и использования ВАТС, в том числе в сфере ответственности за вред, причиненный в результате их эксплуатации.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что Японией накоплен значительный правовой опыт регулирования общественных отношений в области производства и использования автономных транспортных средств. «Для ответственного законодателя японский пример прежде всего интересен тщательным планированием поэтапного ввода в эксплуатацию БТС каждого уровня автономности» [13, с. 29]. В частности, на настоящем этапе развития автономного вождения Япония реализует проект, который называется «Дорога к L4», что означает создание пути к реализации и распространению транспортных и логистических услуг с использованием передового автоматизированного вождения, представленного автоматизированным вождением 4-го уровня [32].

В результате анализа показателей готовности автономных транспортных средств Японии можно сделать вывод, что страна достигла значительных успехов в

данной области, улучшив свои показатели по всем направлениям развития. Япония много сделала за последние годы для того, чтобы учесть все свои ошибки и исправить недочеты, отмеченные в Индексе [20]. Так, по направлению «Политика и законодательство» у Японии было отставание от стран, находящихся в десятке Индекса, она занимала лишь 18-е место. Проблемные моменты были обозначены в сфере изучения вопросов юридической ответственности и в сфере правового регулирования, в частности регламентации общественных отношений, связанных с возмещением вреда. Япония оперативно отреагировала на это.

Во-первых, изучила положительный правовой опыт других стран, проведя комплексные научные исследования, выпустив несколько монографий и научных статей в этой сфере, сформулировав конкретные рекомендации законодателю, которые были учтены им в процессе правотворческой деятельности. Во-вторых, были приняты изменения в «Закон о дорожном движении», вступившие в силу 1 апреля 2023 г., разрешено вождение 4-го уровня автономности, урегулированы на законодательном уровне вопросы юридической ответственности за совершение правонарушений в сфере эксплуатации автономного транспорта, предусмотрены правовые нормы о страховании, установлены правила лицензирования деятельности, связанной с эксплуатацией беспилотного транспорта, закреплены требования, предъявляемые к субъектам взаимодействия в области автономного вождения. В-третьих, были созданы органы, осуществляющие регулирование и контроль в данной сфере. В-четвертых, продвижение новых технологий осуществляется при тесном взаимодействии с местными органами власти. «Позиционируя 2023 г. как «первый год внедрения автономного вождения», мы расширим поддержку усилий местных органов власти, направленных на реализацию транспортных услуг с автономным вождением 4-го уровня» [33]. В-пятых, Япония осуществляет эффективное взаимодействие с международным сообществом и другими странами. В-шестых, правительственные органы оперативно реагируют на те недостатки, которые отмечены в развитии беспилотного транспорта (например, в 2020 г. Япония отставала от других стран по таким показателям, как «Принятие населением» и «Инфраструктура», но за 3 последних года благодаря умелой политике правительства сумела сделать огромный скачок вперед по данным направлениям, системно пытаясь устранить отмеченные просчеты: на государственном уровне, на уровне вузов, научно-исследовательских институтов, местных органов власти и представителей автомобильной промышленности.

Направление «Технологии и инновации» всегда было приоритетным для Японии, которая традиционно занимала ведущие позиции, но и здесь наблюдается прогресс. Например, по сравнению с Индексом готовности автономных транспортных средств 2019 г. Япония в 2020 г. улучшила свои показатели на 2 пункта, поднявшись с 5-го на 3-е место в рейтинге стран по технологиям и инновациям.

Будучи на первом месте по количеству патентов в области автономного вождения, Япония захватила лидерство в мире в сфере патентования технологических новшеств в мире и внедрения технологий в жизнь. Здесь наблюдаются стимулирование новых научно-технических разработок, активная государственная поддержка университетской науки, финансирование студенческих научно-исследовательских проектов и конкурсов, проведение научно-практических конференций, форумов, симпозиумов по всем вопросам, связанным с совершенствованием автономного вождения. Можно отметить рост стартапов и технологических компаний, специализирующихся в соответствующих областях, включая радары, лидары, распознавание изображений, динамическое отображение и др. В Японии на 2 года раньше, чем планировалось, запустили автомобили с 4-м уровнем автономности, сняв запрет в законодательстве с 1 апреля 2023 г. Кроме того, японцы строят новый высокотехнологичный город «Woven City», где будут функционировать только автономные транспортные средства.

Развитие направления «Инфраструктура» характеризуется: высоким уровнем обеспечения безопасности дорожного движения и качества дорог; высокими стандартами этикета вождения; развитием сектора производства автомобилей; активной работой над дорожной инфраструктурой, с помощью которой обеспечивается автономность вождения; прямым закреплением в качестве ответственных за аварии лиц субъектов, обслуживающих дороги и другие объекты инфраструктуры; работой над связью 6G; вниманием к совершенствованию дорожных знаков, разметки; разделением дорог на сегменты, в которых есть ответственный оператор.

По направлению «Признание потребителями», где Япония была в числе отстающих стран согласно Индексу-2020, тоже была проделана колоссальная работа, позволившая изменить отношение людей к автономному вождению. Прежде всего низкий показатель по данному направлению позволил правительству Японии признать, что важной проблемой внедрения автономного вождения является то, как общество воспринимает технологию, какова степень принятия данной инновации населением. Поэтому правительство страны должно не только решать проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере ВАС, не только обеспечить внедрение технологических новшеств, но и прогнозировать, как будут относиться разные слои населения к автономному транспорту, преодолеть социальные барьеры для успешной реализации технологий автономного вождения.

В рамках данного направления были проведены следующие мероприятия, нацеленные на повышение индекса признания потребителями: вовлечение населения в проблему изучения возможностей беспилотного транспорта и его преимуществ; проведение просветительских мероприятий как на местном, так и общегосударственном уровне; тесное сотрудничество со СМИ; разработка и чтение курсов лекций учеными, представителями промышленности; трансляция тематических передач по телевидению; проведение онлайн передач для молодежи «Прямые новости об автономном

вождении» (например, 10-я передача «Будущее автономного вождения в эре 6G» состоялась 15 марта 2023 г. [34]); работа с подрастающим поколением по проведению экскурсий на промышленные гиганты; распространение в обществе знаний о беспилотниках на постоянной основе; формирование положительного образа будущего; работа научного сообщества над человеко-машинным интерфейсом; обращение внимания общества не только на экономическую полезность внедрения автономного транспорта, но и на социальную сферу – позиционирование беспилотников как транспорта для пожилых граждан, инвалидов в целях повышения заинтересованности общества во внедрении новых технологий, повышение цифровой грамотности населения. Так, согласно исследованию, посвященному технологическим стартапам в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Японии на 126 млн жителей 117 млн пользователей Интернетом, это около 93 пользователей на каждые 100 человек [35, р. 44].

Кроме того, в Японии созданы цифровые сервисы для общественного обсуждения в целях выяснения общественного мнения – процедуры обнародования проектов правительственных или министерских постановлений и т.п. при установлении, пересмотре или отмене нормативных актов, а также принятие решений с учетом информации и мнений, представленных общественностью в отношении того или иного проекта [36]. Итогом всех мероприятий явилось повышение показателей принятия новых технологий населением.

Конечно, помимо достижений в сфере автономного вождения есть и определенные проблемы объективного и субъективного плана, с которыми сталкивается Япония: вопросы технического совершенствования автономного вождения; наличие многоуровневых дорог; множество туннелей, создающих барьеры для автономной навигации; наличие узких улиц в старых городах; сложности с подготовкой картографических данных высокой точности для использования в режиме определенной автоматической операции; нехватка профессиональных кадров – инженеров, специализирующихся в сфере искусственного интеллекта и автономного транспорта; трудности обеспечения кибербезопасности; невозможность предусмотреть в законодательстве все обстоятельства, которые могут возникнуть при внедрении автономного транспорта на дорогах общего пользования; конфликт интересов производителей и общества; конфликт при взаимодействии беспилотного транспорта и автомобилей с водителями; разные точки зрения на ценность автономного вождения у разных слоев населения; трудности в осуществлении сотрудничества представителей промышленности, академических кругов и правительства.

Для России тревогу должен вызывать тот факт, что некоторые мероприятия, направленные на развитие беспилотного транспорта, Япония проводит в рамках блока НАТО, не входя в него. К ним не допускаются представители из государств, не являющихся членами блока. Кроме того, Японией введены санкции, которые ограничили доступ российских производителей к электрооборудованию, оборудо-

ванию для навигации, оптическому и измерительному оборудованию, контрольно-измерительным приборам, аппаратно-программному обеспечению. С 9 августа 2023 г. вступил в действие новый пакет санкций, введенных Японией, согласно которому в Россию запрещены поставки новых и подержанных автомобилей с ДВС объемом свыше 1900 куб. см, гибридов и электромобилей, грузовых вэнов и грузо-пассажирских универсалов [37]. В частности, под санкции попадает Toyota Prius, на базе которой компанией «Яндекс» были созданы первые беспилотные автомобили. Это требует от Российской Федерации оперативной поддержки отечественного автомобилестроения, принятия мер, направленных на развитие в стране микроэлектроники, производства аппаратно-программного обеспечения, необходимого для дальнейшего внедрения автономного вождения.

Кроме специальных мер, непосредственно направленных на внедрение автономного автомобильного транспорта, Япония активно предпринимает общесоциальные меры, позволяющие обеспечить развитие всей государственно-правовой системы общества. Осуществляя социальные преобразования, Япония многое заимствовала и продолжает заимствовать из опыта социалистического государственно-правового строительства СССР: использует повсеместно, в том числе в сфере внедрения автономного вождения, плановую экономику, систему планирования на 5 и более лет (например, разработаны «План реализации регуляторной реформы» [38], «Приоритетные планы по созданию цифрового общества» [39] и многие другие); основывается на поэтапном подходе к достижению поставленных целей, придерживаясь в автономном вождении последовательного внедрения транспортных средств разных уровней автономности; обращает пристальное внимание на необходимость поддержки деревень и сельского хозяйства и государственного финансирования их развития, на постановку задачи строительства «нации городов-садов» (23 декабря 2022 г. правительство Японии утвердило пятилетнюю программу «Перспективы нации городов-садов») [40]; осуществляет внедрение в национальную систему принципов общего и высшего образования, на которых было основано образование в СССР (16 июня 2023 г. Кабинет Министров Японии утвердил новый Основной план развития образования, в котором говорится, что местные органы власти должны стремиться формулировать основные планы развития образования, придерживаясь при этом национальных планов) [41]; ставит в качестве национальной цели строительство «нового капитализма», уделяющего, вслед за социализмом, много внимания социальной сфере жизни общества, основанного на концепции «благотворного цикла роста и распределения», направленного на создание общества, в котором государственный и частный секторы совместно работают при решении социальных проблем [42]; отдает приоритет инвестициям в человеческие ресурсы, в образование и науку, технологии и инновации; на государственном уровне закрепляет меры по защите детства [43], семейных ценностей, поддержанию уважительного

отношения к старшему поколению, что в совокупности благотворно сказывается на развитии государства. Исходя из этого можно сделать вывод, что Российской Федерации при решении вопросов внедрения автономного вождения было бы полезно обратиться к правовому опыту применения как специальных мер, непосредственно направленных на внедрение автономного автомобильного транспорта в Японии, так и общесоциальных мер, а также ко всей совокупности положительного опыта социалистического строительства СССР и опыта осуществления социальных мер капиталистическими государствами, в частности Японией, которая заимствовала у СССР его лучшие достижения и смогла добиться высоких результатов, в том числе в области автономного вождения.

Список источников

1. Беспилотники в законе: нормативно-правовое регулирование автономного транспорта. XI Петербургский международный юридический форум (Санкт-Петербург, 11–13 мая 2023 г.). URL: <https://roscongress.org/sessions/splf-2023-bespilotniki-v-zakone-normativno-pravovoe-regulirovanie-avtonomnogo-transporta/translation/#>.

2. Березина Е. А. Правовое регулирование общественных отношений в сфере эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в Российской Федерации // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филипповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. С. 350–368.

3. Минтранс анонсировал закон о беспилотном транспорте // Российское агентство правовой и судебной информации. 2023. 11 мая. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230511/308895855.html.

4. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 с изм. и доп. от 22.02.2020; от 7.02.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7619; 2020. № 9. Ст. 1200; 2022. № 7. Ст. 982.

5. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12. Ст. 1817.

6. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъ-

ектов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть II). Ст. 300.

7. ГОСТ Р 70249-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Высокоавтоматизированные транспортные средства. Термины и определения», дата введения 01.01.2023 // Об утверждении – стандарта Российской Федерации: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 октября 2022 г. № 1052-ст. Доступ из СПС «Гарант».

8. В России создают беспилотный броневый автомобиль «Зубило» // РИА Новости, 2023. 11 августа. URL: <https://ria.ru/20230811/zubilo-1889406411.html>.

9. Беспилотные такси Иннополиса выполнили 40 тыс. поездок. Республика Татарстан // РБК. Новости. 2022. 21 сентября. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/free-news/-632afafb9a7947a08810d9e8>.

10. На трассе М-11 «Нева» запустили движение беспилотных грузовиков «Камаз» // ТАСС. 2023. 14 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18004969>.

11. Дремлюга Р. И., Коробеев А. И. Регламентация применения технологий умных городов в Азиатских странах-лидерах цифровой экономики // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 819–832.

12. Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Сингапура, Китая и Южной Кореи // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 100–123. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/100-123>

13. Абоян А. А., Дремлюга Р. И. Сравнительно-правовое исследование правового режима беспилотных транспортных средств в странах АТР: особенности регулирования в России, Японии, Китае и Сингапуре // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 121–140. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/121-140>

14. Автомобили (мировой рынок) // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Автомобили_%28мировой_рынок%29.

15. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28.

16. 2020年春 公道でのレベル3自動運転が可能に 法整備の到達点と経緯は? // DG Lab Haus. Open information media. 23 January. 2020. URL: <https://media.dglab.com/2020/01/23-autonomous-car-01/>. Весной 2020 г. на дорогах общего пользования станет возможным автономное вождение 3-го уровня. Каковы цель и прогресс развития законодательства?

17. 昭和三十五年法律第五号 道路交通法, 1960 (2022 revised edition). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=335AC0000000105>. Закон о дорожном движении Японии (Закон № 105 от 1960 г. с изм от 2022 г.).

18. 自動運転走行を紹介！陸前高田市に実際にインタビューしてわかった実証実験の結果とは？ URL: <https://response.jp/carealization/neutral-kurecity-rikuzentakata/>. Представляем автономное вождение! Каковы результаты демонстрационного эксперимента, о которых мы узнали, взяв интервью у жителей города Рикузentakата. 29 июня 2023 г.
19. Киреев А. В Японии запустили беспилотный автобус: он похож на гольф-кар, но с 4-м уровнем автономности // Хайтек. Новости. 2023. 22 мая. URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/turbo/hightech.fm/s/2023/05/22/japan-selfbus>.
20. KPMG's Autonomous Vehicles Readiness Index (AVRI) for 2020. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/07/2020-autonomous-vehicles-readiness-index.pdf>.
21. Can Eyes on a Car Reduce Traffic Accidents? / С.-М. Chang, К. Toda, X. Gui, S. H. Seo, Т. Igarashi // AutomotiveUI '22: 14th International Conference on Automotive User Interfaces and Interactive Vehicular Applications, Seoul, Republic of Korea. 2022. 17–20 September. P. 319–329. URL: <https://doi.org/10.1145/3543174.3546841>.
22. Making of Woven City – two years since the groundbreaking ceremony. Woven-city.global. 2023. February 23. URL: <https://www.woven-city.global/updates/>.
23. The 27th ESV2023 Yokohama, Japan. URL: <https://www.27esv.org>.
24. Sato K. Government Status report of Japan. The 27th ESV2023 Yokohama, Japan. URL: <https://index.miramart.com/27esv/PDFfiles/27ESV-000351.pdf>. 27-я Международная техническая конференция по ESV 2023.
25. Cross-Ministerial Strategic Innovation Promotion Program Innovation of Automated Driving for Universal Services (SIP-adus)// Science and Technology Policy. Council for Science, Technology and Innovation. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sipa-dus_-news.html.
26. Suganuma N., Yoneda K. Current status and issues of traffic light recognition technology in autonomous driving system// IEICE Transactions on Fundamentals of Electronics, Communications and Computer Sciences. 2022. Vol. E105–A, no. 5, May 2022. Published: May 01, 2022. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/trans-fun/E105.A/5/-E105.A_2021WBI0002/_pdf.
27. SIP-adus Workshop 2022. URL: <https://en.sip-adus.go.jp/evt/workshop2022/>.
28. Tokio Marine Group. URL: <https://www.tokiomarine-nichido.co.jp/en/us/group/>.
29. Минтранс анонсировал закон о беспилотном транспорте // Российское агентство правовой и судебной информации. 2023. 11 мая. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230511/308895855.html.
30. 自動運転における損害賠償責任に関する研究会 (MLIT). URL: https://www.mlit.go.jp/jidosha/jidosha_tk2_000048.html. Исследовательская группа по ответственности за ущерб при автономном вождении Министерства земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии.

31. Funami N. 自動運転に関する損害賠償責任 — 運行供用者責任と製造物責任の交錯領域における問題 // Ritsumeikan Hasei Rangshu. 2021. № 19. P. 167–207. URL: <http://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/law/lex/hosei-19/005funami.pdf>. Ответственность за ущерб, связанный с автономным вождением. Проблемы в области пересечения ответственности оператора и ответственности за качество продукции (Курс юридических исследований).
32. RoAD to the L4. URL: <https://www.road-to-the-l4.go.jp/>.
33. 国内初！レベル4での自動運転移動サービスが開始されました// 経済産業省. 2023年5月22日. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2023/05/20230522004/2023-0522004.html>. Впервые в Японии! Запущен автономный автомобильный транспорт 4-го уровня. Министерство экономики, торговли и промышленности. // Новости. 22 мая. 2023.
34. 6G時代に飛躍する自動運転の未来」3月15日 SIP-adus 第10回自動運転-Live ニュース【最終回】Z世代とSIP自動運転を振り返るプレミアムトーク付き拡大版. URL: <https://www.scabeam.com/news/article/2023030301/>. Будущее автономного вождения в эре 6G. 15 марта 2023 г.
35. Emerging Giants in Asia Pacific. KPMG. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sg/pdf/2022/07/emerging-giants-in-asia-pacific-2022.pdf>.
36. 国土交通省 / パブリックコメント(意見公募). URL: <https://www.mlit.go.jp/appli/file000006.html/>. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма/ общественное обсуждение (открытый конкурс мнений для участников).
37. Зубко Ю. Япония запретила РФ гораздо больше, чем ожидалось: не будет вэнов и универсалов. // Российская газета. 2023. 4 августа. URL: <https://rg.ru/2023/08/04/iaponiia-zapretilarossii-gorazdo-bolshe-chem-ozhidalos-ne-budet-venov-i-universa-lov.html>.
38. 規制改革推進に関する答申・取りまとめ等. URL: https://www8.cao.go.jp/kisei-kaikaku/kisei/publication/p_index.html. План реализации регуляторной реформы.
39. デジタル社会の実現に向けた重点計画. URL: <https://www.digital.jp/poli-cies/pri-ority-policy-program/>. Приоритетные планы по созданию цифрового общества.
40. デジタル田園都市国家構想実現会議. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku-diital_index.html. Конференция по реализации национального проекта «Цифровой город-сад».
41. 教育振興基本計画. URL: https://www.mext.go.jp/a_menu/keikaku/index.htm. Базовый план продвижения образования.
42. 新しい資本主義実現本部／新しい資本主義実現会議. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/index.html#2023_head. Штаб-квартира реализации нового капитализма / Совет по реализации нового капитализма.
43. 「こども未来戦略方針」. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/df>. Стратегическая политика будущего детей.

References

1. Unmanned vehicles in law: normative legal regulation of autonomous transport. *XI St. Petersburg International Legal Forum (St. Petersburg, May 11–13, 2023)*. URL: <https://roscongress.org/sessions/splf-2023-bespilotniki-v-zakone-normativno-pravovoe-regulirovanie-avtonomnogo-transporta/translation/#>. (In Russ.).
2. Berezina E. A. Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy v sfere ekspluatatsii vysokoavtomatizirovannykh transportnykh sredstv v Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of public relations in the field of operation of highly automated vehicles in the Russian Federation]. In: *Tsifrovyye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Kazan', 23 sentyabrya 2022 g.)* [Digital technologies and law: collection of scientific papers of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022)]. Vol. 3. Kazan: Publishing house "Poznanie" of the Kazan Innovation University, 2022, pp. 350–368. (In Russ.).
3. The Ministry of Transport announced the law on unmanned transport. *Russian Agency of Legal and Judicial Information*, 2023, May 11. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230511/308895855.html. (In Russ.).
4. On conducting an experiment on trial operation of highly automated vehicles on public roads: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1415 dated 26.11.2018 with amendments and additions from 22.02.2020; from 7.02.2022. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 49 (Part VI), art. 7619; 2020, no. 9, art. 1200; 2022, no. 7, art. 982. (In Russ.).
5. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program for an experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of highly automated vehicles: Decree of the Government of the Russian Federation of 03.09.2022 No. 309. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 12, art. 1817. (In Russ.).
6. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program of an experimental legal regime in the Field of digital innovations for the Provision of Transport services using highly automated vehicles in the Territories of Certain Subjects of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 2495 of December 29, 2022. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 1 (Part II), art. 300. (In Russ.).
7. GOST R 70249-2022 Artificial intelligence systems in road transport. Highly automated vehicles. Terms and definitions, date of introduction 01.01.2023. *Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated October 5, 2022. No. 1052-st "On approval of the National Standard of the Russian Federation"*. Access from the Legal Reference System "Garant". (In Russ.).
8. An unmanned armored car "Zubilo" is being created in Russia. *RIA Novosti*, 2023, August 11. URL: <https://ria.ru/20230811/zubilo-1889406411.html>. (In Russ.).

9. Unmanned taxis of Innopolis have completed 40 thousand trips. Republic of Tatarstan. *RBC. News*, 2022, September 21. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/free-news/632afafb9a7947a08810d9e8>. (In Russ.).
10. On the highway M-11 "Neva" launched the movement of unmanned trucks "Kamaz". *TASS*, 2023, June 14. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18004969>. (In Russ.).
11. Dremlyuga R. I., Korobeev A. I. Reglamentatsiya primeneniya tekhnologiy umnykh gorodov v Aziatskikh stranakh-liderakh tsifrovoy ekonomiki [Regulation of the use of smart city technologies in Asian countries-leaders of the digital economy]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 819–832. (In Russ.).
12. Berezina E. A. Avtonomnye avtomobil'nye transportnye sredstva: pravovoy opyt Singapura, Kitaya i Yuzhnoy Korei [Autonomous automobile vehicles: legal experience of Singapore, China and South Korea]. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 3, pp. 100–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/100-123>
13. Aboyan A. A., Dremlyuga R. I. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie pravovogo rezhima bespilotnykh transportnykh sredstv v stranakh ATR: osobennosti regulirovaniya v Rossii, Yaponii, Kitae i Singapore [Comparative legal study of the legal regime of unmanned vehicles in the Asia-Pacific countries: features of regulation in Russia, Japan, China and Singapore]. *PACIFIC RIM: economics, politics, law*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 121–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/121-140>
14. Cars (world market). *Tadviser. State. Business. Technologies*, 2023, February 21. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Motor_%28_world_market_%29. (In Russ.).
15. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Bespilotnye transportnye sredstva: novye vyzovy obshchestvennoy bezopasnosti [Unmanned vehicles: new challenges of public safety]. *Lex Russica*, 2019, no. 2 (147), pp. 9–28. (In Russ.).
16. Spring 2020 Level 3 Autonomous driving on public roads is possible what is the point and how does legal development reach? *DG Lab Haus. Open information media*, 2020, January 23. URL: <https://media.dglab.com/2020/01/23-autonomous-car-01/>. (In Japan).
17. The Road Traffic Act of Japan (Act No. 105 of 1960 as amended from 2022). URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=335AC000000105>. (In Japan).
18. Introducing Autonomous driving! What are the results of the demonstration experiment, which we learned about by interviewing residents of the city of Rikuzentakata. June 29, 2023) URL: <https://response.jp/realization/neutral-kurecity-rikuzentakata/>. (In Japan).
19. Kireev A. V Yaponii zapustili bespilotnyy avtobus: on pokhozhd na gol'fkar, no s 4-m urovnem avtonomnosti [An unmanned bus has been launched in Japan: it looks like a golf cart, but with the 4th level of autonomy]. *Hi-tech. News*, 2023, May 22. URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/turbo/hightech.fm/s/2023/05/22/japan-selfbus>. (In Russ.).

20. KPMG's Autonomous Vehicles Readiness Index (AVRI) for 2020. P. 22. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/07/2020-autonomous-vehicles-readinessindex.pdf>.
21. Chang C.-M., Toda K., Gui H., Seo S. H., Igarashi T. Can Eyes on a Car Reduce Traffic Accidents? In: *AutomotiveUI '22: 14th International Conference on Automotive User Interfaces and Interactive Vehicular Applications, Seoul, Republic of Korea, 2022*. 17–20 September, pp. 319–329. URL: <https://doi.org/10.1145/3543174.3546841> or Digital library <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3543174.3546841>.
22. Making of Woven City – two years since the groundbreaking ceremony. Woven-city.global. 2023. February 23. URL: <https://www.woven-city.global/updates/>.
23. The 27th ESV2023 Yokohama, Japan. (27th International Technical Conference on ESV 2023). URL: <https://www.27esv.org>.
24. Sato K. Government Status report of Japan. *The 27th ESV2023 Yokohama, Japan*. URL: <https://index.miramart.com/27esv/PDFfiles/27ESV-000351.pdf>.
25. Cross-Ministerial strategic innovation promotion program innovation of automated driving for universal services (SIP-adus). *Science and Technology Policy. Council for Science, Technology and Innovation*. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sipadus_news.html.
26. Suganuma N., Yoneda K. Current status and issues of traffic light recognition technology in autonomous driving system. In: *IEICE Transactions on Fundamentals of Electronics, Communications and Computer Sciences, 2022*, vol. E105–A, no. 5, May. Published: May 01, 2022. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/transfun/E105.A/5/E105.A_2021WBI0002/_pdf.
27. SIP-adus Workshop 2022. URL: <https://en.sip-adus.go.jp/evt/workshop2022/>.
28. Tokio Marine Group. URL: <https://www.tokiomarine-nichido.co.jp/en/us/group/>.
29. The Ministry of Transport announced the law on unmanned transport. *Russian Agency of Legal and Judicial Information*, 2023, May 11. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230511/308895855.html. (In Russ.).
30. A research group on Liability for Damages in Autonomous Driving of the Ministry of Land Resources, Infrastructure, Transport and Tourism of Japan (MLIT). URL: https://www.mlit.go.jp/jidosha/jidosha_tk2_000048.html. (In Japan).
31. Funami N. Liability for damages related to autonomous driving. Problems in the area of intersection of operator responsibility and product responsibility (Legal Research Course). *Ritsumeikan Hasei Rangshu*, 2021, no. 19, P. 167–207. URL: <http://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/law/lex/hosei-19/005funami.pdf>. (In Japan).
32. RoAD to the L4. URL: <https://www.road-to-the-l4.go.jp/>. (In Japan).
33. For the first time in Japan! Level 4 autonomous motor transport has been launched. Ministry of Economy, Trade and Industry. *News*, 2023, May 22. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2023/05/20230522004/20230522004.html>. (In Japan).

34. The Future of Autonomous driving in the 6G Era. 15 March 2023). URL: <https://www.sc-abeam.com/news/article/20230303-01/>. (In Japan).

35. Emerging Giants in Asia Pacific. *KPMG*. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sg/pdf/2022/07/emerging-giants-in-asia-pacific-2022.pdf>. (In Engl.).

36. Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism/ public discussion (open opinion contest for participants). URL: <https://www.mlit.go.jp/appli/file000006.html>. (In Japan).

37. Zubko Yu. Yaponiya zapretila RF gorazdo bol'she, chem ozhidalos': ne budet venov i universalov [Japan has banned the Russian Federation much more than expected: there will be no vans and station wagons]. *Rossiyskaya gazeta*, 2023, August 4. URL: <https://rg.ru/2023/08/04/iaponiia-zapretila-rossii-gorazdo-bolshe-chem-ozhidalos-ne-budet-ve-nov-i-universalov.html>. (In Russ.).

38. Regulatory Reform Implementation Plan. URL: https://www8.cao.go.jp/kisei-kaikaku/kisei/publication/p_index.html. (In Japan).

39. Priority plans for the creation of a digital society. URL: <https://www.digital.go.jp/policies/priority-policy-program/>. (In Japan).

40. Conference on the implementation of the national project "Digital Garden City". URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/digital_denen/index.html. (In Japan).

41. Basic plan for the promotion of Education. URL: https://www.mext.go.jp/a_menu/keikaku/index.htm. (In Japan).

42. The Headquarters of the implementation of the new capitalism. The Council on the implementation of the new capitalism. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/ata-rashii_sihonsyugi/index.html#2023_head. (In Japan).

43. The strategic policy of the future of children. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/000129800.pdf>. (In Japan).

Информация об авторе

Е. А. Березина – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени Я. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

Information about the author

E. A. Berezina – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Y. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.08.2023; одобрена после рецензирования 24.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 13.08.2023; approved after reviewing 24.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 155–166.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 155–166.

Научная статья

УДК 342:347.51:614.8-022.171(597+470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/155-166>

ПОНЯТИЕ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВЬЕТНАМА И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Нгуен Куанг Хюи

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия, Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических позиций учёных Вьетнама и России относительно понятия «источник повышенной опасности». С этой целью автор поставил задачи: раскрыть пробелы в правовом регулировании, определить отличия в характеристике объектов как источника повышенной опасности в доктринальных исследованиях учёных Вьетнама и России. Данное исследование приведено с использованием методов анализа, синтеза и сравнительно-правового. Результаты исследования показывают, что отсутствие легального понятия источника повышенной опасности в ГК обеих стран затрудняет не только толкование закона, но и его применение судами. В этой связи источник повышенной опасности понимается с позиции предмета материального мира, что стало концепцией, признаваемой большинством вьетнамских учёных. В отличие от Вьетнама в цивилистической науке России зафиксированы ещё две разные концепции о понятии источника повышенной опасности. В одной из них источник повышенной опасности рассматривается как человеческая деятельность, в другой – как свойства вещей или силы природы.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, гражданское законодательство Вьетнама и России, деликтная ответственность, проблема гражданского права, сравнительно-правовое исследование

Для цитирования: Нгуен Куанг Хюи. Понятие источника повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама и России: сравнительно-правовое исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 155–166.

Original article

**THE CONCEPT OF A SOURCE OF INCREASED DANGER
IN THE CIVIL SCIENCE OF VIETNAM AND RUSSIA:
A COMPARATIVE LEGAL STUDY**

Nguyen Quang Huy

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia, Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical positions of scientists from Vietnam and Russia on the concept of a source of increased danger. To achieve these goals, the author set the following tasks: to reveal the gaps in legal regulation, to determine the differences in the characteristics of objects as a source of increased danger in the doctrinal studies of scientists from Vietnam and Russia. This study is presented using methods such as the method of analysis, synthesis and comparative law. The results of the study show that the absence of a legal concept of a source of increased danger in the Civil Code of both countries makes it difficult not only to interpret the law, but also to apply it by the courts. In this regard, the source of increased danger is understood from the position of the subject of the material world, which has become a concept recognized by the majority of Vietnamese scientists. In contrast to Vietnam, in the civil science of Russia, two more different concepts of the concept of a source of increased danger were recorded. In one concept, the source of increased danger is considered as human activity, and in the other as the properties of things or forces of nature.

Keywords: source of increased danger, civil law of Vietnam and Russia, tort liability, problem of civil law, legal comparison.

For citation: Nguyen Quang Huy The concept of increased danger in the civil science of Vietnam and Russia: a comparative legal study. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 155–166. (In Russ.).

Введение

В отличие от естественных и других социальных наук юридическая наука – это наука, основанная на нормах или юридических терминах. В любом правовом явлении обеспечение ясности юридической терминологии – один из важнейших и необходимых факторов для оценки теоретического и практического уровня обращения с рассматриваемым явлением [1]. В некоторых случаях отсутствие логики и единообразия используемого юридического понятия или термина приводит к трудностям в толковании, а также в применении права.

Одно из абстрактных понятий представляет собой понятие источника повышенной опасности (ИПО). С теоретической точки зрения построение положений об ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности не достигнет заложенной в нем цели без ясности в понимании самого ИПО. А с точки зрения практической суд не может возложить на владельца источника повышенной опасности обязанность по возмещению вреда, если сущность и признаки ИПО не могут быть установлены.

Отсутствие легального определения понятия ИПО в гражданском законодательстве как Вьетнама, так и России сделало разработку такого определения предметом многочисленных дискуссий в обеих странах. В целях совершенствования и повышения эффективности применения закона, а также выработки обоснованной концепции ИПО данная статья посвящена сравнительно-правовому исследованию мнений учёных двух стран о юридической природе и сущности вышеуказанного понятия.

Основная часть исследования

В гражданском законодательстве Вьетнама и России отсутствует легальное определение ИПО. Вместо разработки понятия ИПО гражданские кодексы СРВ и РФ перечисляют объекты, отнесенные к источникам повышенной опасности, без указаний на конкретные их признаки.

Источник повышенной опасности указан в п. 1 ст. 601 ГК СРВ 2015 г., включает моторизованные транспортные средства, системы передачи энергии, работающие промышленные предприятия, оружие, взрывчатые вещества, легковоспламеняющиеся вещества, яды, радиоактивные вещества, диких животных и другие источники повышенной опасности, предусмотренные законом [2].

В связи с отсутствием легального определения понятия источника повышенной опасности положения законодательства Вьетнама об ИПО имеют ряд недостатков.

- Конкретная дефиниция понятия каждого объекта, считающегося источником повышенной опасности, содержится в большом количестве различных юридических документов. По мнению Хоанг Дао, «чтобы узнать, что такое «моторизованные транспортные средства», необходимо изучать как минимум 5 правовых документов: Закон о дорожном движении 2008 г., Закон о внутреннем водном движении 2004 г., Закон о гражданской авиации 2006 г., Закон о железных дорогах 2017 г., Морской кодекс 2015 г. Однако в этих 5 юридических документах не дается общее определение понятия «моторизованные транспортные средства», а перечисляются только те транспортные средства, которые считаются таковыми [3]. Пытаясь дать дефиницию понятия моторизованных транспортных средств, С. Д. Нгуен пишет, что ими являются транспортные средства, работающие на суше, воде, в воздухе, на море, железной дороге, технически оборудованные определённым механизмом. Эти транспортные средства имеют общую характеристику – они приводятся в дей-

ствие двигателем, что потенциально представляет высокий риск для окружающих, поэтому для участия в дорожном движении собственник этих транспортных средств должен соответствовать не только требованиям законодательства о квалификации водителя (обычно водитель этих транспортных средств должен иметь лицензию, которая предоставляет ему право ими управлять), но и требованиям о технической безопасности и стандарте качества (необходимо периодически проверять безопасность) [4, с. 32].

- В законодательстве дается только указание на объекты, считающиеся источниками повышенной опасности, путем составления перечня без построения общих критериев для определения повышенной опасности таких объектов. Данный способ построения получил справедливую оценку вьетнамского учёного В. Х. Нгуена, который считает, что «в настоящее время регулирование в п. 1 ст. 601 ГК СРВ сделало содержание закона «чрезмерным» и «недостаточным» [5, с. 50].

Термин ИПО упоминается в действующем ГК РФ в ст. 1079, в соответствии с которой субъекты гражданско-правовой ответственности наделены обязанностью возместить вред, причинённый источником повышенной опасности при осуществлении ими деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих людей. То есть эта деятельность должна быть связана с использованием транспортных средств, взрывчатых веществ, механизмов, высоковольтной электрической энергии, атомной энергии, сильнодействующих ядов и др.; выполнением строительных и других связанных с этой деятельностью работ, если владельцы ИПО не могут доказать, что вред был причинен обстоятельством непреодолимой силы или умыслом потерпевшего [6].

Анализ перечня источников повышенной опасности ГК СРВ и РФ показывает, что данный перечень не является исчерпывающим и он никогда не может быть полным, потому что процесс развития технических средств никогда не останавливается [7, с. 9]. С одной стороны, сложившееся положение, на наш взгляд, является неизбежным результатом непрерывного развития науки и техники, поскольку очевидно, что законодатели в процессе разработки данной нормы внимательно учитывали возможные изменения в развитии науки и техники, связанные с созданием новых источников повышенной опасности, которые в будущем могут быть обозначены законом как ИПО. С другой стороны, вместо того, чтобы пытаться подробно перечислить объекты, которые следует отнести к источникам повышенной опасности, лучше сосредоточиться на том, чтобы дать конкретное определение такого источника, а также описать его признаки.

Понятие ИПО раскрывается в абз. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ. Под ним понимается любая деятельность человека, осуществление которой не подлежит полностью человеческому контролю, вследствие создания высокой опасности причинения вреда другим, а также человеческая деятельность по

использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов [8]. Абзац 3 п. 18 данного постановления содержит положение о том, что суд при рассмотрении дела имеет право на признание иной деятельности ИПО исходя из характера объекта, который используется в процессе деятельности.

В отличие от РФ в постановлении Пленума Верховного Народного Суда СРВ [9] не содержится понятие ИПО, и суд во Вьетнаме не имеет права признавать иные объекты источниками повышенной опасности, если эти объекты отсутствуют в перечне объектов ст. 601 ГК СРВ. По нашему мнению, и во Вьетнаме у суда имеется право на признание других объектов источниками повышенной опасности, поскольку перечень ст. 601 ГК СРВ не является исчерпывающим.

В современной цивилистической науке Вьетнама вопрос о построении конкретного понятия ИПО поднимался во многих научных исследованиях.

Можно упомянуть определение исследователя М. А. Ле, которая трактует ИПО следующим образом: «источниками повышенной опасности являются материалы в естественном мире или движения механического оборудования, научно-технические средства и т.д., которые не могут полностью контролироваться человеком в процессе своей эксплуатации и могут причинять людям имущественный или немущественный вред» [10]. Данное определение позже подверглось обоснованной критике со стороны В. Х. Нгуена. Он считает, что «в этом определении существует некоторый недостаток, требующий дальнейшего исследования, и заключается он в том, что автор строит определение на основе перечисления лишь некоторых источников повышенной опасности, а также имеется несогласованность по содержанию терминов» [5, с. 45]. В частности, несогласованность, выраженная в термине «движение механического оборудования», относится к эксплуатации определённой вещи, в то время как «научно-технические средства» относятся к одной из разновидностей вещей. «Источник повышенной опасности в его формулировке представляет собой вещь, которая находится в процессе эксплуатации, всегда имеет большую вероятность причинения вреда людям и окружающей среде. Вследствие этого ее собственник, владелец или пользователь не могут осуществлять полный контроль над данной вещью» [5, с. 79].

В свою очередь С. К. Нгуен отмечает, что «к источникам повышенной опасности относятся объекты или вещества, существующие в природе и обществе, которые в процессе своего существования могут нанести вред жизни и имуществу окружающих» [11]. Данное понятие, помимо положительных моментов в определении ИПО как объекта материального мира, имеет определённые недостатки. Утверждение «объекты могут нанести вред жизни и имуществу окружающих» только «в процессе своего существования» означает отрицание участия владельца объектов материального мира как источников повышенной опасности при их использовании [5, с. 175]. Соответственно, объекты материального мира могут рас-

сма­тривать­ся как источ­ники по­вышен­ной опас­ности толь­ко тог­да, ког­да они свя­заны с де­ятель­но­стью че­лове­ка.

По мнени­ю Т. Х. Нгу­ена, «к источ­никам по­вышен­ной опас­ности от­но­сятся жи­вот­ные или ве­щи, ко­торые при их со­дер­жании, экс­плу­ата­ции мо­гут пред­став­лять бо­ль­шую опас­ность для жи­зни, здо­ровья че­лове­ка, а так­же мо­гут при­чинить круп­ный ушерб иму­ществу го­судар­ства, ор­ганизаций и юри­дических лиц» [12, с. 29]. Ска­зан­ное озна­чает, что жи­вот­ные и ве­щи как источ­ники по­вышен­ной опас­ности мо­гут при­чинять вред ок­ружаю­щим толь­ко при их со­дер­жании и ис­поль­зации. Кро­ме то­го, автор ут­вер­ждает, что источ­ник по­вышен­ной опас­ности сам по себе ни­ког­да не при­чиняет вред без воз­дей­ствия на него че­ловече­ского по­веде­ния (ис­поль­зации, экс­плу­ата­ции, со­хранения и т.д.) [12, с. 35, 13, с. 34].

Анали­зируя вы­ше­приве­ден­ные мнени­я, можно ут­вер­ждать, что, не­смотря на раз­ные фор­му­лировки по­ня­тия ИП­О в ци­вилис­тической нау­ке Вьет­нама, бо­ль­шин­ство вьет­намских учё­ных-пра­воведов рас­сма­тривают ИП­О с точки зре­ния об­ъекта ма­териального ми­ра. Дру­гими сло­вами, источ­ник по­вышен­ной опас­ности по­нима­ется с по­зиции пред­мета ма­териального ми­ра, что ста­ло кон­цеп­цией, при­зна­ваемой бо­ль­шин­ством вьет­намских ис­сле­дователей.

Не­доста­тки вьет­намской гра­жданской нау­ки в раз­работке опре­деле­ния ИП­О четко вы­яв­ляются при об­ра­щении к ци­вилис­тической нау­ке Рос­сии. В от­личие от гра­жданской нау­ки Вьет­нама в ци­вилис­тической нау­ке Рос­сии бы­ли за­фиксиро­ваны раз­ные под­ходы к по­ня­тию ИП­О.

Под источ­ником по­вышен­ной опас­ности, по мнени­ю А. А. Соб­чака, под­ра­зу­меваются сло­жные ма­териальные об­ъекты и их по­вышен­ная вредо­нос­ность, спе­циально об­на­ру­живаю­щаяся в сво­их свой­ствах не­зависимо от че­лове­ка, в­след­ствие че­го все это при­водит к ча­стич­ному от­сут­ствию кон­троля са­мого про­цесса де­ятель­ности. В свя­зи с этим, во-пер­вых, созда­ется опас­ность слу­чай­ного при­чи­нения вреда и, во-вто­рых, ока­зывается влия­ние на об­ъем и ха­рак­тер его при­чи­нения [14]. Дан­ное опре­деле­ние по срав­нению со взгля­дами дру­гих рос­сийских учё­ных сде­лало шаг впе­ред в раз­работке кон­цеп­ции источ­ника по­вышен­ной опас­ности [7, с. 19].

Сторон­ником кон­цеп­ции об­ъектов яв­ляется О. А. Красав­чиков. Его взгляд вклю­чается в том, что в ка­честве источ­ника по­вышен­ной опас­ности дол­жны рас­сма­тривать­ся пред­меты ма­териального ми­ра, ко­торые имеют осо­бые спе­цифиче­ские ка­чественные и ко­личественные со­стоя­ния и при их ис­поль­зации, вла­де­нии, хра­нении свя­заны с по­вышен­ной опас­ностью для ок­ружаю­щих [15, с. 34].

Ана­логичного мнени­я при­дер­живается А. М. Бе­лякова, ко­торая счита­ет, что источ­ник по­вышен­ной опас­ности пред­став­ляет со­бой кон­кретные пред­меты ма­териального ми­ра, ко­торые не под­чи­няются пол­ностью кон­тролю че­лове­ка в процес­се

се эксплуатации, из-за чего создается высокая вероятность причинения вреда людям [16].

В ещё одной концепции цивилистической науки ИПО признается деятельность, связанная с эксплуатацией определённых вещей. По мнению В. Г. Вердникова, под ИПО необходимо понимать деятельность, которая непосредственно связывается с использованием определённых вещей, не может постоянно и полностью контролироваться человеком, что увеличивает повышенную вероятность причинения вреда [17].

Согласившись с вышеуказанным мнением, учёный-правовед О. С. Иоффе считает, что «источник повышенной опасности является определённым видом деятельности» [18, с. 178]. Необходимо отметить, что О. С. Иоффе в своем утверждении допускает некоторую неясность при трактовке сущности ИПО. Такая неясность выражается в том, что в отличие от других представителей «концепции деятельности», утверждающих, что повышенная опасность возникает в непосредственной связи с деятельностью субъектов гражданско-правовой ответственности, он связывает повышенную опасность в основном с другими объектами имущественных прав. В частности, Иоффе утверждает: «повышенная опасность таких объектов, как дикие животные, яды, очевидна и вообще не нуждается в особых объяснениях» [18, с. 179–180]. Вышеуказанная неясность, по нашему мнению, не является случайной, потому что она рассматривается ученым как признак превосходства материального объекта по отношению к деятельности. Хотя О. С. Иоффе является сторонником концепции деятельности в разработке понятия ИПО, но по содержанию его исследования очевидно, что он не исключает роли объектов материального мира в проявлении повышенной опасности в отношении причинения вреда.

С точки зрения Б. С. Антимонова, «источник повышенной опасности должен быть рассмотрен как действие или система действий», то есть он считал, что ИПО – это деятельность, а никак не вещь и не отсутствие действия, деятельности, не бездействие [19].

Согласно ещё одной концепции, под источником повышенной опасности понимается не объект материального мира и не деятельность человека, а именно свойства вещей или природные силы. Данная концепция была сформирована известным российским юристом-цивилистом Е. А. Флейшиц. В своей работе она пишет, что «источник повышенной опасности – это свойства вещей или природные силы. При достигнутом уровне развития техники они не поддаются и не подчиняются полному контролю со стороны человека, вследствие того создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам» [20]. Недостатки рассматриваемого понятия заключаются в том, что Флейшиц относит к ИПО не только свойства тех или иных вещей, но и природные

силы, вследствие чего возникает вопрос о том, на кого должна возлагаться ответственность за причинение вреда землетрясением или наводнением? [15, с. 14–15].

Несмотря на обилие формулировок понятия ИПО в разных концепциях, они, на наш взгляд, не исключают друг друга. Каждая из них выбирает, как правило, один из характерных признаков источника повышенной опасности, на основании которого строится в целом понятие ИПО.

Исследование позиций вьетнамских и российских учёных позволяет выделить основные признаки ИПО: 1) повышенная опасность причинения вреда; 2) невозможность оказывать контроль в полном объеме со стороны человека из-за специфического и вредоносного свойства определённого объекта. Любой материальный объект, отвечающий данным признакам, можно признать источником повышенной опасности.

Построение обоснованного понятия ИПО, по нашему мнению, должно осуществляться путем объединения преимуществ вышеприведённых концепций. В этом отношении источник повышенной опасности представляет собой не любой материальный объект, а только те объекты, характеризующиеся специфическими и вредоносными свойствами, которые человек при эксплуатации не может или не в состоянии контролировать в полной мере. Вследствие чего причиняется не только имущественный, но и неимущественный вред.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в ГК СРВ и РФ нет конкретного определения ИПО, вместо этого перечислены объекты, считающиеся источниками повышенной опасности. Перечень объектов как в российском, так и вьетнамском законодательстве является неисчерпывающим. Однако, согласно законодательству РФ, в процессе рассмотрения дела суд вправе признать источником повышенной опасности иные виды деятельности человека, не урегулированные в ГК, во Вьетнаме суд не наделен таким правом.

В цивилистической науке Вьетнама и России вопрос о разработке понятия ИПО является широко обсуждаемой темой. Результаты данного обсуждения показывают, что, несмотря на разные формулировки, большинство вьетнамских учёных поддерживают концепцию объектов материального мира. В отличие от Вьетнама в цивилистической науке России зафиксированы три подхода к понятию ИПО. Хотя построение понятия ИПО основывается на разных концепциях, они не исключают друг друга. В этой связи источником повышенной опасности должны признаваться объекты, характеризующиеся специфическими и вредоносными свойствами, которые человек при эксплуатации не может или не в состоянии контролировать в полной мере. Вследствие чего причиняется не только имущественный, но и неимущественный вред.

В целях совершенствования и повышения эффективности применения закона необходимо предоставить суду Вьетнама право признавать иные объекты источниками повышенной опасности при разрешении дела, связанного с причинением вреда ИПО, как это имеет место в судебной практике России.

Список источников

1. Яшнова С. Г. Ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности, в гражданском праве России и стран западной Европы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2014. 195 с.
2. Гражданский кодекс СРВ № 91/2015/QН13 от 24.11.2015. Вступил в законную силу 01.01.2017 // Юридическая библиотека Вьетнама. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyен-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx/>. На вьет. яз.
3. Хоанг Дао. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности в соответствии с ГК СРВ. Ханой: Юридический факультет Ханойского национального университета, 2011. 150 с. На вьет. яз.
4. Нгуен С. Д. Дополнение к понятию источника повышенной опасности // Журнал законодательных исследований / Институт законодательных исследований Постоянного комитета Национального собрания. 2005. № 4. С. 30–35. На вьет. яз.
5. Нгуен В. Х. Ответственность за причинение вреда имуществу в соответствии с гражданским законодательством Вьетнама: дис. ... канд. юрид. наук / Ханойский юридический университет. Ханой, 2017. 250 с. На вьет. яз.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Российская газета. 1996. № 23, 24, 25.
7. Мельник С. В. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. 87 с.
8. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.01.2010 г. № 1 г. Москва «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина // Российская газета – Федеральный выпуск. 2010. № 24 (5103).
9. Постановление Пленума Верховного Народного Суда № 03/2006 / NQ-HDTP от 8 июля 2006 г., о руководстве по применению ряда положений ГК СРВ в области деликтной ответственности // Юридическая библиотека Вьетнама. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyен-dan-su/Nghi-quyet-03-2006-NQ-HDTP-huong-dan-ap-dung-quy-dinh-cua-bo-luat-dan-su-nam-2005-ve-boi-thuong-thiet-hai-ngoai-hop-dong-13136.aspx>. На вьет. яз.
10. Ле М. А. Некоторые вопросы ответственности за причинение вреда в соответствии с положениями гражданского законодательства Вьетнама. Ханой: Ханойский юридический университет, 1997. 98 с. На вьет. яз.

11. Нгуен С. К. Некоторые правовые вопросы об ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности // Журнал юридической науки. 2011. № 3. С. 34–38. На вьет. яз.
12. Нгуен Т. Х. Ответственность за причинение вреда в дорожно-транспортных происшествиях: дис. ... канд. юрид. наук / Ханойский юридический университет. Ханой, 2001. 202 с. На вьет. яз.
13. Майданик Л. А., Сергеева Н. Ю., материальная ответственность за повреждение здоровья. Москва: Госюриздат, 1962. 231 с.
14. Собчак А. А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. Л., 1964. 317 с.
15. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности. Москва: Юридическая литература, 1966. 200 с.
16. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Москва: Изд-во МГУ, 1986. 148 с.
17. Советское гражданское право. Ч. 2. Москва: Изд-во ВЮЗИ, 1961. 575 с.
18. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Курс лекций: Отдельные виды обязательств: учебное пособие / отв. ред.: А. К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 531 с.
19. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности. Москва: Госюриздат, 1952. 296 с.
20. Флейшиц Е. А. Обязательство из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Москва: Гос. изд-во юридической лит., 1951. 239 с.

References

1. Yashnova S. G. *Otvetstvennost' za vred, prichinjonnyy istochnikom povyshennoy opasnosti, v grazhdanskom prave Rossii i stran zapadnoy Evropy* [Liability for harm caused by a source of increased danger in the civil law of Russia and Western European countries]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2014. 195 p. (In Russ.).
2. Civil Code of the SRV No. 91/2015/QH13 of 24.11.2015. Entered into force on 01.01.2017. *Vietnam Law Library*. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx>. (In Viet.).
3. Hoang Dao. Responsibility for causing harm by a source of increased danger in accordance with the Civil Code of the SRV. Hanoi: Faculty of Law of Hanoi National University Publ., 2011. 150 p. (In Viet.).
4. Nguyen S. D. Supplement to the concept of a source of increased danger. *Journal of Legislative Research, Institute of Legislative Research of the Standing Committee of the National Assembly*, 2005, no. 4, pp. 30–35. (In Viet.).

5. Nguyen V. H. Liability for damage to property in accordance with the civil legislation of Vietnam: Cand. Dis. (Legal. Sci.). Hanoi: Hanoi University of Law 2017. 250 p. (In Viet.).
6. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 30.11.1994 No. 51– FZ. *Rossiyskaya Gazeta*, 1996, no.no. 23, 24, 25. (In Russ.).
7. Melnik S. V. *Vozmeshhenie vreda, prichinjonogo istochnikom povyshennoj opasnosti* [Compensation for damage caused by a source of increased danger: monograph]. Orel, 2009. 87 p. (In Russ.).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 26.01.2010, Moscow "On the Application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen. *Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue*, 2010, no. 24 (5103). (In Russ.).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme People's Court No. 03/2006 / NQ – HDTP of July 8, 2006, on guidelines for the application of a number of provisions of the Civil Code of the SRV in the field of tort liability. *Vietnam Law Library*. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Nghi-quyet-03-2006-NQ-HDTP-huong-dan-ap-dung-quy-dinh-cua-bo-luat-dan-su-nam-2005-ve-boi-thuong-thiet-hai-ngoai-hop-dong-13136.aspx>. (In Viet.).
10. Le M. A. Some issues of liability for causing harm in accordance with the provisions of the civil legislation of Vietnam. Hanoi: Hanoi University of Law, 1997. 98 p. (In Viet.).
11. Nguyen S. K. Some legal questions about liability for harm caused by a source of increased danger. *Journal of Legal Science*, 2011, no. 3, pp. 34–38. (In Viet.).
12. Nguyen T. H. Responsibility for causing harm in road accidents. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Hanoi: Hanoi University of Law, 2001. 202 p. (In Viet.).
13. Maidanik L. A., Sergeeva N.Yu. *Material'naya otvetstvennost' za povrezhdenie zdorov'ya* [Material liability for damage to health]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1962. 231 p. (In Russ.).
14. Sobchak A. A. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za prichinenie vreda deistviem istochnika povyshennoj opasnosti* [Civil liability for causing harm by the action of a source of increased danger]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Leningrad, 1964. 317 p. (In Russ.).
15. Krasavchikov O. A. *Vozmeshhenie vreda, prichinyonogo istochnikom povyshennoj opasnosti* [Compensation for damage caused by a source of increased danger]. Moscow: Juridicheskaja literature Publ., 1966. 200 p. (In Russ.).
16. Belyakova A. M. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za prichinenie vreda* [Civil liability for causing harm]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1986. 148 p. (In Russ.).
17. Soviet civil Law. Part 2. Moscow: VUZI Publishing House, 1961. 575 p. (In Russ.).

18. Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Kurs lekcij: Otdel'nye vidy objazatel'stv [Soviet civil law. Course of lectures: Certain types of obligations]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1961. 531 p.

19. Antimonov B. S. Grazhdanskaja otvetstvennost' za vred, prichinjonnyj istochnikom povyshennoj opasnosti [Civil liability for damage caused by a source of increased danger]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1952. 296 p. (In Russ.).

20. Fleishits E. A. Objazatel'stvo iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashheniya [Obligation from causing harm and from unjustified enrichment]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury, 1951. 239 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Нгуен Куанг Хюи – аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Information about the authors

Nguyen Quang Huy – Postgraduate Student, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 167–177.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 167–177.

Научная статья

УДК 342:[004.056:004.8](595+594)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/167-177>

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В МАЛАЙЗИИ И ИНДОНЕЗИИ¹

Наталья Анатольевна Князева¹, Екатерина Анатольевна Князева²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ knyazeva.na@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1584-1104>

² kniazeva.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4444-0545>

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию и использованию искусственного интеллекта в области кибербезопасности на примере стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Малайзии и Индонезии. Рассмотрены основные правовые акты в области защиты персональных данных, авторского права, банковской и финансовой сферы, безопасности телекоммуникационных сетей, информационной инфраструктуры и предупреждения киберпреступлений, а также вопросы привлечения к административной и уголовной ответственности за киберпреступления. Перечисляются государственные органы, координирующие и реализующие вопросы кибербезопасности. Особое внимание уделено характеристикам основных понятий, раскрываемых в исследуемых актах. Отмечено, что правовое поле Индонезии содержит более четкие трактовки определений целого ряда понятий в области киберзащиты по сравнению с Малайзией. Однако законодательство Малайзии затрагивает больший спектр регулирования общественной жизни при реализации вопросов кибербезопасности – от медицины до транспорта. В Индонезии не все сферы так хорошо регламентированы для решения подобных вопросов. Арсенал средств защиты от кибератак или иных противоправных действий, посягающих на информационную и цифровую среду, в Малайзии и Индонезии примерно одинаков и различается лишь по способам и качеству (эффективности) реализации. Подчеркивается серьезный и разноплановый

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129

© Князева Н. А., Князева Е. А., 2023

подход обеих стран к дальнейшему развитию, изменению и совершенствованию законодательства в вопросах применения искусственного интеллекта по противодействию киберпреступлениям. Несмотря на имеющиеся противоречия по отдельным вопросам, каждая из стран стремится усилить свои инструменты борьбы с киберугрозами путем разработки отдельных национальных стратегий безопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, кибербезопасность, киберпреступления, право Малайзии, право Индонезии, правовое регулирование ИИ, Закон о защите персональных данных, Закон о компьютерных преступлениях, Закон об авторском праве, Закон о связи и мультимедиа, Закон о стратегической торговле, Закон о защите персональных данных, стратегия кибербезопасности Малайзии и Индонезии

Для цитирования: Князева Н. А., Князева Е. А. Правовые особенности использования искусственного интеллекта для обеспечения кибербезопасности в Малайзии и Индонезии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 167–177.

Original article

LEGAL FEATURES OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR ENSURING CYBER SECURITY IN MALAYSIA AND INDONESIA

Natalia A. Knyazeva¹, Ekaterina A. Knyazeva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ knyazeva.na@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1584-1104>

² kniazeva.na@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4444-0545>

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of approaches to the regulation and use of artificial intelligence in the field of cybersecurity using the example of the countries of the Asia-Pacific region – Malaysia and Indonesia. The main legal acts in the field of personal data protection, copyright, banking and financial sector, security of telecommunication networks, information infrastructure, cybercrimes, as well as issues of bringing to administrative and criminal liability for cybercrimes are considered. State bodies coordinating and implementing cybersecurity issues are listed. Particular attention was paid to the characteristics of the basic concepts disclosed in the acts under study. It is noted that the legal framework of Indonesia contains clearer interpretations of the definitions of a number of concepts in the field of cyber defense compared to Malaysia. However, Malaysian legislation covers a wider range of regulation of public life in the implementation of cybersecurity issues – from medicine to transport. In Indonesia, not all areas are so well regulated to deal with such issues. At the same time, the arsenal of means of

protection against cyber-attacks or other illegal actions that encroach on the information and digital environment in Malaysia and Indonesia is approximately the same and differs only in the methods and quality (efficiency) of implementation. The serious and diverse approach of these countries for the further development, changes and improvement of legislation in matters of the use of artificial intelligence in activities to combat cybercrime is emphasized. Despite the contradictions on certain issues, each country seeks to strengthen its tools to combat cyber threats by developing separate national security strategies.

Keywords: artificial intelligence, cybersecurity, cybercrime, Malaysian law, Indonesian law, legal regulation of AI, personal data protection law, Computer Crime Law, Copyright Law, Communications and Multimedia Law, Strategic Trade Law, Personal Data Protection Law, cybersecurity strategy for Malaysia and Indonesia

For citation: Knyazeva N. A., Knyazeva E. A. Legal features of the use of artificial intelligence for ensuring cyber security in Malaysia and Indonesia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 167–177. (In Russ.).

Стремительное развитие технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ), привело к активной разработке и внедрению ИИ в различные сферы общественной жизни – от медицины и транспорта до применения в области государственного управления и военном секторе.

Необходимость современного и эффективного нормативного регулирования в этой области вызвано решением ряда вопросов, таких как: использование ИИ в транспортной сфере; защита персональных данных, коммерческой, банковской тайны; ответственность при совершении ряда преступлений с использованием ИИ; возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом, и др.

Учитывая опыт других стран – лидеров в вопросах цифровизации, разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта, мы можем определить свой путь в построении эффективной системы регулирования кибербезопасности.

Среди стран, которые уже утвердили механизмы нормативного регулирования разработки и использования ИИ, особое место занимают страны Юго-Восточной Азии. Многие развивающиеся страны этого региона являются перспективными и инвестиционно привлекательными, Малайзия и Индонезия не стали исключением. Выбор именно этих стран для исследования был обусловлен схожестью с Россией уровня цифровизации и регулирования в сфере цифрового права, что позволяет странам заимствовать опыт друг друга, а также осваивать новые рынки и налаживать сотрудничество, которое становится особенно актуальным в связи с поворотом российской политики на Восток.

Индонезия и Малайзия схожи по уровню общего регулирования в вопросах ИИ: единый закон, который содержал бы нормы, регламентирующие отношения в

сфере разработки, внедрения и применения ИИ, в обеих странах отсутствует. Также нет унифицированного правового акта по вопросам кибербезопасности. Все законодательство Малайзии и Индонезии по данному вопросу находит свое отражение в разнообразных правовых документах.

Еще в июне 2017 г. было объявлено, что правительство Малайзии примет новый закон, направленный на защиту малайзийцев от угроз кибербезопасности, однако по настоящее время единого законодательства в отношении кибербезопасности не существует.

Действующее законодательство, которое регулирует защиту критически важных систем и сетей от цифровых атак, состоит из следующих нормативных актов:

1. Закон о компьютерных преступлениях 1997 г. – Computer Crimes Act 1997 («ССА») [1]. Согласно положениям Закона, как преступления рассматриваются деяния, связанные с неправомерным использованием компьютеров. Закон может применяться, если компьютер, программа или данные находились в Малайзии или могли быть подключены, отправлены или использованы в Малайзии во время совершения преступного деяния. Также признаются преступными действия, связанные с получением несанкционированного доступа к компьютерам или сетям, несанкционированной модификацией содержимого любого компьютера и/или неправомерным доступом.

2. Закон о связи и мультимедиа 1998 г. – Communications and Multimedia Act 1998 г. (СМА) [2]. Закон, принятый для обеспечения и регулирования конвергентных коммуникационных и мультимедийных отраслей, регулирует сетевые средства, сетевые услуги, услуги приложений, услуги приложений контента и включает предписание для лицензирования деятельности и услуг. Раздел 263(1) СМА предписывает, что «лицензиат должен приложить все усилия, чтобы предотвратить использование сетевых средств, которыми он владеет или которые он предоставляет, или сетевых услуг, услуг приложений или услуг приложений контента, которые он предоставляет, в связи с совершением любого преступления в соответствии с любым законом Малайзии». СМА также запрещает мошенническое или ненадлежащее использование сетевых средств или сетевых услуг; использование и хранение поддельных устройств доступа; использование оборудования или устройств для получения несанкционированного доступа к любым сетевым услугам; перехват любых сообщений, кроме полученных на законных основаниях.

3. Закон об авторском праве 1987 г. – Copyright Act 1987 («СА») [3]. Согласно данному закону обход любой технологической меры защиты, которая применяется к копии произведения, защищенного авторским правом, является правонарушением в соответствии с Разделом 36А СА. Закон прямо запрещает кому бы то ни было: (а) разрабатывать, производить, адаптировать или выполнять действия с целью обеспечения или облегчения обхода мер технической защиты; (b) производить, им-

портировать или продавать любые технологии или устройства с целью обхода любых технических мер защиты.

4. Уголовный кодекс – Penal Code («PC») [4]. Если конкретные правонарушения, связанные с кибербезопасностью, не подпадают под действие иных норм законодательства, то применяются нормы УК, который предусматривает большинство преступлений и процедур в Малайзии.

5. Закон о защите персональных данных 2010 г. – The Personal Data Protection Act 2010 (PDPA) [5] применяется к любому лицу, кто обрабатывает и контролирует или разрешает обработку любых «персональных данных» в отношении коммерческих транзакций. Установлено 7 принципов защиты данных, которые составляют основу защиты в соответствии с PDPA, одним из них является принцип безопасности. В соответствии с разделом 9(1) PDPA пользователь должен при обработке персональных данных предпринимать практические шаги для защиты личных данных от любой потери, неправильного использования, модификации, несанкционированного или случайного доступа к раскрытию, изменению или уничтожению.

6. Закон о стратегической торговле 2010 г. – Strategic Trade Act 2010 («СТА») [6]. В рамках международных обязательств Малайзии в отношении национальной безопасности СТА контролирует экспорт, транзит и посредничество в отношении стратегических предметов и технологий, включая оружие и связанные с ним материалы, а также виды деятельности, которые будут или могут способствовать проектированию, разработке, производству и доставке оружия массового уничтожения. Раздел 7 СТА предусматривает, что министр международной торговли и промышленности может приказом, опубликованным в Бюллетене, называть любые предметы в качестве стратегических предметов для целей СТА.

7. Другие применяемые руководящие принципы или правила. В Малайзии действуют отраслевые руководящие принципы, касающиеся кибербезопасности. К ним относятся Структура системы управления данными и управленческой информацией – Data Management and Management Information System (MIS) и Руководящие принципы по интернет-страхованию, выпущенные Центральным банком Малайзии.

В 2017 г. было создано Национальное агентство кибербезопасности (National Cyber Security Agency, NACSA) – национальное ведомство по вопросам кибербезопасности в целях повышения эффективности защиты Малайзии против кибератак путем объединения усилий лучших специалистов в области ИИ и киберзащиты как на национальном уровне, так и с привлечением международных экспертов.

Агентство разрабатывает и внедряет стратегию кибербезопасности на национальном уровне, организует защиту критически важных национальных объектов информационной инфраструктуры (Critical National Information Infrastructures, CNII), принимает меры по противодействию киберугрозам и киберпреступлениям, координирует программы просвещения населения и бизнеса о способах защиты

персональных данных, вырабатывает и продвигает подходы к дальнейшему развитию борьбы с кибератаками с учетом современных угроз и вызовов [7].

В 2020 г. была утверждена Стратегия кибербезопасности Малайзии (MCSS) [8]. MCSS создана Сайфуддином Абдуллой, министром связи и мультимедиа, представляющим премьер-министра ЯБ Тан Шри Дато Хаджи Мухиддин бин Хаджи Мохд Ясин. В MCSS приняли участие компании: MDEC, BAE Systems Applied Intelligence, Crowdforce, FireEye, Lenovo, System Consultancy Services и PERNEC. Основная цель Стратегии – киберзащита, кибербезопасность и развитие новых технологий для мирового сообщества.

Политика, связанная с кибербезопасностью, была инициирована в Индонезии еще в 2006 г., когда Министерство связи и информационных технологий опубликовало Постановление № 27 от 2006 г. Затем это Положение было отменено Постановлением № 26 от 2007 г., которое было впоследствии продлено и дополнено Постановлением № 5 от 2017 г. Постановлением 2007 г. была создана Индонезийская группа реагирования на инциденты безопасности в интернет-инфраструктуре (ID-SIRTII) в целях обеспечения контроля за безопасностью телекоммуникационных сетей на основе интернет-протоколов [9].

Кибербезопасность также регулируется Законом № 11 от 2008 г. «Об электронной информации и транзакциях» с дополнениями и изменениями, внесенными Законом № 19 от 2016 г. «О поправках к Закону № 11 от 2008 г. «Об электронной информации и транзакциях» («Закон об электронной информации») [10].

«Закон об электронной информации» был дополнен постановлением Правительства № 71 от 2019 г. «О внедрении электронных систем и транзакций» (GR № 71/2019) [11]. Кроме того, в конце 2020 г. Министерство связи и информационных технологий издало Постановление № 5 от 2020 г. «О поставщиках электронных систем в частном секторе» [12]. Перечисленные нормативные акты являются основой законодательства о кибербезопасности в Индонезии.

Правительство Индонезии в 2022 г. приняло Закон № 27 «О защите персональных данных» (PDPL) [13], который считается основным документом по защите персональных данных, иными словами – «объемными положениями» для защиты персональных данных, которые также затрагивают вопросы кибербезопасности в Индонезии. Положения PDPL охватывают все уровни защиты персональных данных в электронной и неэлектронной средах.

В дополнение положения PDPL для защиты персональных данных вводят новые меры, в которых:

- перечислены и раскрыты права носителей персональных данных (пользователей). Например, согласно ст. 1 персональные данные – это данные о физических лицах, идентифицированные или идентифицируемые сами по себе или в сочетании с другой информацией, прямо или косвенно через электронные или неэлектронные

системы. При этом персональные данные делятся на две категории: конкретные персональные данные, такие как информация о здоровье, биометрические данные, генетические данные, и общие персональные данные (полное имя, сексуальная ориентация, гражданство и семейное положение) (ст. 4 PDPL);

- раскрываются обязанностях контролера персональных данных и обработчика персональных данных. В частности, контролер персональных данных обязан контролировать представителей всех сторон, которые участвуют в обработке персональных данных (ст. 4 PDPL);

- дано определение положения о должностном лице, которое выполняет функции по работе с персональными данными клиентов и пользователей (контролера). Контроллером персональных данных является любое лицо, государственный орган и международные организации, которые действуют индивидуально или коллективно при определении целей и осуществлении обработки персональных данных (ст. 1 № (4) PDPL).

Один из отличительных аспектов действия Закона PDPL – обязанность контролера персональных данных предоставить субъекту персональных данных определенное правовое основание для обработки персональных данных, в соответствии с которым контролер персональных данных также обязан указать (среди прочего) тип и соотношение персональных данных, данные, срок хранения и права субъекта персональных данных (ст. 21).

Наконец, PDPL также предусматривает санкции за любые нарушения и/или несоблюдения PDPL, то есть возможность привлечения лиц (в том числе и должностных) к административной и/или уголовной ответственности.

Постановление президента № 82 от 2022 г. «О защите жизненно важной информационной инфраструктуры» (PR № 82/2022) [14] содержит определение понятия «кибербезопасность». В соответствии со статьей 1(4) ПП № 82/2022 кибербезопасность представляет собой адаптивную и инновационную попытку защитить все уровни киберпространства, включая содержащиеся в нем информационные активы, от киберугроз и атак, как технических, так и социальных. Кибербезопасность является частью жизненно важной информационной инфраструктуры (ИИВ), системы, которая поддерживает стратегические секторы для предотвращения вмешательства в электронную инфраструктуру.

Кибербезопасность также регулируется постановлением Министерства связи и информационных технологий Индонезии № 4 от 2016 г. «О системах управления информационной безопасностью» («Правило № 4/2016») [15], которое обязывает применять стандарт SNI ISO/IEC 27001 в качестве международного стандарта для систем управления информационной безопасностью. Однако постановление Министерства связи и информационных технологий Индонезии № 4/2016 предназ-

чено только для тех, кто предоставляет электронные системы для государственных услуг.

23 ноября 2020 г. специализированный орган по надзору за кибербезопасностью в Индонезии – Национальное агентство по кибербезопасности и шифрованию (BSSN) – обнародовал собственное постановление «Правило BSSN № 8 от 2020 г.» («Правило BSSN № 8»). В соответствии с этим постановлением применение стандарта SNI ISO/IEC 27001 является обязательным для поставщиков электронных систем в частном секторе (ст. 4 Положения BSSN № 8).

Другим актом, который можно рассматривать как один из основных ориентиров в области кибербезопасности, является Совместный указ Коминфо и Министерства юстиции и прав человека № 14 от 2015 г. и № 26 от 2015 г. «О реализации запрета на контент и/или Право доступа пользователя в отношении нарушения авторских прав и/или смежных прав в электронной системе» («Совместный указ 2015 г.»). Данный указ определяет технические процедуры и механизмы в отношении любого нарушения авторских прав начиная с подачи отчета и заканчивая закрытием контента и/или права доступа.

Помимо вышеупомянутых правил, существуют также положения о кибербезопасности, содержащиеся в отраслевом законодательстве, например в банковских секторах и других финансовых услугах, которые предоставляют возможность потребителям финансового сектора подавать жалобы через электронные средства, предоставляемые финансовыми учреждениями (ст. 7 постановления Управления финансовых услуг № 18 от 2018 г. (ОЖК). Также были приняты два дополнительных постановления, которые предусматривают несколько ключевых моментов, касающихся кибербезопасности. Во-первых, это Положение ОЖК № 38/ПОЖК.03/2016 с последующими поправками, внесенными Положением ОЖК № 13/ПОЖК.03/2021 (Per. ОЖК № 38/2016), которое устанавливает определенный перечень обязанностей для коммерческих банков:

- иметь собственный план аварийного восстановления;
- внедрить систему внутреннего контроля в отношении использования информационных технологий;
- разместить свой центр обработки данных и/или центр аварийного восстановления на территории Индонезии.

Во-вторых, Положение ОЖК № 4/ПОЖК.05/2021 (Per. ОЖК № 4/05/2021) распространяется также на небанковские финансовые учреждения и требует:

- разработать собственный план аварийного восстановления;
- разместить центр обработки данных и/или центр аварийного восстановления на территории Индонезии;
- проводить обработку транзакций на основе информационных технологий в Индонезии.

Как видно из рассмотренного выше, законодательство Малайзии и Индонезии представляет собой довольно широкую базу для использования искусственного интеллекта при осуществлении кибербезопасности. При этом сфера правового регулирования меняется в зависимости от области применения ИИ – будь то общие вопросы защиты персональных данных или банковская сфера. Особенно это заметно в правовом поле Малайзии, поскольку ряд законов государства предусматривает свою зону ответственности при защите прав и интересов граждан, организаций и государства в целом от кибератак и киберпреступлений в цифровом поле. Законодательство Индонезии в этом вопросе оказалось более унифицированным, несмотря на отсутствие единого закона о кибербезопасности.

Список источников

1. Computer crimes act 1997 г. URL: https://ccid.rmp.gov.my/Laws/Computer_Crime_Act_1997.pdf.
2. Communications and multimedia act 1998 г. URL: <https://www.mcmc.gov.my/skmmgovmy/media/General/pdf/MCMC-ACT-1998.pdf>.
3. Copyright act 1987. URL: https://www.swinburne.edu.my/docs/libra-ry/copy-right_act_1987.pdf.
4. Criminal law of Maplaysia. URL: https://ccid.rmp.gov.my/Laws/Act_574_Panel_Code_Malaysia.pdf.
5. Personal Data Protection Act. URL: <https://www.malaysia.gov.my/portal/content/-654>.
6. Strategic Trade Act 2010 (STA) [Act 708]. URL: <https://www.mcmc.gov.my/en/legal/acts/strategic-trade-act-sta-act-708>.
7. Гурков Р. А. Малайзия. Рынок цифровых технологий. URL: https://ved.today/wp-content/uploads/2022/08/IT_MALAYZIYA.pdf.
8. Malaysia cyber strategy 2020–2024. URL: <https://asset.mkn.gov.my/web/wp-content/uploads/sites/3/2019/08/MalaysiaCyberSecurityStrategy2020-2024Compressed.pdf>.
9. Peraturan menteri komunikasi dan informatika nomor 27/PER/M.KOMINFO/9-/2006 tentang Pengamanan Pemanfaatan Jaringan Telekomunikasi Berbasis Protokol Internet. URL: https://jdih.kominfo.go.id/produk_hu-kum/view/id/445/t/peraturan+menteri+komunikasi+dan+informatika+nomor+27permkominfo92006+tanggal+20+september+2006.
10. Personal data protection efforts through law number 27 of 2022 on personal data protection. URL: <https://aco-law.com/articles/personal-data-protection-efforts-through-law-number-27-of-2022-on-personal-data-protection/>.
11. General data protection regulation (Regulation (EU) 2016/679). URL: <https://www.dataguidance.com/comparisons/general-data-protection-regulation>.

12. Regulation No. 5 of 2020 on the electronic system providers in the private sector. URL: https://jdih.kominfo.go.id/pro-duk_hukum/view/id/759/t/peratu-ran+menteri+komunikasi+dan+informatika+nomor+5+tahun+2020.

13. Law No. 11 of 2008 on Electronic Information and Transactions. URL: <https://platform.dataguidance.com/legal-research/law-republic-indonesia-no-11-2008-concerning-electronic-information-and-transactions>.

14. President Regulation No. 82 of 2022 on the protection of vital information infrastructure. URL: <https://www.dataguidance.com/opinion/indonesia-cybersecu-rity#:~:text=%20Regu-lation%20No.%2082%20of,at-tacks%2C%20both%20technical%20and%20social>

15. Regulation No. 4 of 2016 on information security management systems. URL: https://jdih.kominfo.go.id/produk_hukum/view/id/532/t/peraturan+men-teri+kom-unika-si+-dan+informatika+nomor+4+tahun+2016+tanggal+11+april+2016.

References

1. Computer Crimes Act 1997 («CCA»). URL: https://ccid.rmp.gov.my/Laws/Computer_Crime_Act_1997.pdf.

2. Communications and Multimedia Act 1998 («CMA»). URL: <https://www.mcmc.gov.my/skmmgovmy/media/General/pdf/MCMC-ACT-1998.pdf>.

3. Copyright Act 1987 («CA»). URL: https://www.swinburne.edu.my/docs/library/copyright_act_1987.pdf.

4. Penal Code. URL: https://ccid.rmp.gov.my/Laws/Act_574_Panel_Co-de_Malay-sia.pdf.

5. The Personal Data Protection Act 2010. URL: <https://www.malaysia.gov.my/portal/content/654> (дата обращения: 18.09.2023)

6. Strategic Trade Act 2010 («STA»). URL: <https://www.mcmc.gov.my/en/le-gal/-acts/strategic-trade-act-sta-act-708>.

7. Gurkov R. A. Malajzina. Rynok cifrovyyh tehnologii [Malaysia. Digital technology market]. URL: https://ved.today/wp-content/uploads/2022/08/IT_MALAYZIYA.pdf. (In Russ.).

8. Malaysia Cyber Security Strategy 2020–2024. URL: <https://asset.mkn.gov.my/-web/wp-content/uploads/sites/3/2019/08/MalaysiaCyberSecurityStrategy2020-2024Compressed.pdf>.

9. Regulation No. 27 of 2006 of the Ministry of Communication and Information Technology. URL: https://jdih.kominfo.go.id/produk_hu-kum/view/id/445/t/peratu-ran+-men-teri+komunikasi+dan+in-formatika+nomor+27permkominfo92006+tan-ggal+20+sep-tember+2006.

10. Law No. 27 of 2022 regarding Personal Data Protection. URL: <https://acolaw.com/articles/personal-data-protection-efforts-through-law-number-27-of-2022-on-personal-data-protection/>.

11. General Data Protection Regulation (Regulation (EU) 2016/679). URL: <https://www.dataguidance.com/comparisons/general-data-protection-regulation>

12. Regulation No. 5 of 2020 on the Electronic System Providers in the Private Sector. URL: https://jdih.kominfo.go.id/produk_hukum/view/id/759/t/pe-raturan+mente-ri+komunikasi+dan+informatika+nomor+5+tahun+2020.

13. Law No. 11 of 2008 on Electronic Information and Transactions. URL: <https://platform.dataguidance.com/legal-research/law-republic-indonesia-no-11-2008-concerning-electronic-information-and-transactions>.

14. President Regulation No. 82 of 2022 on the Protection of Vital Information Infrastructure. URL: [https://www.dataguidance.com/opinion/indonesia-cybersecurity#:~: text=Pre-sident%20Regulation%20No.%2082%20of,attacks%2C%20both%20technical%20and%20social](https://www.dataguidance.com/opinion/indonesia-cybersecurity#:~:text=Pre-sident%20Regulation%20No.%2082%20of,attacks%2C%20both%20technical%20and%20social).

15. Regulation No. 4 of 2016 on Information Security Management Systems. URL: https://jdih.kominfo.go.id/produk_hukum/view/id/532/t/peraturan+menteri+komunikasi+dan+informatika+nomor+4+tahun+2016+tanggal+11+april+2016.

Информация об авторах

Н. А. Князева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Е. А. Князева – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

N. A. Knyazeva – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E. A. Knyazeva – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 10.10.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 178–186.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 178–186.

Научная статья

УДК 349.417(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-4/178-186>

ПОНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЗАХОРОНЕНИЯ

Гузель Вилсуровна Бурганова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,
9172778217@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи решается задача доктринальной разработки понятия земель, предназначенных для захоронения. На основании типичного подхода для формально-логической процедуры дефиницирования рассматривается комплекс родовых понятий, дополняемых видовыми характеристиками земель захоронения. В статье выделяются два вида задач, решаемых рассматриваемой категорией земель. Удовлетворение духовных и культовых потребностей населения в организации мест погребения умерших близких преследует решение неутилитарных задач. В то же самое время обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности населенных пунктов от проникновения токсичных химических веществ из мест захоронения указывает на наличие чисто утилитарных задач данных земель. Совокупность специфических характеристик, раскрываемых в действующем законодательстве и юридической доктрине Российской Федерации, позволяет предложить авторское понимание понятия земель, предназначенных для захоронения. Предложенное понятие может стать основой для изменения земельного законодательства.

Ключевые слова: земля захоронений, историко-культурное назначение, природный ресурс, погребение

Для цитирования: Бурганова Г. В. Понятие земель, предназначенных для захоронения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 178–186.

Original article

THE CONCEPT OF LAND INTENDED FOR BURIAL

Guzel V. Burganova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

9172778217@mail.ru

Abstract. The article addresses the problem of doctrinal development of the concept of lands intended for burial. Based on the typical approach for the formal-logical procedure of definition, a set of generic concepts supplemented by specific characteristics of burial grounds is considered. The article identifies two types of problems solved by the category of lands under consideration. Satisfaction of the spiritual and religious needs of the population in the organization of places of burial of deceased loved ones pursues the solution of non-utilitarian tasks. At the same time, ensuring the sanitary and epidemiological safety of settlements from the penetration of toxic chemicals from burial sites indicates the existence of purely utilitarian tasks of these lands. The set of specific characteristics disclosed in the current legislation and legal doctrine of the Russian Federation allows us to offer the author's understanding of the concept of lands intended for burial. The proposed concept can serve as a basis for changing land legislation.

Keywords: burial ground, historical and cultural purpose, natural resource, burial

For citation: Burganova G. V. The concept of land intended for burial. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2023, vol. 25, no. 4, pp. 178–186. (In Russ.).

Земельный кодекс Российской Федерации [1] (ЗК РФ) не содержит легальной дефиниции земель, предназначенных для захоронения (далее – земли захоронений). Постановка вопроса о понятии земель захоронений обусловлена необходимостью доктринальной разработки данного термина на основе анализа характерных признаков рассматриваемой категории земель. Процесс конструирования конкретного юридического понятия предполагает обращение к базовым формально-логическим процедурам, которые задают правила и условия построения содержания определенной категории. Классическим методом определения понятия является родовидовой подход, в соответствии с которым общее понятие дополняется набором специфических признаков, которые позволяют в дальнейшем отграничить его от смежных дефиниций. Очевидно, что родовым понятием по отношению к землям захоронений является земля в целом или земли в качестве множественного числа данной категории.

Земля выступает в качестве универсальной категории, описывающей поверхность планеты, выступающей предметом изучения цикла естественно-научных

дисциплин. В юридической науке земля по преимуществу выступает предметом изучения земельного права. Развернутой легальной дефиниции земли до настоящего момента в законодательстве Российской Федерации не предусмотрено, хотя гражданское право рассматривает землю в качестве разновидности недвижимого имущества. Появление в законодательства термина «земли» является результатом категоризации отдельных видов земель, которые дифференцируются в зависимости от своего целевого назначения. Понятия «земля» и «земли» не тождественны, поскольку простая совокупность земель не образует в сумме землю как таковую. Земля выступает в качестве универсального природного ресурса, обладающего уникальными природно-географическими свойствами. Дифференциация отдельных фрагментов поверхности земли осуществляется путем образования в ее составе отдельных земельных участков, которые могут выступать предметом имущественного оборота. Отнесение земельного участка к объектам недвижимого имущества фиксирует присущие ему черты функциональной связи с месторасположением и невозможность пространственного перемещения.

Выделение земельного участка наделяет его индивидуально определенными качествами, которые позволяет отмежевать его в качестве объекта собственности от иных вещей. Земля в целом представляет собой родовое понятие по отношению к земельному участку, что явным образом фиксируется в тексте земельного законодательства (ст. 6 ЗК РФ). Помимо специфических характеристик, составляющих содержание рассматриваемого понятия, земля как предмет правового регулирования в отличие от земельного участка представляет собой публично-правовое понятие. Земля составляет основу жизни и деятельности народов (ст. 9 Конституции РФ [2]). Земля не обладает в отличие от земельных участков свойствами дискретности, что характеризует ее в качестве природного ресурса. Земля является системным объектом, выступая одновременно как природный ресурс и источник иных природных ресурсов. Этими обстоятельствами обусловлено доминирование методов публично-правового регулирования в отношениях, связанных с землей.

В противовес земле как природному ресурсу правовое регулирование имущественных отношений, предметом которых выступают земельные участки, предполагает доминирование частноправовых методов. Данные правоотношения регламентированы гражданским законодательством, а нормы земельного права применяются к ним subsidiarily. Наконец, отсутствие возможности разработки единого правового режима для земли в целом в рамках частноправового регулирования окончательно подтверждается тезис о земле как объекте публичного права [3, с. 133].

Понятийный ряд земельного права также дополняет термин «земли», который не тождественен земле как таковой. До настоящего момента времени в доктрине земельного права не представлено надлежащей разработки рассматриваемого понятия, хотя вполне очевидно, что оно занимает промежуточное положение между

терминами «земля» и «земельный участок». Выделение земель в качестве самостоятельного понятия обусловлено необходимостью категоризации отдельных фрагментов земной поверхности в соответствии с их целевым назначением. Если земельный участок выступает правовой конструкцией индивидуализации отдельного фрагмента земли, то земли являются средством определения предназначения эксплуатации отдельных земельных участков, выделенных в их составе. Категория земель задает контуры определенного земельно-правового режима, которые определяют условия и характер землепользования. Например, земли захоронений отнесены ст. 99 ЗК РФ к категории земель историко-культурного назначения. Данный шаг законодателя являются конструктивным прологом к определению специфических характеристик земель захоронений, позволяющим сконструировать их дефиницию. Земли историко-культурного назначения в свою очередь отнесены к землям особо охраняемых территорий и объектов.

Стоит отметить, что технико-юридический подход законодателя к описанию земель историко-культурного назначения заключается в простом перечислении их разновидностей, что раскрывает объем, но не содержание данного понятия. Это положительно влияет на решение задачи классификации данных земель, так как задает нормативно-правовую базу для данной логической процедуры. Однако отсутствие законодательной дефиниции земель историко-культурного назначения лишает достаточной нормативно-правовой опоры попытки доктринальной разработки рассматриваемого понятия.

Не вызывает сомнений правильность отнесения земель захоронений к историко-культурным землям, так как они решают, помимо прочего, задачи обеспечения сакрально-религиозных потребностей населения в надлежащем погребении умерших людей в соответствии с определенными обрядами и традициями. Тем не менее, наряду с решением задач культового характера, земли захоронений также решают проблему чисто утилитарного характера – обеспечения соблюдения санитарно-эпидемиологических требований при захоронении умерших людей. Отталкиваясь от указанных задач, целесообразно рассмотреть правовые характеристики их решения при удовлетворении социально значимых потребностей в процессе организации мест погребений.

Типичной организационно-правовой формой удовлетворения потребности населения в погребении умерших людей является кладбище. Создание кладбищ на территории земель захоронений позволяет конструктивным образом решать проблему санитарно-эпидемиологической безопасности и обеспечении мест погребения. Удачным шагом со стороны законодателя является закрепление в тексте Федерального закона от 12 января 1996 г. №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [4] легальной дефиниции погребения. Данное понятие позволяет выявить комплекс функций, утилитарного и неутилитарного характера, которые реализацию земли

захоронений, являющиеся местами осуществления погребальных обрядов и пост-погребальных ритуалов, коммуникативных практик, имеющих особое религиозное значение для общества [5, с. 105].

Однако близкое по значению понятия «захоронения» не раскрывается в рассматриваемом нормативно-правовом акте. Не рассматривается в качестве предмета дефинитивного анализа данное понятие и в юридической доктрине, в рамках которой его принято синонимизировать с термином «погребение». Захоронение, если под ним понимать непосредственное помещение тела умершего человека в землю, рассматривается в действующем законодательстве одновременно как процесс, и как результат осуществления данного процесса. В первом смысле захоронений охватывает собой весь объем действий по погребению тела умершего человека, в то время как во втором смысле захоронение представляет собой конкретное место, где осуществлено данное погребение. Различение данных смыслов позволяет констатировать, что вне контекста погребальной обрядовой культуры захоронение становится более широким по своему объему понятием, чем погребение. По своему объему понятие «земли захоронений» шире понятий «места погребения» или «кладбище», так как включают в себя различные мемориальные объекты, а также комплексы, не предназначенные напрямую для захоронения умерших [6, с. 78].

Сопутствующим элементом процесса захоронения являются погребальные обряды, которые могут производиться как во время захоронения, так и после него. Обряды и традиции религиозного культа обеспечивают удовлетворение духовных потребностей людей в прощании и надлежащем погребении умершего близкого человека. Этот аспект захоронений носит неутилитарный характер и предполагает необходимость расположения на территории земель захоронений объектов религиозно-культурной инфраструктуры (часовен, церквей, храмов и проч.). Постингуманистические обряды имеют для общества такое же значение, как и непосредственно действия культового характера при погребении умершего. В силу этого значение земель захоронений для общества существенно расширяется, выходя за собственно границы, установленные для самого захоронения. Практики поминовения, которые включают посещение могил и различные виды увековечения памяти, служат для предотвращения социальной смерти умершего и помогают скорбящим поддерживать связь с умершим. Поминовение может отличаться от погребения и может включать в себя несколько этапов, что означает, что не всех людей поминают сразу после смерти или вообще. В некоторых регионах мероприятия по поминовению связаны с определенными днями массового посещения кладбищ.

Как уже отмечалось выше, наряду с культовыми и сакральными функциями, кладбища решают задачи чисто утилитарного характера – создают безопасную для общества природную среду для погребения умерших людей. Известным обстоятельством является исключительно высокий уровень опасности разлагающихся

трупов для проживания людей на определенной территории. В силу этого культурная практика погребения позволяет обезопасить пространства населенных пунктов от воздействия токсичных химических процессов, возникающих в результате разложения трупов. Действующее градостроительное и санитарное законодательство Российской Федерации устанавливает целый ряд нормативов и стандартов для организации мест погребения. Такие свойства почвы, такие как размер частиц, содержание глины, катионообменная способность и влажность, влияют на удержание, но относительная степень, в которой они это делают, требует дальнейших исследований. Климатические факторы, такие как количество осадков, также влияют на удержание. Они усиливают мобилизацию бактерий и вирусов из тканей, удерживаемых на частицах почвы, и облегчают их транспортировку в грунтовые воды.

Разложение захороненных тел приводит к образованию выщелачивающих веществ (жидкостей), обычно состоящих из воды, белка, жира, минеральных солей и углеводов, а также потенциальных патогенных микроорганизмов, т.е. бактерий и вирусов, и в некоторых случаях других химических продуктов, таких как тяжелые металлы, например, ртуть из амальгамных зубных пломб. Фильтраты могут включать жидкости для бальзамирования, материалы из гроба и одежды или украшения, положенные рядом с телом. Со временем фильтраты просачиваются в почву и потенциально могут загрязнять грунтовые или поверхностные воды. Количество фильтрата, просачивающегося в почву и грунтовые воды, напрямую связано с размером кладбища и количеством захоронений, частотой использования гробов, типом окружающей почвы, топографией участка и расположением кладбища по отношению к грунтовым или поверхностным водам, которые могут переносить фильтраты от мест захоронений. Традиционные захоронения до сих пор являются предпочтительными, хотя резервы кладбищенских территорий внутри городов и других населенных пунктов фактически исчерпаны; такие территории можно выделять и поддерживать только при условии выполнения требований градостроительных и санитарно-эпидемиологических правил, а вынос кладбищ за пределы поселений должен сопровождаться мерами по обеспечению их постоянной и удобной транспортной доступности [7, с. 144].

Чтобы избежать загрязнения близлежащих источников воды от фильтратов, кладбища обычно имеют ограниченные пространственные масштабы, которые определяют, как далеко от источников воды они должны быть расположены. Вода является основным средством распространения для загрязняющих веществ, перенося их в более глубокие слои почвы или на поверхность. В целом, загрязняющие вещества в подземных водах ослабевают с увеличением расстояния от источника. Высокие уровни загрязняющих веществ обычно концентрируются в непосредственной близости от кладбища, причем концентрации уменьшаются с увеличением расстояния от могил. Тип почвы имеет решающее значение как для разло-

жения, так и для просачивания фильтратов. Мелкие, плотные частицы, такие как глина, могут предотвратить разложение и просачивание, в то время как крупные частицы, такие как песок, могут способствовать быстрому разложению и просачиванию фильтратов, препятствуя их очистке и загрязняя грунтовые воды. Выбор участков для устройства мест погребения должен осуществляться на основе положительных решений экологической и санитарно-гигиенической экспертиз, а также с учетом свойств грунтов, которые должны быть не менее чем на глубину 2 м сухими, легкими, воздухопроницаемыми [8, с. 40].

Очевидным фактом является то обстоятельство, что места погребения представляют потенциально опасные для эпидемиологической обстановки территории, функционирование которых требует соответствующей градостроительной подготовки. Специфика разложения человеческих трупов отличается процессами выделения токсичных и опасных для окружающей среды веществ, нейтрализация проникновения которых в инфраструктуру городских и сельских поселений составляет одну из целей санитарно-эпидемиологических нормативов. Также установление правил рационального землепользования в отношении земель захоронений позволяет осуществлять погребения с минимальным ущербом для окружающей среды и экологической обстановки.

Таким образом, решение двух категорий задач утилитарного и неутилитарного характера задает для земель захоронений совокупность специфических описательных характеристик, которые могут быть положены в основу разрабатываемого понятия. Вполне очевидно, что не всякое захоронение в обязательном порядке сопровождается религиозно-культурными обрядами. В силу предсмертных указаний или по воле близких лиц процесс погребения может иметь светский характер, что не лишает особого социального значения место данного погребения. В этом случае целесообразно говорить о наличии собственно культурного значения (в широком смысле этого слова) у подобного рода захоронений. Компонентом культурного значения может выступать мемориальное значение. Культура в целом отражает всю совокупность человеческих традиций, обычаев и форм творческой деятельности [9, с. 14].

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым предложить дефиницию земель захоронений. Под землями захоронений предлагается понимать земли, используемые для организации и содержания мест погребения и совершения соответствующих обрядов (ритуалов), и в силу этого обладающих сакрально-религиозным и мемориальным значением, подчиняющихся санитарно-гигиеническим и нормативно-проектировочным требованиям земельного и градостроительного законодательства. В силу особого значения данных земель предлагается внесение изменений в п. 1 ст. 94 ЗК РФ, в наименовании и содержании ст. 99 ЗК РФ, с целью уточнения и конкретизации ценности земель захоронений для общества.

Список источников

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Российская газета. 2001. 30 октября, № 211-212.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля, № 144.
3. Козлов Д. В. Соотношение понятий «земля» и «земельный участок» в современном российском праве // Вопросы российского и международного права. 2016. № 2. С. 127–139.
4. О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12.01.1996 №8-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 2022. 30 декабря, № 297.
5. Чеснокова Е. Г. Кладбище в контексте современного календарного праздника // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 1. С. 104–114.
6. Аксенов Н. А., Волобуев Д. О. Нормативно-правовое регулирование оборота земельных участков, занятых гражданскими и военными захоронениями // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 2 (44). С. 76–83.
7. Хамадиярова Т. А. Правовое регулирование земель, предоставляемых под захоронения в городе Перми // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 139–148.
8. Гигиеническая оценка аспектов захоронения и требований, предъявляемых к устройству кладбищ в городе Перми / Н. И. Чепкасова, Е. А. Рязанова, Н. С. Боталов, И. М. Артемьева // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 40–47.
9. Гусейнова М. Д. О понятии «культура» в научной литературе // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 4. С. 13–17.

References

1. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on April 3, 2023). *Rossiyskaya gazeta*, 2001, October 30, no. 211–212. (In Russ.).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). *Rossiyskaya gazeta*, 2020, July 4, no. 144. (In Russ.).
3. Kozlov D. V. Sootnoshenie ponjatij «zemlja» i «zemel'nyj uchastok» v sovremen-nom rossijskom prave [Correlation of the concepts of “land” and “land plot” in modern Russian law]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2016, no. 2, pp. 127–139. (In Russ.).

4. On burial and funeral business: Federal Law of January 12, 1996 No. 8-FZ (as amended on December 28, 2022). *Rossiyskaya gazeta*, 2022, December 30, no. 297. (In Russ.).

5. Chesnokova E. G. Kladbishhe v kontekste sovremennogo kalendarnogo prazdnika [Cemetery in the context of a modern calendar holiday]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 104–114. (In Russ.).

6. Aksenov N. A., Volobuev D. O. Normativno-pravovoe regulirovanie oborota zemel'nyh uchastkov, zanyatyh grazhdanskimi i voennymi zahoroneniymi [Legal regulation of the turnover of land plots occupied by civil and military burial grounds]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2020, no. 2 (44), pp. 76–83. (In Russ.).

7. Hamadiyarova T. A. Pravovoe regulirovanie zemel', predostavlyaemyh pod zahoroneniya v gorode Permi [Legal regulation of lands provided for burial in the city of Perm]. *Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki: obshhegosudarstvennyy i regional'nyy aspekty*, 2015, no. 1, pp. 139–148. (In Russ.).

8. Chepkasova N. I., Ryazanova E. A., Botalov N. S., Artemyeva I. M. Gigienicheskaya otsenka aspektov zahoroneniya i trebovaniy, predyavlyaemyh k ustroystvu kladbishh v gorode Permi [Hygienic assessment of aspects of burial and requirements for the construction of cemeteries in the city of Perm]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*, 2018, no. 5, pp. 40–47. (In Russ.).

9. Guseinova M. D. O ponyatii «kul'tura» v nauchnoy literature [On the concept of “culture” in scientific literature]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2020, no. 4, pp. 13–17. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Бурганова – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

Information about the author

G. V. Burganova – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 01.10.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 01.10.2023; accepted for publication 10.10.2023.